

18+

ЖИЛБОС

ДЕВУШКА ИЗ БУДУЩЕГО

ИГОРЬ СОТНИКОВ

Игорь Сотников

Жилбос

«Издательские решения»

Сотников И.

Жилбос / И. Сотников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508236-7

Все самые знаковые события в жизни происходят неожиданно и вроде как случайно. Так и встреча с Рыжей, а по-другому она не откликалась и не отзывалась, была из этой категории знаковых встреч. А вот к чему она в итоге привела, к потере и находке себя, то это ещё надо посмотреть.

ISBN 978-5-00-508236-7

© Сотников И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Жилбос

Игорь Сотников

Дизайнер обложки Дарья Левчук

© Игорь Сотников, 2019

© Дарья Левчук, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-8236-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Человек, задающий вопросы

Может это и странно выглядит, но я до сих пор, для общения с этим миром использую те свои в детстве задаваемые вопросы, с помощью которых я познавал мир, и посредством их ищу общий язык с настоящим и взрослым миром, и заодно пытаюсь отыскать ответы на уже взрослые вопросы. Что, как оказывается, уже не так легко сделать, как это было в детстве, и людей по большей части удивляют и ставят в тупик эти мои вопросы, и частенько почему-то обижают тех людей, к кому я напрямую, или же косвенно обращаюсь с ними. Хотя они ничего особенного в себе не заключают, и по мне так, то звучат ровно так же, как и в моём беззаботном детстве:

– Почему нельзя называть вещи своими именами? Почему нельзя быть честным с самим собой, а тем более с окружающими людьми? Почему люди верят всему, что угодно, но только не самому себе? Почему так повелось, а так не повелось? Почему люди шуток на свой счёт мало понимают? Почему нельзя всё ставить с ног на голову и называть белое чёрным и наоборот? Почему дурака назовёшь дураком, он обижается, а назовёшь дураком не дурака, он улыбается? Почему вас все эти мои вопросы так удивляют, и вы видите в них какой-то подвох? И почему, собственно, нельзя говорить людям всё, что о них думаешь, даже если они об этом просят?

Да, действительно, почему так происходит, если к тому же она меня сама об этом попросила, – и что ты обо мне думаешь? – а как только я её, со свойственным мне простодушием, которое ей во мне всегда импонировало, спросил (а я так уж привык, отвечать на вопрос своим вопросом): «И какие у вас на мой счёт ожидания?», то тут-то всё и открылось в ней для меня – она вроде ещё не готова на такую откровенность. При этом я вижу, что у неё есть определённые на мой счёт ожидания и скажу больше, некоторые надежды, но она отчего-то не хочет, чтобы я об этом знал, и она, сделав злое лицо, побледнев и задрожав в губах, с возмущением, официальным тоном голоса мне говорит. – Спасибо вам за вашу исключительную честность, что в наше время редко встретишь, а особенно, когда тебе в лицо бросают обвинения в твоих корыстных взглядах. И как вы понимаете, то на этом наши пути расходятся в разные стороны. – После чего она, пристально на меня смотря, протягивает мне руку для рукопожатия. И когда я в ответ жму ей руку, то она вздрагивает в глазах и, прыскающим голосом проговорив: «Прощайте», отрывается от меня и так неожиданно для меня убегает, что я сразу и не смог сообразить, что сейчас нужно было делать.

А ведь между тем, именно я был инициатором нашего с ней знакомства. Я привлёк её внимание к себе, сбивающей сердце со своего нормального рабочего ритма, своей неотразимой красотой, – тут я себе польстил, – тогда скажем, что сводящим живот от смеха обаянием, – да, здесь я преувеличил, – тогда пусть харизмой, – а это, что ещё за хрень, – в общем, своей отзывчивостью и не прижимистостью, что в наше время, особенно в глазах женского пола, даже очень ценится и имеет немаловажное значение. Как же я сумел всё это продемонстрировать совершенно незнакомой и ещё в тот момент не замеченной мною девушке, то всё на самом деле до банальности просто (так и должно быть, ведь всё самое сложное складывается из элементарных частиц).

Так я при подходе к кассе для покупки билета на метро, не совсем удачно для себя раскрыл кошелек и в результате чего, из него посыпалась на пол вся мелочь, которой, как сейчас мной и всеми вокруг выяснилось, было звонко не мало. Я в свою очередь тут же опускаюсь на колени и начинаю наскоро собирать по выпавшую мелочь. Где вдруг и замечаю чьи-то руки, как и мои собиравшие с пола мелочь. Я поднимаю глаза и в первый раз вижу её улыбаю-

щееся, немного сосредоточенное лицо, и оно мне нравится. – У вас много мелочи. – Говорит она мне.

– Что есть, то есть. – Нейтрально отвечаю я ей, а то ещё подумает, что у меня кроме неё мало что есть.

– А вот у меня с этим проблемы. – Немного грустно сказала она, отрывая от пола монету. И тут-то я понял, к чему она ведёт весь этот разговор, она хочет проверить меня на предмет моей целостности, то есть мелочен ли я или всё по-другому. – Сколько вам надо? – спрашиваю я её.

– На билет в один конец. – Говорит она и добавляет. – Я иногда бываю рассеянной, особенно, когда влюблена. – И так на меня многозначительно смотрит, что я мог бы решить, вначале перепутав порядок возникновения причины и следствия, что я имею прямое отношение к возникновению в ней этой рассеянности, а уж затем, то есть прежде, она забыла дома мелочь на проезд. И что удивительно для меня, то на этот раз я не стал напрямую её спрашивать: «Надеюсь, что в меня?», а спросил совсем другое: А вы там ещё не насобирали?

Она, улыбнувшись, принимается за счёт и что опять удивительно, то она собрала как раз на билет. – Тогда я покупаю? – спрашивает она меня, поднявшись на ноги.

– Угу. – Согласно киваю я в ответ.

– Тогда до встречи. – Звонким голосом отвечает она мне, а сама к кассе. А я, как дурак стою на месте, и не пойми чему улыбаюсь. Пока она вновь не появляется, держа в руке билет, и, как будто не ожидая меня встретить здесь, вот так встречает. – Ах да, я совсем и забыла. – Глядя на меня с хитринкой во взгляде, наигранно вспоминает она что-то там для себя и спрашивает меня. – А вы не напомните мне, что я могла забыть? – И тут вдруг выясняется, что я, как оказывается, и сам не всегда готов отвечать на заданные мне вопросы. И я начинаю путаться в мыслях и сбиваться с ответом. А вот моя новая знакомая проявляет на удивление большую проницательность в части моего запутавшегося положения и она вновь берёт слово. – Я понимаю, вы немного флегматик (откуда она знает?) и несколько неспешно, со своим отстранением смотрите на мир, тогда как я холерик, и вечно спешу, и оттого вы немного не поспевайте за мной и моей мыслью. Вот держите номер моего телефона. – Она протягивает мне чек с написанным на нём номером телефона (она, видимо, ещё стоя у кассы, там всё со мной спланировала и написала номер телефона). – Когда с мелочью возникнет проблема, – а от рассеянности никто не застрахован, – делает однозначно мной трактуемую оговорку она, – то в любое время мне звоните. – Говорит она и, одними пальцами руки помахав мне: «Бай, бай», отправляется в сторону турникетов.

– И что это сейчас было? – глядя ей вслед, только и спросил я себя тогда. После чего посмотрел на чек с телефоном и, забыв о том, куда собирался ехать, принялся опять путаться в мыслях насчёт всего произошедшего, по сути самого обыкновенного знакомства, только более близкого, чем те, с которыми мы сталкиваемся лицом к лицу ежеминутно. Да и если на то пошло, то вот сейчас, я возьму и кому-нибудь ногу отдамлю, и тогда у меня будет отличный повод познакомиться и ознакомиться с теми выводами, которые на мой счёт сделает человек с отдавленной мной ногой. Но это знакомство с отдавленной ногой, хоть и оставит отпечаток в моей памяти, но оно будет кратковременным явлением для меня, а вот эта встреча, как мною чувствуется, не захочет меня очень надолго отпускать от себя.

– Так звонить ей или не звонить? – задаюсь я вопросом, устав себя дёргать, при этом ответ на этот свой вопрос, я само собой знаю, и тогда зачем я его себе задаю. – Чтобы подтолкнуть себя к решительным действиям. – Сам себе отвечаю я. – Но когда? – вновь задаю я себе вопрос и сразу же, с долей лукавства, на которую подбивает моя нерешительная в некоторых случаях натура, отвечаю. – Надо выждать время, не прямо же сейчас ей звонить. Что ж, подождём. – Глубоко вздохнув, решаю я.

Ну а ожидание это такая неблагоприятная и сложная штука, что о нём будет лучше рассказать чуть позже, в своей перспективе, где оно и живёт в общем, а пока поговорим о своём, насущном, в котором приходится жить, в том же ожидании своего решения позвонить и поисков ответов на свои вопросы.

А так-то задавать свои вопросы, я так и не перестал, несмотря на часто возникающее непонимание. И это не просто мои домыслы, а я не раз на практике встречался с такого рода непониманием.

И вот стоило мне, к примеру, не совсем в людном месте, – а откуда здесь, на задних дворах города, да ещё в полночь, взяться людям (как и почему я там в это время оказался, совсем другой вопрос), – просто неожиданно для себя и для встречного мною человека, чуть ли не столкнуться между собой лбами, а когда это происшествие счастливо нас миновало, то попытаться было обратиться к нему с вопросом: «Милый человек, не откажите мне в моей просьбе...», как дальше дело у меня не пошло, и всё по причине возникшего недопонимания между мной и этим человеком, который и не пойми почему решил, что я интересуюсь его кошельком, тогда как я хотел всего лишь узнать, сколько сейчас время. И в итоге я не узнал, не только, сколько сейчас времени, но даже и не понял, куда он в один миг исчез. Что, конечно, несколько обидно, но не критично для меня, из всего умеющего делать свои выводы.

– Определённо выбранное мною место и время, чтобы задать вопрос, повлияло на то, что мы друг друга так недопоняли. – Проанализировав это событие, сделал вывод я и решил изменить время и место для своего следующего подхода к людям со своими вопросами. Для чего я выбираю наиболее оживлённое, полное людей место, один из торговых залов по продаже женской одежды (хочется иногда совместить полезное с приятным, не на мужиков же глазеть, а тут такая страсть и огонь стоит в глазах покупательниц, что не оторваться) и самый подходящий для этого час, время распродаж. Что же касается самого вопроса, с которым я обращусь к какой-нибудь из покупательниц, то я никогда не делаю заготовок, а он сам рождается в голове по мере своей актуальности.

И вот я с флегматичным видом брожу по этому, весь в ярких огнях и мраморной белизне залу, и краем глаза посматриваю по сторонам, где борются с собой и со своим желанием всё примерить и купить, потенциальные покупательницы. И у меня уже начинают рождаться свои предпосылки к своему главному вопросу, который ещё в словах не сформулирован, но мостики к нему уже начинают по дощечке укладываться. – Откуда в вас такая уверенность в том, что вам всё подходит? – с некоторым удивлением поглядываю я на даму особого добротного вида, которую природа не обделила вообще ничем, и в ней всего было не понемногу, а достаточно много. Так что никого, и меня в том числе, не должна была удивлять её хватка, с которой она действует, нахватав полные руки одежды для примерки, с чем и отправилась в примерочную. Куда вслед за ней последовали две её менее габаритные спутницы, судя по их лицевой схожести с этой дамой добротного, выточенного творцом на века вида, то её ближайших родственниц. А я в свою очередь продолжил свой путь дальше, в отдел по продаже различных средств по приданию большего эффекта и облагораживанию лиц женского пола, среди которого, как сейчас буквально, стоя в стороне, я выяснил, встречаются и не шибко большие красавицы (наличие в душе романтизма не способствует объективности взгляда).

И вот тут-то я, при виде всего этого обмана, манипуляционно замаскированного под брендом косметика, в возмущении начинаю задаваться вопросами. – А если всё начинается с обмана, то разве есть будущее для этих отношений? – глядя в отражение зеркала, в которое вглядывается одна из пробующих на себе помаду покупательниц, в молчаливом негодовании поинтересовался у неё я. А она, между прочим, мне очень даже понравилась, даже когда ещё не накрутила и стояла ко мне со спины. А тут, как только что мною выясняется, то она становится ещё краше и у меня даже внутри что-то там, в области сердце, ёкает, когда она заметила мой обращённый на неё взгляд и улыбнулась в ответ. И мне немедленно, пока я не остыл,

захотелось у неё спросить: «А как вас зовут?». Но между нами встал этот её, даже не совсем обман, а желание меня и себя в том числе обмануть. И я, как человек имеющий принципы, сцепив зубы, отворачиваюсь и иду куда глаза ведут, пока не наталкиваюсь на свою старую знакомую, ту добротню сложенную тётку. А она не просто перекрыла для меня путь, а она громко негодует и возмущается, с ненавистью глядя на удерживаемые перед собой в руках джинсы.

– Да почему они не лезут?! – громко недоумевает добротню сложенная тётка. Ну а я дурак, не удержался, взял и ляпнул свой вопрос. – Вам действительно хочется знать ответ на этот ваш вопрос? – И надо было видеть, как на меня все вокруг посмотрели, в один момент устремив на меня, – в их глазах отныне, жестокий и подлейший человек, – свои полные негодования взгляды, и при этом в полнейшей тишине, в которую, как только я задал свой вопрос, погрузился весь зал, до этого столь шумный. Ну а я сразу понял, что ответ на этот вопрос все знают, так что мне не стоит его озвучивать и будет лучше, если я прямо немедленно покину этот зал и, скорей всего, больше никогда не увижу ту дивного вида рыжую красотку, с кем у меня состоялся немой диалог посредством зеркала.

В общем, что и говорить, а задаваться вопросами и задавать вопросы, как оказывается, не такое уж и простое дело и в некотором роде, целая наука. А не задавать вопросы, даже если ты вообще не любопытен, никак не получится и всё равно твоя природа тебя к этому вынудит.

И это не единственный вывод, который я сделал уже по выходу из этого торгового зала. Оказывается, время и место не самый значимый фактор, влияющий на вопрос понимания заданного тобой вопроса. А вот что в этом деле главное и наиболее существенное, то с этим вопросом без обширной экспериментальной практики не разберёшься. И я, чтобы больше не подвергать себя и встречных мною людей той неловкости, которая возникает, когда ты не достаточно верно интерпретируешь значение обращения к себе человека со стороны, решил для начала поэкспериментировать с самыми близкими себе людьми. Ну а так как все нынче люди занятые и им очень трудно выделить из своего графика безделья сколько бы немного времени, то пришлось обращаться за помощью в наше время к самому близкому товарищу и отчасти другу, а именно к телевизионному передатчику.

И хотя он не отвечает реалиям жизни и не может дать полного ответа на задаваемый мной вопрос, – что спорно, ведь задающий вопрос человек, уже отчасти знает на него ответ и ему для того чтобы найти на него ответ, нужен только толчок, который он и получает в ответе того, к кому он обратился с вопросом, – тем не менее, на начальной стадии подготовки, он, как своего рода симулятор, вполне подойдёт. К тому же он обладает рядом преимуществ. Так для него нет никаких ограничений по выбору для меня мест локаций и он может предоставить в моё зрительное распоряжение любого вида обстановку и местность. Плюс к этому, я могу выбрать для себя какую только хочу ситуацию, место и время действия. Ну и самое, наверное, главное, то это неограниченный выбор своих собеседников и просто увиденных лиц, к которым обязательно возникнут свои вопросы, и мне только и останется, как добавить немножко воображения, и я сумею для себя найти ответы на возникшие вопросы.

И вот я, заранее переделав все свои дела, занимаю своё место на кресле перед телевизором, к которому заранее были подтянуты на тележке разные съестные припасы и только для меня понятная жидкость в графине (кто знает, сколько этот эксперимент продлится, правда предположить можно – пока есть эта жидкость в графине), затем, чтобы ничто меня не отвлекло, отключаю всю связь с внешним миром, или всё же на первый раз делаю для себя небольшие допущения, ставлю на вибрацию сигнал телефонный звонок, – но только сегодня, потому что в первый раз и непривычно, – затем беру с волнением пульт от телевизора и не спешу его включать, глядя в тёмный экран телевизора.

– И что же скрывается в этой твоей бездонной глубине? – вглядываясь в эту тёмную глубину, в которой живёт и скрывается своя бесконечность, задаюсь вопросом я. И спустя сразу нахожу ответ на свой вопрос. – Своя вселенная. – И то, что я уже начал находить ответы на свои

вопросы, приободряет меня и я, взглядом обращаюсь к пульта, чтобы с помощью его определить свой начальный выбор. И как сейчас же мной с горечью выясняется, то выбор на самом деле не столь и большой, по крайней мере, на начальном этапе. И хотя я не большой поклонник телевизора и как многие сейчас, больше нахожусь в виртуальном мире интернета, тем не менее, я примерно знаю, что за каждой кнопкой телевизионного канала, где-то до десятого, прячется.

– Так не пойдёт. – Решаю я. – Жизнь построена на случайности встреч и значит, мой выбор не должен быть предопределён моими знаниями. – И я тут же, не глядя, нажимаю одновременно две кнопки на пульте телевизора. А тот паразит, моргнув, тоже выдерживает паузу и видимо даёт мне время одуматься и пока ещё не поздно, изменить свой выбор и переключить канал. Но я твёрд в своём решении, и даже не шелохнулся, сидя в одном положении. – Ну, ты сам этого хотел, так что пеняй только на самого себя, за этот свой выбор. – Что-то там пискнуло в телевизоре, передавая мне это своё пожелание. И только телевизор так красноречиво меня предупредил, гад, как я всё понял за его извращённую своим внутренним содержанием микроскопического размера, всю в микросхемах душу – он решил повлиять на моё решение, со своего экрана настав на меня сублильного вида типа, к которому у меня точно не возникнет никаких вопросов, с ним всё и так красноречиво ясно. Его стезя, финансового аналитика и эксперта, предопределена его унылой физиономией без следов живости на ней, и только ушилопухи оставляли ему шанс быть замеченным какой-нибудь болтушкой, которая без умолку, не переставая болтает, и оттого, что никому не даёт вставить слово в разговор с ней, растеряла всех своих слушателей. А тут такой шанс быть выслушанной.

– А может он (телевизор) действовал так, как и нужно было, со свойственной ему расчётливой объективностью, с которой я, в отличие от него, в любой момент могу соскочить. – На одно лишь мгновение меня посетило сомнение. – О чём он прекрасно знает – в его памяти, что-то мне подсказывает, уже отложились памятьливые воспоминания о том, каким каналам я отдаю предпочтение (сам же отметил их, как любимые). И я, по его мнению, подспудно желаю увидеть на его экране такое телевизионное лицо, чтобы при виде него у меня в голове и не смогло возникнуть вопросов: «А отчего мне такое счастье?» и «Почему именно я?». А как только она знаково подмигнёт мне: «Чего сидишь, бери и пользуйся», то я обо всём и об этих своих экспериментах с вопросами в момент забуду и приму этот дар телевизионных небес. А это всё наводит на весьма глубокую мысль о том, зачем и для чего в итоге вся эта моя вопро-сительность была мне нужна.

И хорошо, что вся эта сомнительная глупость долго во мне не задерживается, а то бы на каждый мой вопрос тут же рождался свой контрвопрос, и тогда уж точно никакого бы толку не было, таким аналитическим образом проявлять свой интерес к жизни. И я, пропустив мимо себя все эти навеянные видом телевизора мысли, – а он мне некоторым образом дорог, ведь я ради него в поте лица трудился и не пожалел для его приобретения часть, а может и целую зарплату, – вернулся к своим прежним взглядам на него. А они всё больше были суровые и жёсткие.

– И я не потерплю, – вознегодовал я, – чтобы мне кто бы то ни было указывал, и контролировал мои действия. И я, забыв о графине, упираюсь взглядом в экран телевизора и начинаю выискивать, за что бы можно уцепиться в этом типе. Ну а при должном настрое и желании, всегда можно найти чего хочешь. И я спустя глоток из рюмки, сумел-таки настроить себя на нужный лад и, откинувшись всей спиной на спинку кресла, включив в помощь своё воображение, вернулся в прежнее русло своего начального рассуждения.

И вот спрашивается, как не задаться вопросом удивления, когда ты видишь своими глазами в телевизоре и слышишь всё вот это, что говорит этот ведущий эксперт и аналитик, с мутной физиономией и вращающимися глазами, которые он и хочет спрятать за своими очками, но у него ничего не выходит.

– Мол, по моему высокому экспертному мнению, – сидя в студии, откинувшись на спинку кресла и, закинув ногу на ногу, глядя куда-то в неизвестную вдаль, акцентируя внимание слушателя на свой выговор и заграничный акцент, не спешно начнёт проговаривать слова в ответ на вопрос ведущей, этот независимый эксперт, обязательно директор какого-нибудь центра стратегических планирований, Вениамин Альбертович Крузенштерн, – волатильность рынков ипотечного кредитования такова ... – а дальше вы уже и слышать этого эксперта не можете, у вас в голове уже родился немедленно требующий ответа вопрос. – Ты, бл**ь, откуда такой выискался? – Правда, ответ на этот вопрос вы примерно знаете, и, пожалуй, догадываетесь, откуда этот ведущий аналитик и эксперт выискался – оттуда, где нас, не экспертов и аналитиков, а просто дремучий народ, нет.

Но при всём этом вашем знании того, откуда растут ноги знаний у этого эксперта, вы всё-таки даёте ему шанс и сразу не переключаете телевизионный канал и, прихлёбывая чай в прикуску с баранками, продолжаете его слушать (вы отлично знаете, что на соседних каналах поселились не менее матёрые, уже в своих областях эксперты, которые не моргнув глазом, не глядя на тебя, поженят, вылечат и от всего этого застрахуют с помощью заклинаний и полиса ОСАГО).

– А что вы думаете по поводу векселей с трёхлетним сроком погашения и дальнейших заимствований в сфере высокодоходных облигаций? – миловидная ведущая прямо удивляет эксперта Вениамина Альбертовича своей наивностью, задавая ему такие аппетитные... тьфу, эмитентные вопросы. И в этом вы, к своему удивлению, отчасти согласны с этим экспертным взглядом эксперта на ведущую, плюс и на самого эксперта, чья физиономия вам не внушает никакого доверия и при виде его у вас вновь возникает вопрос. – Ну почему так получается, что не эксперт, то к нему никакого доверия? – задаётся вы вопросом, глядя на Вениамина Альбертовича, в глазах которого прямо читается: «Все бабы дуры».

И это, даже не предположение Вениамина Альбертовича, а это была его официальная позиция, крепящаяся на весьма весомых основаниях. Он к этому горькому для себя выводу пришёл путём своего печального опыта взаимоотношений с женским полом, который если бы был умным, то сумел бы по достоинству его оценить, а он всё игнорирует его. Как и сейчас эта миловидная ведущая, смотрящая на него лишь как на эксперта и не более того, а Вениамину Альбертовичу может быть хочется поговорить не только о слияниях и поглощениях в мире финансов, а он бы не прочь перевести этот финансовый язык в другие плоскости взаимоотношений. Но на рынке человеческих взаимоотношений идут свои инфляционные процессы, и общение всё больше сводится в виртуальную плоскость и, пожалуй, осмелюсь Вениамин Альбертович по окончании передачи испросить у ведущей программы её номер телефона, то она и не поймёт, для каких реальных целей он её об этом спрашивает. В общем, Вениамин Альбертович и не будет спрашивать, а его телевизионный зритель, в том числе и я, вслед за возникшим вопросом приходит к проистекающему из этого вопроса выводу:

– А что насчёт заимствований, то я тебе бы точно в долг не дал. И что-то мне подсказывает, то ты, Вениамин Альбертович, большой любитель инвестиций в себя.

И только мы, зрители, так подумали, как этот Вениамин Альбертович, словно он умеет читать мысли своих зрителей на расстоянии телевизионного сигнала, смотрит в экран телевизора и как нам, а в частности мне, чуть не поперхнулось в глотке от увиденного, подмигивает нам. Типа я готов выслушать любые ваши предложения и дать свою оценку им за соответствующее вознаграждение. И хорошо, что нас разделяют немалые расстояния и поэтому только пульту от телевизора приходится отдуваться за это экспертное мнение Вениамина Альбертовича, желание встретить которого, с этого момента поселилось в нас навеки. И встретиться он нам, зрителю, на нашем жизненном пути, то мы уж так бы его экспертное мнение спросили, что он, наверное, и не сразу бы смог ответить нам, по причине сломанной челюсти. И тогда

спрашивается, зачем тогда, вот в таких случаях спрашивать и задавать вопросы, если ответ на них очевиден – унылое блеянье оппонента.

Хотя стоило мне только переключить телевизионный канал, то я вмиг понял, что Вениамин Альбертович, хоть и напыщенный и самовлюблённый хлыщ, со своими тараканами в голове, который кроме себя никого терпеть рядом с собой не может, всё-таки он ещё не полностью потерянный для меня человек, когда есть такие эксперты, которые хоть и не разъясняются так заумно и совсем ничего не разберёшь, как Вениамин Альбертович, а они делают такой особый акцент на простоте выражений, что уж лучше вообще ничего не понимать в сказанном Вениамином Альбертовичем, чем, выйдя из себя, не находить себя от понимания услышанного и увиденного.

Но я не прислушиваюсь к своей интуиции и всё равно переключаю канал, и теперь изволь сам себя винить в том, что не прислушался к голосу разума и нажал на пульт. Ну а там на этот раз, за столом собралось уже несколько экспертов, с виду явных модников, эстетов и в том числе аналитиков, со своим экспертным мнением, с которым они, с глубокомысленным видом делясь между собой, одновременно делятся и с тобой, дремучий человек.

– Милостивые государи, и что мы будем рассматривать сегодня? – вальяжно рассевшись в кресле, сложив домиком руки перед собой, с таким многозначительным видом, как будто он всего этого не знает, спросит своих высокочтимых им коллег по экспертному делу, человек в кедах на ногах и в шарфике обмотанном вокруг его шеи, скорей всего, критик, – слишком критически он поглядывает на своих коллег, да и имя у него было подстать, Максимилиан Трогательный. А ему, между прочим, об этом режиссёр передачи, ещё до команды «мотор» говорил. И теперь режиссёр передачи, известный в режиссёрских кругах, как Валентин Мумуев, не знал, что и думать. Хотя он не в первый раз на своём режиссёрском посту, правда, в первый раз имеет дело со столь высокоинтеллектуальной и по своему неоднозначной категорией людей, так что ему простительно, что он вдруг у себя в будке растерялся и поплыл мыслями, когда ведущий эксперт и по совместительству ведущий эту многогранную передачу под одноимённым названием, Максимилиан Трогательный, с таким далёким посылом, не по написанному в сценарии, обратился к своим коллегам, экспертам.

Ну, а милостивые государи, то есть те, к кому обратился господин Трогательный, пожалуй, и сам милостивый государь на время ведения передачи, да и вообще, все значимые эксперты есть милостивые государи по своей природе и от рождения, – ведь они снисходят до нас, простых смертных, и объясняют нам что почём, а так бы мы и не знали, – откладывают в сторону все свои дела, и с величавой снисходительностью глубокомысленно смотрят на Трогательного. Так один из видных экспертов и не только из-за своего большого роста, господин Алилуев, ставит на блюде в своей руке чашечку кофе, от которой он только что отпил глоток и начинает лицеизреть Трогательного, а второй приглашённый на эту передачу эксперт и политолог в одном лице, господин Неврозов, губами передвинул курительную трубку из одной стороны губ в другую сторону, – да так невыносимо противно это проделал, что видевшие всё это действие люди, нисколько не сомневались в том, что предложи этот Неврозов выкурить трубку мира хоть кому, то никто не решится на это дело и тогда война будет продолжаться вечно, пока в дипломатах ходят такие курители трубок, – и, сдвинув брови, принялся внимательно смотреть сквозь ведущего Максимилиана Трогательного.

Но такой ответ этого экспертного сообщества на свой вопрос, не совсем устраивает Трогательного, хотя он и польщён за их выбор и умение без лишних слов довести до вашего сведения свою глубокую мысль. – Господа, – переложив ногу на ногу, заговорил Трогательный, – сегодня у нас пилотная передача, так что давайте не будем всё перекладывать на одни плечи. – В результате чего он вызвал глубокие вопросы в головах своих гостей и собеседников, так и не понявших эту его манипуляцию с ногами. – Опять Максимилиан за старое взялся, – единодушно рассудили его собеседники, – делает одно, а говорит другое.

– Ну так что, господа, – вновь берёт слово Максимилиан Трогательный, чувствуя, что что-то сегодня ему никак не удаётся войти в свой обычный рабочий ритм. А эти придурки, Алилуев и Неврозов, чьим мнением он бы интересовался в последнюю очередь, как будто специально молчат и своим апатичным видом его сбивают с толку.

– Что там у нас по порядку? – задаётся к себе вопросом Трогательный, памятьливо обратившись к сценарию программы, которую он толком и не читал и впопыхах засунул себе под зад, типа я всё помню. А как сейчас выясняется, то он и не знает, что должен был помнить. Так что в принципе, он определённо помнил, раз ему нечего было забывать. – А чего собственно, я волнуюсь, – потеплело в душе Максимилиана, как только его осенила догадка о том, что ведь это телевизионная передача и всё можно начать заново. И Максимилиан, просветлев в лице, а то он под этими угрюмыми взглядами коллег по творческому цеху совсем потемнел, обращается к кому-то в сторону (так видится телезрителю, в частности тому, от чьего я имени, сначала вёлся этот рассказ – это уже потом, предположительно в следующей главе, будет объяснено, почему иногда происходит такая путаница с местоимениями). – Я, как понимаю, мы в прямом эфире. – С долей ехидства, как бы в шутку, уклончиво вопрошает режиссёра Максимилиан. И судя по тому, что режиссёр схватился руками за голову, то эти предположения Максимилиана никак не оправдались. И Максимилиан, потеряв в лице часть ярких красок, поправляет на шее шарфик и не совсем выдержанно обращается к своим коллегам, экспертам.

– Так что, господа, скажите, – говорит Максимилиан, – если я сегодня, обращу свой взор на нашего зрителя. Без чьего на наш счёт мнения, наши с вами посиделки в студии, становятся бессмысленными, если он вдруг, по каким-то немислимым причинам, – здесь Максимилиан знаково усмехнётся, типа такое может случиться только в одном случае, если зритель непронимый дурень и вообще не просвещён, – или же по невероятным стечениям обстоятельств (знаю я эти стечения обстоятельств, выпить захотел и выпил), не захочет нас слушать и смотреть. – Продолжит Максимилиан Трогательный. – Что поделать, рейтинги нынче определяют жизнь передач. – Делает оговорку Максимилиан. – Вот спрашивается, какой всё-таки наш зритель? – задаётся вопросом Максимилиан и чуть ли не в упор смотрит через телевизионную камеру на меня, вдруг, по стечению различного рода непредвиденных мною обстоятельств, – так лёг пульт, – ставшим его, Максимилиана, зрителем. Что совершенно не устраивает меня, вдруг ставшего целевой зрительской аудиторией Максимилиана, и я начинаю тянуть рукой за пультом, чтобы, так сказать, вычеркнуть себя из этой аудитории Максимилиана. А этот Максимилиан, как будто чувствует, что среди его аудитории наметились отступники и он начинает внимательно следить за телезрителем, то есть за мной, который вероломнейшим способом тянет руку к пульту.

И тут Максимилиан как вроде замечает по мне, что я дотянулся до пульта и готов прямо сейчас с ним расстаться, и он как многозначительно взглянет на меня: «А ну стоять!», и я, загипнотизированный его взглядом, застываю в одном положении, не понимая, что всё-таки меня остановило на полпути к переключению канала. И я, такой же как и всякий другой телезритель, начинаю искать в себе то, что могло меня остановить и не сделать самого логичного шага. И вроде бы в самом себе нет ничего такого, чтобы этого не хотело и тогда я опять прислушиваюсь к тому, что там, за экраном телевизора, в студии происходит, и отчасти нахожу ответ на этот вопрос – разговор зашёл обо мне, телезрителе, и мне захотелось на совсем чуть-чуть задержаться.

– Так всё же, – ухватив за коленку свою ногу (это такой творческий приём, с помощью которого ведущий показывает свою близость к простым людям), спросил своих оппонентов Максимилиан, – кто наш целевой зритель? – И если я, телезритель, даже не предчувствуя, а зная, какими категориями мыслят и измеряют меня вот такие светочи прогрессивной мысли, начинаю наполняться нехорошими мыслями насчёт ведущего, который сейчас начнёт под себя и свои вкусы подгонять меня, то его со ведущие, не сумев удержать в себе свои мысли, тут же

нахмурились. Они, скорей всего, подозревали, что нельзя полагаться на данные социологических опросов и рейтинговых агентств, а им одной поездки в общественном транспорте, где они были узнаны, было достаточно, чтобы о себе узнать столько, чтобы у них желание показываться на людях, раз и навсегда улетучилось.

Максимилиан Трогательный между тем продолжает. – Вы, господа, не дадите мне соврать ... – было начал Максимилиан, и на этом слове перестал всеми слушаться и слышаться. Он этим своим заявлением вдруг всполошил своих со ведущих, в том числе и меня, телезрителя. У меня тут же возникли на этот счёт свои, дедуктивного характера мысли и свои вопросы.

– И откуда интересно у него такая уверенность и убеждённость в этом? – тут же задались этим вопросом все, кто услышал это заявление Максимилиана. И теперь я всё своё внимание остановил на со ведущих, принявшись домысливать высказанную Максимилианом мысль. – Здесь определённно имеют место тайные договорённости, где у каждого из участников этого диспута, есть компромат друг на друга, удерживающий их здесь всех вместе и главное, от обоюдных обвинений не в компетенции и в чём-то ещё страшном.

– Если ты, Максимилиан, слишком много будешь заострять внимание на себе, а нас задвинешь в тень, то мы больше не будем терпеть твоего занудства и уйдём к Гудю или как там его. – Вот такие условия поставили перед ведущим его со ведущие, прекрасно зная, как ревниво к себе относится Максимилиан, уже не могущий похвастаться свежестью лица и мыслью. И если ты с помощью современно медицины впрыскиваешь в себя молодость, то откуда в твоей голове взяться свежей мысли, когда там одна забота о том, как бы не отстать от всё равно опережающего времени. И кеды на ногах и другого такого рода мерила молодости, ни насколько не молодят и не освежают твой дух.

А вот у меня, телезрителя, внимательно посмотревшего на со ведущих, рождается совсем другая мысль и уверенность. – Смотря, что им предложить. – Делаю вывод я, примерно догадываясь, что им предложить и предложили, чтобы они ничего не имели против того, чтобы Максимилиан соврал сейчас, в прямом эфире, и если им ещё добавить, то пусть он врёт, когда ему только вздумается. И тут вслед за первой мыслью следует из неё проистекающая. – А, пожалуй, Максимилиан уже об этом позаботился. Вот почему он столь уверен на счёт своих со ведущих.

А от такой правды жизни, у меня в голове вновь рождается всё тот же вопрос: «И откуда они, падлы, только такие берутся?». Впрочем, я, и на него знаю ответ и поэтому на этом останавливаюсь, выключив телевизор. И тут вдруг ко мне приходит своё понимание этого экспертного сообщества. Мы все и каждый из нас в отдельности, хотим быть экспертами в той или иной области жизни. Мы ведь по своей сути ценители этого мира, а это и значит, быть экспертом. А как только я это осознал, то я тут же ответил на одно из своих почему. – Так вот почему в устах ребёнка чаще звучит вопрос «Почему?», а не к примеру: «Что всё это значит?». Человек уже с самого детства аналитически мыслит и с таким разумением подходит к своей действительности. И только уже по мере своего взросления, когда им через своё почему будут выяснены все правила, закономерности и основы, на которых крепится и стоит этот мир, человек начинает в качестве хобби интересоваться своими частностями и задаваться касающимися их вопросами.

– Что всё это значит? – в крайней степени недоумения и негодования на свою супругу, так неожиданно встреченную, и не просто рядом с кафе, а обнимающуюся с каким-то крепкого вида типом, задается вопросом её обелённый мудростью в голове супруг, профессор психологических наук и философии, господин Каунас, с возрастом ставшим чрезвычайно требовательным к своей молодой супруге. И ему при этом, почему-то не придёт в голову, прежде задаться вопросом: «А почему так всё вышло?». Что было бы логично для человека с аналитическим складом ума и тем более профессору, правда только не в состоянии аффекта и бешенства, в которое впал профессор Каунас, при виде всего этого непозволительного им безобразия,

которое на его глазах позволяет его супруга, Анна. И то, что она не думала и не предполагала, что он им здесь встретится, не оправдание для этого её поступка.

А тут ещё в их разговор вмешивается этот могучего телосложения и не пойми что за тип. – Тебе, папаша, чего ещё надо? – грозно посмотрев на профессора Каунаса, басовито спросил его этот тип. А ведь в этом его вопросе, несмотря на всю угловатость этого обращения этого типа к профессорскому разуму, определённо содержались свои крупницы истины, с дальним посылом профессору. Но профессор Каунас, как упёрся в своё непонимание происходящего, так и не сдвигается с одной мысли – он обманут и при этом, всем миром. А ведь он у себя в клинике не только на атомы расщеплял несговорчивых и психологически неустойчивых пациентов, а он их просто-таки крошил в пустоту своими знаниями психологии человека. А тут такая неустойчивость и прямо сказать, неуверенность в себе, в которую вдруг впал профессор, не понимая, как так может быть и почему это случилось именно с ним, так психологически подготовленному к такому событию, на пути к которому он наставил столько всевозможных охранительных крючков и якорей. А они так и не смогли остановить всё это.

А всё потому, что он для своего понимания всего происходящего вокруг него, задаётся не правильными вопросами. И этот его вопрос: «Что всё это значит?», есть уже следствие, простая констатация факта, а вот если бы он обратился с тем, так наиболее чаще всего звучащим в детских устах вопросом: «Почему?», то он бы всё отлично для себя понял и не стал бы сейчас хвататься за сердце и в приступе непонимания, что с ним сейчас происходит, начать падать в глазах всех здесь присутствующих.

– А я для тебя, Анечка, ничего не жалел и всем твоим капризам потворствовал. – Начинает так жалобно хныкать этот профессор, что всем становится не по себе от вида такого его жалостного прискорбия. А вот Анечка, как выясняется, не такая жалостливая натура, а она натура справедливая и во всём любит честность. – Это чего это ты, скупердяй, для меня не жалел и что это ещё за такие капризы?! – в удивлении выкатив глаза, прямо требует ответа от профессора его колючая Анечка. – А ты так на меня не смотри, – нервно реагирует профессор Каунас, – я рациональный человек и у меня, между прочим, всё записано. – И профессор лезет в карман своего плаща, откуда им вынимается в кожаном переплёте блокнот, и профессор смочив во рту пальцы, начинает его перелистывать.

И теперь уже побледневшая Анечка, выскользнув из захватов своего хорошего знакомого, этого железобетонного типа, с кем они обменивались не только теплотой своих взглядов друг на друга, и, подскочив к профессору, вцепляется ему в руки, откуда выхватывает блокнот и с яростью бросает его на мостовую и начинает в остервенении топтать. Когда же от него мало, что остаётся, Анечка, такая прекрасная в ярости, с ненавистью смотрит на профессора и злобно проговаривает. – Вот так ты растоптал мою к тебе любовь. – После чего она оборачивается к нему спиной и было собирается присоединиться к своему близкому знакомому, как вдруг слышит со стороны сзади себя, очень знаковый и по особому звучащий звук. Это, как оказывается, профессор на этот раз упал ещё ниже, затылком об мостовую.

Анечка в первое мгновение торопится при виде свалившегося профессора, а затем бросается к нему и, задаётся имеющим очевидный ответ вопросом. – Что с тобой, Кальчуня? – а вот такое её смягчение до ласкового имени профессора, как-то совсем не понравилось ухажёру Анечки, которого она никогда так не называла, ограничившись: Мой Мишка.

– Я бы сказал, что умираю от любви к тебе, – говорил весь разбитый падением вид профессора Каунаса, – но я на своём смертном одре не доставлю тебе такого удовольствия. – Добавила в спазме дёрнувшаяся нога профессора. – И поэтому я умираю от сожаления при виде твоего невежества.

– Лучше не умирай. – Анечка своим ответным словом и вовсе всех удивляет. И теперь профессор, как и хороший знакомый Анечки, и не знают, что думать после этого её ответа. И у каждого из них в голове теперь стоит вопрос: «Как понимать этот её ответ?». Как будто

не знают: по обстоятельствам. А если не понимают, то им уже, пожалуй, не объяснишь, что не всегда нужно придавать значение словам, прозвучавших в женских устах, а их смысловое значение зачастую находится в компетенции интонации, с которой работает отвечающая за чувства часть женской души. И им, этим в основном беспокойным натурам, вот с таким противоречием в себе приходится жить, а непонимающим их противоречивой природы людям, ничего не остаётся делать, как уступить место рядом с ними другим людям, если до конца и не понимающим, как так можно себе противоречить, – пять минут назад сказала одно, а сейчас совсем другое, – то скрепя зубами свыкнуться и молча делать вид, что ты понимаешь, что к этим туфлям нужно одеть что-нибудь другое.

И тут не без того, чтобы не задаться вопросом: Кому же всё-таки из них сложнее, тому, кто должен сделать свой итоговый выбор из даже не из двух предложений, а из бесконечного множества противоречивого свойства модификаций, возможно, что по итогу только из одной вещи, или тому, кто на всё это метание из стороны в сторону смотрит и не имеет права вмешаться?

И тут, для того чтобы как-то понять, почему так происходит и зачем все эти противоречия и разночтения друг друга, были в нас за основу будущих крепких отношений заложены природой, просто необходимо посмотреть со стороны на два принципиальных взгляда на одно и то же событие.

– Я её брошу! – укрепив своё сознание новой порцией горячительного, бросает вызов судьбе в виде остановившейся неподалёку красотки, в перспективе свободный человек. Вот только зачем так разбрасываться своим вниманием к красоткам, как будто и так не ясно, к чему оно ведёт – в своей перспективе к тому же не свободному варианту, который его привёл сюда в бар, в отчаянии за свою несвободу мыслить, как хочет. – Хочу я в кровати перед телевизором чипсы есть, а она меня с ними оттуда гонит. Нет сил уже терпеть этот её деспотизм. – Вот с этими мыслями себя воодушевил на новые мысли о свободе отношений этот живущий в перспективе человек.

– Я от него уйду! – не менее решительно заявляет по телефону своей подруге, находящаяся на другой стороне решения этого вопроса, девушка-красавица, пока ещё не свободная, но в перспективе могущая рассматриваться в качестве варианта отношений для людей, живущих в своих перспективах. И как только она это сказала, то тут же принялась заглядываться по сторонам, как будто сама не знает, к чему, как правило, приводят эти её заглядующие взгляды. Где она и встретила взглядом с тем решительным человеком, который на её счёт уже строил свои далеко идущие планы.

А как только они практически одним взглядом посмотрели друг на друга, – а всё благодаря, или будет вернее сказать, по вине недоговороспособности своих вторых половин (таким всё это видится), – то они сумели вовремя увидеть, к чему в итоге всё приведёт, если они решат всё бросить и броситься в объятия друг друга, и решили пока повременить всё менять в своей и чужой жизни.

Правда, не всегда всё так разумно разрешается и это всё свои частности, которые не редко нами в жизни встречаются, но сейчас всё чаще все эти семейные истории, разыгрывая, демонстрируют с экрана телевизора, где в публичном телевизионном пространстве, полном, само собой разного рода экспертов и уважаемых людей из артистического сообщества, совместно с теми зрителями, кому, скорей всего, делать нечего из-за отсутствия личной жизни, пытаются разобраться, кто виноват в том, что глава семьи Семён, по словам самого же главы этой семьи, так отчаянно гуляет напропалую, когда он такой сморчок и совсем не видный из себя мужчина? И всё это ведёт такого глубинного вида тип с высокоинтеллектуальным лицом, а может его выражением, что начинаешь задумываться о том, а может я чего-то не понял, и если здесь в качестве ведущего присутствует такого интеллектуального разлива тип, то здесь наверняка поднимают куда как более важные вопросы.

Но проходит пять минут, а затем ещё две и ничего, кроме руганья и драк там не происходит, и тут у меня, вдруг обнаружившего себя за просмотром всего этого вертепа, возникает только один вопрос. – Почему я это (!) смотрел и до сих пор смотрю? – Что немедленно приводит к нажатию кнопки выключения телевизора (а когда я его включил снова, то я и не помню) и в мою душу приходит покой. Но только на время, пока моя памятливая мысль не возвращает меня к сегодняшнему происшествию, случившемуся у меня на работе, которое, в общем-то, и послужило катализатором, своим толчком к этой моей аналитике, и создало все условия для моего сегодняшнего, в будний день нахождения дома, а не на работе.

Так сегодня, вначале рабочего дня и по окончанию производственного совещания, когда уже все вопросы были обговорены и задачи перед рабочим персоналом на сегодняшнюю рабочую смену были поставлены, ведущий это совещание всеми уважаемый за должность, да и согласно субординации, каждый обязан испытывать такие чувства, начальник Валериан Никифорович, находясь в благодушном состоянии духа, вдруг решил показать себя большим либералом, а так-то он авторитарный управленец, и пока он всех не отпустил с планёрки, берёт и спрашивает у собравшихся в его кабинете подчинённых, есть ли у них какие-нибудь рационализаторские предложения, а может и того больше, замечания по сегодняшней повестке дня.

И после этих, только одного человека воодушевляющих слов Валериана Никифоровича, а именно самого Валериана Никифоровича, кабинет погружается в безмолвную тишину, где каждый из находящихся в кабинете людей, кроме самого Валериана Никифоровича, пытается продемонстрировать свою полную беззаботность и хладнокровие. Но как бы они не маскировались под всё это, я-то вижу смущение и беспокойство, написанное на лицах своих сослуживцев, пытающихся спрятать себя от взглядов Валериана Никифоровича, ищущего для себя достойную жертву. Прямо, как в школе, когда заданные на дом уроки никто почему-то не выучил, – прямо какая-то странная аномалия раз за разом случалась, и все в классе в один день приходили неподготовленными к уроку, – и грозный учитель, не найдя желающих выйти к доске и ответить домашнее задание, сейчас искал для себя в классе того, кто ему не ответит, а потенциальные жертвы неумело пытались спрятаться за впереди сидящего товарища от глаз учителя. Ну и тут я, как в своё время и в школе, решаю взять весь удар на себя и вначале знаково прокашливаюсь, – таким образом, я фиксирую на себе общее внимание, – а затем многозначительно говорю (так я иногда спрашиваю):

– А вы, Валериан Никифорович, дурак дураком.

Ну а после мною сказанного, кабинет погружается уже в мёртвую тишину, где любодорого посмотреть на Валерина Никифоровича, ошеломлённого услышанным, мало сказать, когда у него челюсть отпала и глаза выкатились из своих орбит, а самого его начало потрясывать. Я же, чтобы слишком не смущать Валериана Никифоровича своим вниманием к нему, добавляю: «У меня на этом всё», и поднимаюсь со своего стула. Но видимо у Валериана Никифоровича на этот счёт другое мнение, к тому же он после первого шока пришёл в себя и вновь обрёл дар речи, и он тут как завопит на весь кабинет: Да что это всё, собственно, значит?! Да как вы смеете?!

Я, поворачиваясь к Валериану Никифоровичу и спрашиваю его. – Говорить о вас правду?

Что по новому потрясает Валериан Никифоровича и ставит в умственный тупик, и он в полной растерянности и недоумении спрашивает меня. – Какую ещё правду?

– Которая вам глаза режет, что есть первый признак того, что я говорю правду. А если не верите, то сами посмотрите на себя. – Демонстрируя непонимание такой наивности Валериана Никифоровича, пожимая плечами, говорю я. И теперь весь собравшийся в кабинете Валериана Никифоровича коллектив, явно мотивированный моими словами, со всем своим вниманием изучающе смотрит на Валериана Никифоровича, пытаюсь отыскать на его лице подтверждение моим словам. А Валериан Никифорович, подспудно чувствуя, что он стал объектом пристального изучения, – никто не отменял негласное правило «подчинённый своё началь-

ство должен знать в лицо», и поэтому Валериан Никифорович не мог придаться к своим подчинённым, типа чего уставились, – находясь в сложной для себя двойкой ситуации, – если он начнёт возмущаться и закрывать своё лицо от взглядов, то он тем самым признает мою правоту, а если он окаменеет в своём лицевом хладнокровии, то опять он дурак, – пока ничего не сообразил, решает поостыть в лицевом камне.

Ну а наш коллектив, как и любой другой коллектив, живёт по общеизвестным законам общежития, где начальство всегда в лицо уважаемо, а за спиной к нему не без своих претензий и недовольства им. Так что совсем не сложно понять, чью сторону занял коллектив в этом противостоянии между мной и Валерианом Никифоровичем. И мои коллеги не только всё, что мной подразумевалось, увидели на лице Валериана Никифоровича, но и многое от себя добавили и додумали.

– А Валериан (так его панибратски про себя звали его подчинённые и мои коллеги, в том числе и я), если честно, то не такой уж и дурак, раз на его месте сидит он, а не другой дурак. – С такими взглядами и мыслями смотрел на Валериана Никифоровича, не слишком выделяющийся из общей массы сотрудников и отчасти подхалим, мастер Прокофий.

– Козёл он, вот кто. – А вот до сих пор ходящая в лаборантах, Евгения Александровна, привлекательнейшая особа, с некоторых пор переставшая хвастаться своим возрастом, более категорична в своём взгляде на Валериана, обманувшего её надежды и до сих пор обманывающего её и свою супругу насчёт неё.

В общем, каждый увидел и видел своё в Валериане Никифоровиче, в том числе и он сам, что послужило всем уроком и в особенности мне, с кем Валериан Никифорович немедленно захотел пообщаться один на один у себя в кабинете. И когда все разошлись, а мы остались у него в кабинете тет-а-тет, то он мне объяснил, что мне, с моим потенциалом, нет смысла губить свою карьеру под началом такого дурака, как он, и он просто обязан предоставить мне возможность для своего роста. А этого можно добиться лишь там, где нет дураков. – И это без дураков. – Однозначно слукавил Валериан Никифорович, подписывая приказ о моём увольнении. Ведь как без дураков, если он этим фактов обосновывает моё увольнение. Вы уж, Валериан Никифорович, определитесь с собой, а то выходят у вас одни только дурацкие противоречия.

А ведь вопрос о дураках до сих пор не утратил своей актуальности и всё также всех неравнодушных граждан волнует. Особенно в нашей стране, где этот вопрос находится в жёсткой связке с вопросом дорог. Где они в своей основе несут в себе философский аспект, со значением жизненного пути, а дурак это не категория умности, а это своего рода знаковая значимость твоего я для общества, как правило, для начальства, и твоего я для самого тебя. И оттого никто даже не думает обижаться, когда его называют дураком, и даже будоражит всё внутри, когда тебя называют дурашкой. А вот когда называют придурком, то это слышать обидно.

А уж что говорить о том, что самая распространённая констатация факта своего я, звучит через вопрос: Какой же я дурак? – При этом заметьте, никто себя не спрашивает, дурак он или нет, а это есть уже установленный факт и та очевидность, с которой каждый живёт с самим собой. И только остаётся не выясненным один вопрос, к какой округлой степени дураков он относится?

– А дураки, – как один далеко не дурак, а скорее придурок сказал, – как правило, все форменные дураки и оттого они измеряются с помощью геометрических фигур. Но о геометрии и о других науках, о которых мне вскоре придётся подумать и за помощью к ним обратиться, по причине своего безработного состояния, как-нибудь потом, а сейчас мне нужно собраться с мыслями, после того, как столько на меня навалилось, когда я, ослабив над собой контроль по причине использования разжижающего дух напитка из графина, под воздействием силы притяжения сполз с кресла на пол и, зацепив рукой столик, уронил его на себя. И теперь мне было не до всех этих глубоких мыслей и даже знания наук и физических законов, которые действуют на нас без нашего спросу, и без возможности их реализации на практике, будут

для меня бесполезны. И как говорится в отношении другого рода законов, не знание законов, в нашем случае, той же физики, не освобождает нас от того, чтобы быть притянутым гравитацией к земле, а вот их знание, как раз способствует свободе твоего передвижения по той же земле.

И в этом противоречии человек весь. А всё оттого, что он не знает, чего он на самом деле хочет и какова конечная цель его существования, вот он и бросается в свои крайности. А раз цель в жизни ему не указана, то он вынужден и полагается на две разнородности, заложенные в него природой: разумное начало и его насущность, которые и вносят сумбур в его понимание жизни и поступки, которые с завидным постоянством стараются его перетянуть на свою сторону.

А я вот знаю, что мне следует делать. Я задаю свои вопросы, и они мне дают нужные ответы, и ведут к моей, никем ещё не за декларируемой цели.

Глава 2

Резюме

– Вынужденная свобода ...Хм, всё-таки интересное словосочетание. Нужно добавить в своё резюме умение философски мыслить. – С серьёзным и отчасти заумным видом глядя на чистый электронный лист на экране ноутбука, рассудил я. – Хотя, пожалуй, лучше не надо. Знаю я этих работодателей, в момент уцепятся за представившуюся возможность, с экономить на зарплате.

– А уровень предлагаемой нами зарплаты, вполне соответствует вашим философским взглядам на неё. И больше мы предложить, не то что не можем, а не смеем, чтобы, так сказать, не повредить вашему умственному потенциалу. – Умело за аргументирует своё нищенское предложение, этот, современного толка старпирующий работодатель, обязательно потомственный негоциант (так он себя называет), с оптимизмом (это значит, что он всегда готов за ваш счёт оптимизировать свои расходы) и с расчётом на сознательность и его понимание на ваш счёт стараний, смотрящий на своего наёмного работника, если он, конечно, не слишком будет занят и сумеет заметить вас. А так для этого у него есть специально обученные люди, которым одного взгляда на вас будет достаточно, чтобы всё о вас понять и постичь.

– Так вот почему, так всегда сложно общаться с отделом кадров, – меня вдруг осенила догадка, – ведь они тебя насквозь всего видят, а ты при этом, ещё не успел предоставить им свои характеристики и знаковые документы для ознакомления. А кому спрашивается, будет ощущаться уютно, когда ты общаешься с людьми, от которых ничего в себе не утаишь, и они каждое твоё движение души видят и примечают.

– А вот скажите нам, по какой, такой причине, вы ушли с прежнего места работы? – растягивая слова, с глубоким подтекстом посмотрев на меня поверх своих очков (я-то отлично знаю, что тебя там пинком под зад просили не задерживаться), многозначительно спросит меня хозяйка кабинета кадров, может и когда-то блиставшая миловидностью, но сейчас её лицо окаменело властностью и что-то мне подсказывает, что ей не на ком проявлять своё властолюбие, как только на тех людях, кто приходит к ней в кабинет для рассмотрения себя в качестве подходящей кандидатуры на свободную вакансию.

«И точно, – вдруг спохвачусь я, – а что я скажу, если меня об этом спросят? Хм». А я ведь знаю себя, меня не устроят ответы в виде отговорок: я мол, не видел для себя перспектив в плане карьерного роста, да и если честно сказать, то и оплата труда была не на должном уровне. А эта тётка из отдела кадров, в ответ будет на меня с таким ехидным видом смотреть, типа, а с чего это ты взял, что тебе здесь всё это предложат.

При этом я к себе не менее требователен, нежели к другим, и я обязательно что-нибудь такое ляпну, что потом и не разгребёшь.

«Я пострадал за правду!», – наклонившись к кадровичке, с загадочным видом, шепотом проговорю я. И это будет недалеко от истины, ведь так оно и было. И хотя я всё это ей сообщил, как бы по секрету и конфиденциальным тоном голоса, находящиеся в кабинете другие кадровички, её коллеги по этому не лёгкому делу, отсортировывать людей, – а в таком деле без силовой поддержки за спиной невыносимо сложно приходится, и нужно воистину обладать огромной силой волей и хладнокровием, чтобы принимать кадровые, как правило, бессердечные решения, – заинтриговались и рефлекторно вытянули свои шеи в нашу сторону, чтобы, так сказать, быть в курсе и ничего не пропустить.

Я же что-то подобное от них ожидал и поэтому был готов к тому, что через... три, два, один, в кабинет войдёт как бы по срочному делу, сам начальник отдела кадров и, предупредив всех с порога: «Не отвлекайтесь на меня», пройдёт к висящему на стене стенду с информацией

и будет делать вид, что изучает его. Тогда как сам будет весь во внимании ко мне и ко всему мною сказанному.

Что поделывать, все начальники кадров крайне любопытны и им к тому же всякую интересную историю будет не лишним знать, ведь они в будущем, на пенсии, все поголовно собираются заняться писательской деятельностью – это их место работы так близко связано с человеческими судьбами, где он, начальник кадров, можно сказать, и есть вершитель этих судеб, – захочу, обреку на голодное существование, уволив, а захочу, приму на работу и тем самым вытащу из грязи этого дармоеда и сделаю из него приличного, самодостаточного человека. Который в будущем сможет себе позволить купить приличный костюм и пригласить в кафе девушку, после того, как отмоется, побреется и подстрижётся. А там глядишь, он найдёт убедительные и в некотором роде заманчивые слова для приглашённой собой в кафе девушки.

– Я теперь осознал, как бесцельно тратил свои годы, потворствуя своему безделью. – Подняв бокал с шампанским, издав издали своё предложение бывший бездельник и дармоед, а нынче ответственный гражданин и налогоплательщик, и, всё благодаря начальнику отдела кадров, Аркадию Философовичу, увидевшему в нём не полностью конченого человека и давшего ему шанс, несмотря на его неубедительность в отстаивании своего права на работу.

– Чё надо? – как сейчас помнит Аркадий Философович, он вначале внимательно выслушал своего коллегу, тоже начальника кадров, но только из другой организации, Пигмалиона Вяземского, с кем у него было негласное соперничество, а затем поинтересовался у этого бедолаги, как в общем у него дела и какая нужда его к нему привела.

– Я... это, – начал сбиваться на словах этот претендент на вакансию, одной рукой что-то там теребя у себя в кармане, а второй держа файл с бумагами, – хотел спросить... – с трудом выговорив эту фразу, весь покрасневший безработный, вытащив руку из одного кармана и полезши ею в другой, скорей всего, отправился туда за поисками нужных слов. Ну а Аркадий Философович, человек дюже занятой и его каждая минута рабочего времени оплачивается очень прилично, так что он не может его так бесцельно растрчивать на кого бы то ни было, и Аркадий Философович уже было приготовился перенаправить по должному адресу, – иди, голубчик, подальше отсюда, – этого не соизволившего должно подготовиться к собеседованию, явно бездельника, – он окаменел в невыносимости лицом, – но тут он вдруг замечает насмешливый взгляд со стороны своего соперника, Пигмалиона Вяземского и это останавливает его.

И Аркадий Философович вмиг настораживается, затем мысленно осматривает свой внешний вид и костюм на предмет какого-нибудь несоответствующего его высокому статусу начальника отдела кадров упущения, и вроде как ничего не найдя, а за спину у него нет никакой возможности заглянуть, в отличие от того же подлеца и насмешника Вяземского, он с непонимающим видом обращается к своему визави. – Позвольте полюбопытствовать, Пигмалион Андреевич, – спрашивает Аркадий Философович (все сколько-нибудь начальники, только так обращаются друг к другу), – что вызвало у вас эту улыбку? – Пигмалион Вяземский, а так же по батюшке Андреевич (правда, он и Вяземский тоже по батюшке) ничего не говорит, а многозначительно кивает в сторону претендента на вакансию, стоящего рядом с ними с открытым ртом, ушами и глазами. И на этот счёт Аркадию Философовичу два раза не нужно повторять, он знает, что нужно делать.

– Обождите нашего решения в коридоре. – Таким обращением, Аркадий Философович выпроваживает из своего кабинета этого столь настырного типа. После чего он поворачивается к Пигмалиону Вяземскому и ждёт от него объяснений. И они последовали.

– Я могу быть с тобой предельно откровенным? – придвинувшись к Аркадию Философовичу, Пигмалион Вяземский своим странным вопросом определённо напугал в момент впадения в растерянность Аркадия Философовича. – Что всё это значит и что он от меня хочет? – покрывшись нервной испариной, спросил про себя Аркадий Философович, тем не менее,

удерживая на своём лице холодную невозмутимость, с которой он всё-таки дал сухой (в горле всё пересохло) и краткий ответ. – Можете.

– Вы никогда не задавались себе вопросом, – задался вопросом Пигмалион Вяземский, – что есть наша должность и какие на самом деле функции и задачи мы выполняем?

– Э... – Аркадий Философович, таким обще применяемым способом, принялся было вспоминать свои должностные обязанности, но Пигмалион Вяземский не ждал от него ответа на этот свой риторический вопрос, и он даже не дал ответ на свой вопрос, а продолжил эти свои рассуждения. – А дело в том, что мы, кадровики, как бы это пафосно не звучало, играем ключевую роль во всём государственном устройстве. И как говорил один не глупый человек, кадры решают всё. И с этим утверждением никто не возьмётся спорить. А если это так, то тогда какое значение имеем мы, те, кто из огромной и по большей части блеклой массы народа, выбирает, отыскивает и определяет подходящих людей на эти кадры. – Пигмалион Вяземский закончил говорить уже на подъёме (он точно знал ответ на это своё предположение – они, кадровики, основа основ, государство образующие люди) и, теперь глядя на Аркадия Философовича с высоты своего воодушевления, ждал от него реакции на свои слова.

Ну а Аркадий Философович, как всегда, в своём приземлённом репертуаре спрашивает его. – Так к чему ты всё это ведёшь? – Пигмалион Вяземский в сердцах сплюнул на эту, не имеющую крыльев курицу, Аркадия Философовича, и с прежней ехидцей (такое обращение всегда цепляло мокрую курицу, Аркадия Философовича) говорит. – А веду я к этому типу, которого ты выставил за дверь, чтобы он там обождал, а лучше, конечно, не стал тратить ничьё время и не обождал.

– И? – вопросительно смотрит на Пигмалиона Вяземского Аркадий Философович.

– Да вот, хотел убедиться в твоей классификации и профессионализме, и сможешь ли ты, без предъявления документов, а по одному лишь внешнему виду человека, претендующему на свободную вакансию, определить его соответствие предъявляемым работодателем требованиям. – Сказал Пигмалион Вяземский, искоса глядя на Аркадия Философовича, вновь потерявшегося и не понимающего в чём тут подвох. А подвох здесь, наверняка, есть, уж кого, а этого Пигмалиона, ничего просто так не делающего, он отлично знает.

– Но какой? – задался вопросом Аркадий Философович, и как человек не совсем глупый, а вполне себе рассудительный, сообразил-таки, откуда может идти это не так. – Всё дело в том типе. – Догадался Аркадий Философович. – Либо что-то в нём не так, где генеральный, Соломон Иванович, большой любитель горячительных напитков, совсем слетел с катушек и решил с помощью своего приятеля и по совместительству собутыльника, Навуходносора, который вырядился в обездоленного безработного, протестировать работу отдела кадров, либо тут Пигмалион сам что-то задумал и тот тип с ним в доле. – Здраво рассудил Аркадий Философович и в итоге решил, что пока ответа на этот вопрос он не знает, будет разумнее принять того типа на работу.

Но вернёмся к бывшему бездельнику, а сейчас он благонадёжный гражданин Безвестный, ставшим таким только благодаря прозорливому гению Аркадия Философовича, разглядевшему в нём скрытый от всех, в том числе и от самого гражданина Безвестного потенциал, и принявшего его на работу. А нужно-то только в человека поверить и он раскроется. И совсем не важно, чем мотивировался в своём решении Аркадий Философович, поставив на свой дар предвидения или профессиональный глазомер, бутылку очень дорогого коньяка, тогда как Пигмалион Вяземский, искренне засомневался во всём этом и, в общем-то, выступил инициатором этого пари.

– Я думаю, что месяца будет достаточно, чтобы понять, какой ты у нас профессионал. – Не давая опомниться Аркадию Философовичу, Пигмалион Вяземский сделал ставку, установил условия пари и тут же разбил руки. И только Аркадий Философович опомнился, а уже поздно. Правда Аркадий Философович не сдаётся и нервно вопрошает. – А как насчёт тебя?

– А что насчёт меня? – в непонимании переспрашивает Пигмалион Вяземский.

– Если я участвую, то и ты должен. – Заявляет Аркадий Философович. А вот на каких, таких основаниях он это решил, то это совершенно непонятно для Пигмалиона Вяземского. И он бы указал на всю безосновательность этих утверждений столь самоуверенного Аркадия Философовича, если бы был скучным человеком. А так как он человек предприимчивый и не в пример этому куксе, Аркадию Философовичу, умеющий радоваться жизни человек, то он принимает этот вызов Аркаши (так он его величает завсегда, когда ему смешно становится на него смотреть, как, к примеру, сейчас).

– Хорошо, Аркадий, – говорит Пигмалион Вяземский, – и я даже пойду к тебе на уступки. Ты сам сможешь, завтра прислать ко мне в офис любую красивую, на твой выбор девушку.

– А почему ... – было возмущен Аркадий Философович, но его в момент перебил Пигмалион Вяземский. – Поздно, ты уже сделал свой выбор. – Аркадий Философович принялся судорожно соображать, чтобы ему ещё такого придумать, – насчёт девушки он уже решил: она должна быть, так сказать, на вкус, коварна, беспринципна, хитра и при этом достаточно умна, чтобы понять, что ей не стоит с ним хитрить (да, ещё и управляема), – но видимо Пигмалион Вяземский быстрее его соображает, и Аркадий Философович, так и не сумев никакого каверзного дополнения к их пари придумать, как его соперник, Пигмалион Вяземский, требует позвать претендента на вакансию.

И вот он, позванный, вновь оказывается перед этими господами и внимательно ждёт от них решения своей участи. И на этот раз Аркадий Философович подходит к делу изучения кандидата на соискание вакансии основательно, а для самого претендента, кажется, что несколько странно. Так Аркадий Философович начинает со всех сторон рассматривать его и, даже пару раз сделав обход вокруг него. После чего он возвращается на прежнее место и, знаково посмотрев на Пигмалиона Вяземского, сразу сообразившего, что тому требуется, и, получив от него добро, – только два вопроса, – показав два пальца, сказал Пигмалион Вяземский, – обращается с первым вопросом к уже ненавидимому им всем сердцем претенденту.

– И как же вас, голубчик, величают, а вы представляетесь? – задаёт свой хитроумный вопрос Аркадий Философович, в который он умудрился поместить сразу два вопроса.

– Величают? – задумчиво повторил вопрос этот каверзный человек, почесав ногу рукой. – По разному. Вот сейчас голубчиком. – К нескрываемому удовольствию Пигмалиона Вяземского, не удержавшегося от смешка, прямо-таки срезал своим ответом чуть не поперхнувшегося слюнями Аркадия Философовича, этот, явно прикидывающийся дурнем, претендент на вакансию. – А так-то меня зовут Никанор Безвестный.

– Час от часу не легче. – В сердцах охнул Аркадий Философович.

– Второй вопрос. – Подгоняет Аркашу Пигмалион Вяземский, не давая ему собраться с мыслями. Аркаша же зло посмотрел на Пигмалиона Вяземского, – теперь он не сомневается в том, что тот всё это заранее спланировал, – и, вернувшись к этому хитроумному Никанору, выступающему инструментом в руках Пигмалиона, обращается к нему со вторым вопросом.

– Нам нужны люди сообразительные и творчески мыслящие, – заговорил Аркадий Философович, – так что мой вопрос будет из этой категории. Вот скажите, что вам говорит имя Соломон Иванович Безудержный? – явно неспроста, и Пигмалион Вяземский знает с какого неспроста, задаёт этот вопрос хитрец Аркаша, решивший через упоминание имени генерального, прощупать этого Никанора. Но Никанор видимо отличный актёр, а может быть, пройдомец и лицемер первой степени, и он ни движением своего лица не выказал своего знания этого начальствующего лица, а так-то он его отлично знает, ведь они лучшие друзья и собутельники, а прямо-таки искушая Аркашу на рукопашного рода действия, с не пробивным лицом спрашивает его. – А кто это? – И понятно, что Аркаша начинает злиться и оттого срывается в голосе и нервно отрезает в ответ. – Здесь вопросы задаю я. – Никанор же и не собирается спорить,

а он, понуриив голову, углубляется в думы на самую чуть-чуть времени, – больше он не может, когда на него так нетерпеливо смотрит Аркадий Философович, – и вскоре выдаёт ответ.

– По моему босятскому разумению, – начал своё объяснение Никанор с этого странного предварения («И в чей огород этот камень, – усмехнулся Пигмалион, искоса посмотрев на возмутившегося Аркашу: Это что ещё за намёки?»), – Соломон Иванович может нам встретиться, а вот Иван Соломонович, с трудом в это верится, если он, конечно, не отпрыск нашего Соломона Ивановича. – А вот этот ответ Никанора, заставил задуматься обоих его слушателей, где Пигмалион Вяземский в удивлении покачал головой, тогда как Аркадий Философович напрягся, не зная, что и думать насчёт этого Никанора, как оказывается, не последнего ума человека. – Сдаётся мне, что мне его приём аукнется. – Предчувственно рассудил Аркадий Философович. Но было уже поздно поворачивать назад, и Никанор был принят на работу с испытательным месячным сроком.

И теперь гражданин Безвестный, бывший лодырь, лоботряс и бездельник, а нынче законопослушный гражданин, наверное, уже и позабыв о том, кому он всем своим положением обязан, с аванса пригласив в кафе свою недавнюю знакомую, которой ничего неизвестно о его прежней жизни и роде занятий, начинает, так сказать, её ознакамливать с собой и своими на её счёт планами на ближайшее (на сегодня их реализуемость будет зависеть оттого, как он преподнесёт ей свои планы на их дальнейшее будущее) и на дальнейшее будущее (оно будет зависеть от реализуемости планов на ближайшее будущее). И Никанор, подняв бокал с шампанским (Никанор в этом деле не мямля и знает подход к привлекательным девушкам), в плане убеждения своей хорошей (это в плане её физического выражения) знакомой, с интересным именем Ядвига, особенными словами выражаясь, подводит её к тому, чтобы принять его предложение, быть отныне вместе. А то он знает себя выпимшего – его обязательно куда-нибудь занесёт, и тогда прощай вся его респектабельность.

– Я, – говорит Никанор, многозначительно посматривая на Ядвигу, – человек прямой и всегда называю вещи своими именами, из-за чего часто попадаю в сложные ситуации и потом невероятно страдаю. Но ты, как мне кажется, особенный случай. И тебе я могу сказать всё. – Никанор делает многозначительную паузу, во время которой Ядвига и он не сводят друг с друга свои взгляды, и как видится Никанором, то он не ошибся с Ядвигой, и ей можно всё о себе рассказать.

– Так вот... – сделав глоток для храбрости, а Ядвига и в этом Никанора поддержала, Никанор с высоты своих перспектив, – я только вначале своего пути, но можешь не сомневаться, я умею добиваться того, чего хочу, – принялся излагать Ядвиге свои взгляды на неё, – ты мне сразу шибко понравилась, и оттого я тебя сюда пригласил, а так я не склонен в пустую разбрасываться деньгами, – и, получив от неё воодушевляющий ответный взгляд одобрения его выбора, уже взялся за планирование их общего будущего, – после того как отобедаем, возьмём такси, – я снял номер в гостинице, – а по прибытии туда, нас будут ждать устрицы с шампанским. – Никанор в своём душевном запале иногда спешно себя ведёт, но таков уж Никанор и за то он часто неспешащими жить девушками и бросаем, но только не в случае с Ядвигой, не любящей сидеть на одном месте.

– А не слишком ли наш Никанор разошёлся? – задастся вопросом, находящийся здесь же, в этом кафе ресторанного типа, но только за другим, с этого их места незаметным столиком, Аркадий Философович, обращаясь к своему вечному сопернику, Пигмалиону Вяземскому, в свою очередь ведущему наблюдение за своей подопечной, Ядвигой, являющейся той полной коварства и подлости бестией, на которую сделал свою ставку Аркадий Философович.

– А не слишком ли я разошёлся в своём воображении? – очнувшись от своей задумчивости, уже задался вопросом я, ещё по инерции продолжая пребывать в своём воображении. – Я ведь собирался придумать подходящую историю, если меня спросят: А почему вы ушли со своего прежнего места работы? А тут меня понесло и не пойми куда. Соberись, хватит уже

жить в фантазиях и пора бы уже смотреть на мир реально, с холодным расчётом. А то надо же придумал: я пострадал за правду. А вот за какую и ответить толком не можешь. – Укорил я себя, перенёс упор головы с одной руки на другую и с новыми мысленными силами слегка утешил себя. – Ладно, на этот счёт что-нибудь придумаю. Ну а что касается этих моих фантазий, то не бывает дыма без огня и они на пустом месте не рождаются. И я может быть, с помощью них выпускаю пар и подготавливаю себя к будущей жизни со встречами с разного рода характерами невыносимого типа и другого вида людьми. И эта, вдруг ни с того ни с сего (ага, щас) родившаяся в моей голове история, только на первый взгляд кажется из ряда вон выходящей из-за своего неправдоподобия и притянутой за уши к похожести историей, что-то вроде того, что рождало перо одного чудного Шоу. Но если в эту историю внести одно небольшое изменение, кадровиков переименовать в продюсеров, или хотя бы в режиссёров по подбору актёров, то всё немедленно становится на свои места, отражая настоящую реальность. И даже будут к месту эти их необычные для сухого служащего имена, пестрящие креативностью их носителей, а уж затем тех, кто на их счёт с самого рождения не сомневался и с помощью такого имени, укрепляя их дух, позаботился об их будущем.

А что насчёт предмета спора режиссёров по подбору актёров, Аркадия Философовича и Пигмалиона Вяземского, где они, каждый в отдельности, как обычно столкнулись с не пробивной позицией своего коллеги, который имеет своё отдельное, ничем не сдвинешь и не убедишь мнение и взгляд на главного героя пьесы, то тут без конфликта интересов никогда не бывает. – Он должен быть такой-то и такой, и главное, он полная противоположность твоему предложению. – Вот так каждый из них смотрел на главного героя и героиню новой пьесы. Что в итоге, в результате ответных уступок и договорённостей, и привело к такому весьма неоднозначному выбору на роль главных героев пьесы, с говорящим названием «Соломона на вас нет, Соломон Иванович».

Ну а здесь уже постарались местные креативщики из числа подхалимов режиссёра-постановщика новой пьесы, Соломона Ивановича Безудержного в своей ярости, в число которых входил и Аркадий Философович, решивший через свой каверзный вопрос о режиссёре, снять утверждаемого Пигмалионом Вяземским на главную роль, совершенно никому неизвестного актёра, с подстать ему именем, Безвестный. Тогда как он настаивал на актёре с известным именем, что уже является гарантией успеха пьесы. Но нет, у этого Пигмалиона Вяземского, видимо свои местечковые интересы, и он, срезав Аркашу тем, что их бюджет ограничен и не потянет ни одну такую звезду, всё-таки пропихнул на главную роль этого безвестного актёра Безвестного, однозначно своего родственника или знакомого. Ну а Аркаша в качестве компромисса за собой оставил выбор главной героини, что куда перспективней.

Что же касается того, почему направление моих мыслей и затем воображения направилось в эту театральную сторону, то всё очень просто, ведь я в данный момент нахожусь в гардеробе театра. Где я раньше, чисто на одном энтузиазме и общественных началах, а также по причине того, что мне было здесь очень интересно и любопытно наблюдать за людьми и бывало что и за актёрами, подрабатывал по вечерам, а сейчас это место для меня на время стало основным местом работы и в некотором роде прибежищем.

Хотя насчёт одного только энтузиазма я несколько лукавил. Ведь это не провинциальный театр, где с ажиотажем вокруг новой постановки и аншлагом часто проблемы, тогда как в театрах ближе к культурному центру, всё не так, и там место в гардеробе передаётся из поколения в поколение, и они все на пересчёт, как гондольеры в Венеции. Ведь театр начинается с вешалки и поэтому людей случайных сюда никогда не допустят. Что же насчёт меня, то я человек не случайный, а имел родственную рекомендацию от своей тётушки, потомственной театралки и по совместительству служащей гардеробщицей на подхвате вашей одежды в гардеробе. Где я, пока все гости театра, там, в зрительском зале, заняты, наблюдая за представле-

нием, мог спокойно обдумать сложившуюся со мной ситуацию и вдруг понять, почему я своего бывшего начальника, Валериана Никифоровича, назвал дураком.

– Это всё это место меня на такой поступок вдохновило и подбило. – Решил я, посмотрев на лестницу, ведущую на второй этаж, и далее в вестибюль, посредством которого можно было попасть в зрительный зал. А если знаешь все тут входы и выходы, как местные старожилы и работники вне сцены из числа технического и обслуживающего персонала, то ты без особого труда можешь зайти за другую сторону кулис и сцены. Где для тебя столько всего откроется, что только человек с крепкими нервами и от рождения не принимающий всё близко к сердцу, в общем, без особого воображения и не питающий особых иллюзий насчёт людей, связанных с лицедейством, не потеряет веры в человечество и в искусство. Я же пока что к этой категории людей с принципами и крепко стоящих на земле, никак не относился, и поэтому не спешил заглянуть в закулисы, чтобы там найти для себя объект для своего разочарования.

А для этого есть все основания, если есть столько объектов для своего очарования из среды молодых актрис, плюс одна заслуженная актриса среднего возраста в гриме, вызывающая восхищение своей надменностью и царственностью, с которой она подаёт мне номерок для получения своей, уж и не знаю из чего накидки. – Вы, я надеюсь, понимаете, почему именно вам я сдаю в гардероб мою накидку. – Посмотрев на меня из своего поднебесья и при этом, как я заметил, отличимо внимательно, на что указывает всё ею сказанное, проговорила прима нашего театра (а я считаю себя частью его), как всегда великолепная и величавая, Елизавета Сахновская. Ну а я не дурак, чтобы не понять это, а также то, что мне ни в коем случае нельзя об этом говорить вслух, как и вообще что-то ей отвечать без разрешения с её стороны. И я только многозначительно посмотрел на неё, бережно принимая с её рук эту нежную накидку, вроде как из соболей.

Ну а Сахновская, видя, как я нежно и с особой осторожностью принял этот предмет с её плеча, не сдержалась и слегка чувственно поёжилась от ощущений своей открытости. – Для меня невыносимы любого рода расставания, а что уж говорить о потерях, но в вас я почему-то уверена. – Положив руку на удерживаемую мной накидку, проговорила Сахновская, вдумчиво посмотрела на меня и, незримо улыбнувшись мне, – а это указывает на то, что сигнал шёл из самой глубины её души, а так она в жизни никогда не улыбается, только на сцене и то всегда до сердечной боли грустно, – со словами: «Я надеюсь, что мы с вами ещё увидимся», – разворачивается и сногшибательным шагом удаляется навстречу со своим зрителем.

Ну а тут в последний раз, не знаю, что с ней такое произошло, она вдруг меня спросила не по существу моего рода здесь занятий. – А вот скажите мне, – вдруг изменив своему прежнему алгоритму действий, остановившись на месте и, обернувшись ко мне вполупорот, спрашивает меня Сахновская, – вы смотрели мои работы? – А я, и, не ожидая от неё ничего подобного, явно был захвачен врасплох, из которого я вышел совсем уж плохо. И я вместо того, чтобы сказать, что, конечно, видел, – я же знал весь репертуар театра, это мне позволяло ориентироваться в зрителе, для чего эта информация мне была нужна, то вот так сразу, пока одежду к своим крючкам не поносишь и не скажешь, а потом уже и неохота об этом говорить, – как обычно взял и ляпнул. – Ещё не успел.

– Вот как. – Искренне удивилась Сахновская, повернулась ко мне полностью, пристально посмотрела на меня, – может я, таким образом, завоевываю её внимание, а она, купившись на это, даст мне контрамарку на весь сезон, – и явно убедившись в моей искренности, спрашивает. – Так вы вообще, ни одного спектакля не смотрели? – Ну а я и не знаю, что на меня нашло, а может я такой от природы человек, в общем, я продолжаю тупить. – С вами? – уточняюще спрашиваю я её. – И надо было видеть в этот момент Сахновскую, которая, скорей всего, и не подозревала о существовании в репертуаре их театра таких спектаклей, а судя по моим словам, то они были. И её прямо-таки передёрнуло от этих моих слов, ставших для неё открытием. Впрочем, она великолепная актриса, как об этом пишут в рецензиях и разного рода,

и не только прикормленные критики, о чём и я догадывался, но воочию пока не мог удостоверить, и она удерживает себя в тех установленных ею же рамках неприступности, и вновь задаёт вопрос.

– И скажите мне на милость, – подчёркнуто вежливо обращается ко мне Сахновская, – что вы смотрели? – и с такой жёсткостью в глазах на меня смотрит, что я начинаю опасаться за тех людей, кого я сейчас могу назвать и кто посмел ставить спектакли без Сахновской в главных ролях. И на этот раз я не почему-то, а так во мне решилось, взял и слегка покривил душой, сказав, что название спектакля не помню, но было очень смешно. – Смех из зала меня и соблазнил, подойти к дверям, ведущим в зрительский зал и одним глазком взглянуть на спектакль. – Добавил я.

– Так это была комедия? – уже с некоторым облегчением, но ещё не полностью успокоившись, спросила Сахновская.

– Скорей всего да. – Ответил я, окончательно её успокоив.

– Тогда ладно. – Отмахнулась от этого события Сахновская, как понял я, драматическая актриса. – А вы не хотите посмотреть что-то стоящее? – почему-то мне показалось, что вдруг спросила она меня. А я в своём ответном репертуаре. – Стоящее чего? – спрашиваю я её.

– Это каждый для себя решает. – Туманно и многосложно для меня отвечает она.

– Слишком непонятно говорите. – Говорю я ей. – Если хотите, чтобы я понял, то скажите, что для вас, не как актрисы, а как для зрителя, в этом вашем предложении есть стоящего? – спрашиваю я её. Что заставляет её задуматься, после чего она приподымает свои глаза и говорит. – Чтобы понять мой ответ, нужно меня узнать. – И тут меня от этого её ответа прямо холодным ознобом пробил, а самому при этом стало до корней волос жарко. И что самое неприятное, то я теперь и ответить ей ничего не смогу, прежде чем не сглотну набежавших полный рот слюней. И оттого я, как истукан стою и молчу, ожидая своего разоблачения, стоит только ей меня хоть о чём-то спросить. Но видимо и ей сказать то, что она сказала, многого стоило, и она, решив, что и так себе позволила лишнего, говорит мне: «Ну, мне пора, надеюсь, на вашу порядочность», и было собирается повернуться, как на меня вдруг что-то находит и я, сглотнув всё, что мне мешало говорить, обращаюсь к ней. – Я обязательно посмотрю на вас. – Она в тоже мгновение замирает на месте и, вдруг в живую улыбнувшись, говорит мне. – Только не сегодня. Сегодня я не в форме. – После чего поворачивается, и не таким, как всегда твёрдым шагом, удаляется вдаль.

– И что же с ней сегодня такое произошло, что она была искренней? – глядя ей вслед, спросил я себя, и как человек не без своих завышенных фантазий на свой счёт, немного догадываясь об этой причине её откровенности со мной. И за всем этим наблюдением и набежавшими мыслями на её счёт, я и не заметил, как ко мне, а точнее, к раздевалке, подошёл невысокого роста человек, вынужденный о себе напомнить прочисткой горла. Когда же я очнулся от своих дум, то с удивлением в лице замечаю его, а он, немного насупившись, спрашивает меня. – Не окажите мне услугу. Не подскажите, кто тут у вас занимается подбором актёров?

И он, конечно, сумел удивить меня по своему, и я даже порывался ему сказать, – в вашем случае, это я, – но я удержался от этого, ещё помня, к чему приводили такого рода мои разговоры, и я, оценив посплетев на него (что-то не вижу я никакого актёра, а точнее, вижу никакого из вас актёра), спрашиваю его. – А вы что, актёр? – Он вначале несколько оторопел от этой моей любознательности, но потом быстро собрался и спросил меня. – А что, не похоже? – А сам при этом качественно за мной и моим выражением лица наблюдает, на предмет моей выразительности и искренности. Но он мог бы не беспокоиться на этот счёт, я в этом деле всегда честен. – Не знаю, – не раздумывая и не приглядываясь к нему, отвечаю я ему.

– А как актёра можно отличить от человека не актёра? – спрашиваю я его. Что заставляет его в задумчивости задаться к себе вопросом. – А и вправду как? – И тут я прихожу к нему на помощь. – Наверное, сверкающим огнём в глазах. – Делаю предположение я. Но оно

не слишком нравится ему, и я понимаю почему, – там у него всё тускло, – и он в сомнениях говорит. – Может быть. – И тут меня, само собой вдруг, осеняет догадка. – Актёр всегда наполнен чувством собственного достоинства и из него прямо-таки прёт самоуверенность. – Говорю я ему.

– Вы так думаете? – уж больно неуверенно спрашивает он меня.

– Можете не сомневаться. – Со знанием дела говорю я ему.

– Тогда одну минуту. – Говорит он и, развернувшись в сторону выхода, быстрым шагом покидает меня. – Зачем минуту, какую минуту? – ничего не понимая, задаюсь я вопросами, глядя ему вслед, а затем в закрывшуюся за ним дверь.

Но ответ не заставляет себя ждать, и вот дверь чуть ли не нараспашку открывается и в неё заходит преобразившийся в высокомерного, с наглым и дерзким лицом типа, вышедший на минуточку, выдавший себя за актёра, этот мой новый знакомец. И он, зайдя в вестибюль, вначале окидывает взглядом окружающую обстановку, затем замечает меня и, прищуренным взглядом отметив меня, – вот ты-то мне и нужен, – подходит ко мне. Здесь он облокачивается спиной на оградительную стойку и, положив руку поверх стойки, начинает пальцами руки постукивать по ней. Отстучав немного, он спрашивает меня. – Ну и какой у нас нынче приход?

И хотя мне отвечать его спине несподручно, я всё же ответил ему. – Это не та самоуверенность. – Говорю я ему. – Здесь попахивает нахальностью и хамством. – Он в момент оборачивается ко мне и испуганно меня спрашивает. – Выходит, что я зря пришёл?

– Кто это вам сказал? – в недоумении спрашиваю я его.

– Вы? – с крайней осторожностью, полувопросительно отвечает он мне.

– Ничего подобного. – Говорю я ему. – А если бы даже и сказал, то не в моей компетенции решать, актёр вы или проходимец.

– А кому? – спрашивает он, удивляя меня своей наивностью.

– Пройдите в директорскую, там вам всё расскажут. – Отвечаю я. Он смотрит туда, куда я ему указал, после возвращается ко мне с задумчивым видом и задумчиво говорит. – Может вы и правы. Да, кстати, – вдруг он озаряется уверенностью, – а какой ваш любимый спектакль? – спрашивает он меня. Я если честно, не тот зритель, который в курсе трендов в театральной жизни, и я если что-то и смотрел, то лишь то, к чему меня в детстве приучили. Так что мой ответ был ожидаем. – Я консервативен. – Говорю я ему. – Мне ближе классические постановки классических произведений. Где ближе всего «Ревизор», сами знаете кого.

– И мне тоже. – Не с тем воодушевлением он ответил, какое от него можно было ожидать. После чего он немного подумал и вновь просветлел в лице. Затем похлопал рукой по карману своей куртки и сказал. – Ну, ничего, если что, то у меня есть рекомендации. После чего он говорит мне: «Спасибо», и удаляется по ранее указанному мною направлению. И я, глядя ему вслед, даже не задался вопросом, почему он пришёл по своему вопросу в столь неурочное время, когда в театре спектакль смотрят, а не занимаются такого рода вопросами. Зато впоследствии догадался, откуда мне в голову пришла мысль о кадровиках и о представшим перед ними господине Безвестном, один в один похожим на этого типа.

– А действительно, – задался ещё одним вопросом я к себе, – можно ли по внешнему виду, каким-то особенным чертам, выделить актёра из всей массы народа? И если не актёра, то человека моей профессии? Вот, к примеру, – как это всегда к этому приходило, я пустился в рассуждения, – приду я устраиваться на работу. А меня сходу, даже не спросят, а своим намётаным на людей требуемой профессии взглядом, по-своему удостоверят. – Что-то не видно, что вы человек работающий, каких мы ищем. А вы больше похожи на такого человека, кто предпочитает возлежать на диване, а на работу только по необходимости. Ну так что скажите? А может и того больше, докажите, что это не так? – прямо пригвоздят меня этими пронизательными взглядами и вопросами там, где я буду спрашивать насчёт свободной вакансии.

А я ведь между тем и не буду знать, что им предъявить в доказательство своей близости к моей профессии – документы для них не указ и не в счёт, в наше время всё подделать можно. Вот те же моряки имеют особую походку, на раскорячку, чтобы удерживать равновесие при качке, а сомелье ни с кем не спутаешь, кроме разве что дегустаторов кустарных вин, по их дрожащим от проб рук. Ну а что же я должен предъявить такое, чтобы на меня взглянули и с первого взгляда на меня, признали за своего человека? Надо подумать. – Таким образом подвёл итог своему размышлению я и вернулся к своим прежним проблемам и к своему бывшему начальнику, Вениамину Никифоровичу, который быть может и не заслужил такой откровенности на свой счёт, а вот если бы ему по подкидывать в кабинет или в карман пальто записки угрожающего характера, – мы знаем, что ты делал и где был такого-то числа, а своей супруге при этом нещадно соврал, или же, старый козёл ты, Вениамин, – то он хоть и испугался бы, но это было бы не так обидно. – Слишком я внушаемый. Вот и внушился этими стенами и заигрался, решив сыграть неизвестную для себя роль. И кого же интересно? – задался я к себе вопросом, и вернувшись в памятливые воспоминания того совещания, попытался найти причину, побудившую меня к этому поступку.

– Может Лиза? – спросил я себя, поглядывая на молодую лаборантку Лизу, всем очень нравящуюся, в число которых входил и Вениамин Никифорович, у которого были все служебного свойства рычаги, для того чтобы испортить жизнь Лизе своим докучанием. – За такого рода действия, я бы ему там же рожу разбил. – Сделал вывод я и отклонил этот вариант. – Может это связано с производственной деятельностью? – задался вопросом я, углубившись в тематику производственных задач. Что дело весьма трудоёмкое и многосложное, и здесь, как правило, все дураками бывают. Так что и здесь я ничего не нашёл, но при этом мысли о работе навели меня на актуальнейший в данный момент для меня вопрос о моём трудоустройстве, о котором я, конечно, не забывал, но постоянно с него спрыгивал.

– А теперь нужно искать работу, – Вернувшись обратно из своих воспоминаний, уже здраво рассудил я, – и для начала нужно написать резюме. – После чего я достал из сумки ноутбук, положил на столик в гардеробной и пока он загружался, принялся размышлять на тему резюме.

Ну а чтобы написать резюме, нужно хотя бы на начальной стадии обладать навыками писательства. Насчёт чего можно не беспокоиться, ведь не зря же в школе нас заставляли писать сочинения. Ну а если ты к тому же знаешь те основные принципы, которыми руководствуется писатель в написании своих опусов, то написать приличное резюме не составит для тебя никаких проблем (с ошибками справится редакторская программа). И как можно было догадаться, то я был знаком с этими принципами. Писатель, прежде всего логик, составляющий посредством слов свою логическую цепочку. Итоговой целью которой, является сердечная недостаточность читателя, которую писатель должен вызвать у него своим, потрясшим все его основы и вывернувшим душу сочинением. А в моём случае, моим читателем будет принимающий решения о трудоустройстве служащий, которого я должен с первой строчки убедить, не откладывая в сторону моё резюме, со второй строчки заинтересовать его, с третьей строчки посеять в его душе зёрна сомнения и заставить его начать волноваться на мой счёт, ну а дальше он уже должен быть охвачен нетерпением, не понимая, как их компания обходилась без меня. – Я хочу немедленно его видеть!

– Что ж, – рассудил я, глядя на экран монитора, – любой начальник, в какие бы либеральные одежды он не рядился, прежде всего консерватор, а это значит, что немаловажное значение в формировании его обо мне мнения, будут играть мои родословные корни, со своими истоками. – Здесь я задумался над своей формулировкой первоочередных задач. И не увидев для себя разночтений и перекосов в надуманность, на которые я такой мастер, перешёл к детализации поставленной перед собой задачи, где и пошли свои вопросы: И с чего начать? Как глубоко копать? Ограничиться ли только сухой констатацией фактов, или же в неоднозначно

тракуемых случаях, где мой прапрапредок по неизвестной линии, какой-нибудь барон, – моя не любовь к физическому труду и близость к дивану, прямо указывает на наличие в моём генеалогическом древе вот таких сановитых родственников, – не слишком разумно обошёлся с другим моим прапрапредком из другой родословной линии, капитаном гвардейцев, отправив его кормить собой рыб, развёрнуто обосновать этот его поступок, выглядящий преступным только с позиции современности. А так он вполне укладывается в рамки того времени, когда честь была в чести, и если ты называл негодяем и ничтожным человеком даже негодя с большой буквы, то изволь отвечать за свои слова и приходи на дуэль.

А то взяли себе привычку прятаться за псевдонимами и поливать всех без разбору грязью, а когда возьмут за одно место, то плакаться, объясняя, что его не так поняли и вообще, это не утверждение, а его оценочное мнение, за которое его судить нельзя и нужно отпустить.

«Так вот, мой прапрапредок, барон Сен Жуан, а по-нашему, барон Александр Евгеньевич, когда его посмел зацепить на банкете, даже не словом, а своим вызывающим одним судороги на лице бестактным поведением, другой мой прапрапредок, капитан гвардейцев, большой весельчак и балагур, Закускин: «Барон, извольте подать мне закусить», то он не стал разбираться и выяснять, сколько капитан Закускин сегодня выпил бутылок шампанского и как он владеет шпагой, а немедленно потребовал подать себе чистые перчатки. Вот так прямо на весь зал и заявил: Подать мне чистые перчатки!

Чем немедленно вызвал брожение в умах всей собравшейся на банкете у губернатора публики, а в особенности у капитана Закускина, крайне удивившемуся такому заказу барона, своего кузена по материнской линии. – Я хоть человек и не привередливый и со своими закидонами, но перчатками закусывать, это даже слишком для меня. – Рассудил про себя капитан Закускин, закидывая в себя рюмку уже без всякой закуски.

И вот из боковых дверей все в золоте, выходит лакей с разносом, на котором лежат белоснежные перчатки и прямым ходом идёт к барону Александру Евгеньевичу Разумовскому, который, как стоял на одном месте рядом с одной великосветской дамой на выданье, к которой он питал нежные чувства, и не только потому, что счастливчика ждало многомиллионное наследство, то так и продолжил стоять. А ведь барон действительно был искренен в своих сердечных к ней чувствах. А всё потому, что эта великосветская дама, леди Гамильтон, была свежа, молода и крайне симпатична. И единственное, что вносило свой диссонанс во всё это её совершенство, это было то, что она никак по-нашему не изъяснялась и как общепринято в таких случаях говорить, то была ни в зуб ногой. Так что перед бароном и перед другими кандидатами на её внимание, стояла непростая задача, завладеть этим её вниманием и тем самым завоевать её сердце. Ведь никто не знает её языка, а тот высокий тип весь в чёрном, кто её привёл сюда, создаёт интригу и не раскрывает ту местность, откуда она вместе с ним прибыла, сколько бы в него развязывающей язык жидкости не вливали.

Вот и приходится барону Александру полагаться наудачу и на все свои знания иностранных языков, о которых он единственное, что знает, что они существуют и на них разговаривают те люди, которых он совершенно не понимает.

– И не была бы леди Гамильтон так пригожа и отчасти сногшибательно красива, хоть и слегка костлява по моему досужему мнению, то я бы давно плюнул на неё. – Поглядывая из-за спины этого субъекта во всё чёрное на вздыхающую в одиночестве леди Гамильтон, барон Александр принялся строить на её счёт планы. – Но теперь это дело моей мужской чести, завоевать её. – И барон Александр полными решимости взял эту неприступную крепость, леди Гамильтон, хватая за пуговицу на рукаве этого типа в чёрном, отрывает её и прямым ходом направляется к леди Гамильтон, чтобы, так сказать, выразить ей для начала своё почтение.

Ну а леди Гамильтон, как будто чувствует, что она разожгла огонь любви в груди самого видного офицера в этом собрании великосветского общества, и как только барон Александр выдвинулся по направлению к ней, чтобы разделить с ней одиночество, она берёт и отворачи-

вається к нему спиной, чтобы так сказать, проверить его на сообразительность и заодно, на обходительность с великосветскими дамами. Правда, барон Александр этот её поворот к нему спиной интерпретировал несколько иначе. – Кокетничать вздумала, стерва. – Сделал вывод барон Александр, ещё больше укрепившись в желании погубить эту леди. – Как кошка будешь за мной бегать. – Усмехнулся себе в усы барон Александр, подходя со спины к спине леди Гамильтон. Здесь, на расстоянии полушага, он останавливается и начинает волновать спину и вслед за ней всю леди Гамильтон, однозначно чувствующую спиной, как ей в неё так горячо и крепко дышат.

Но леди Гамильтон не может себе позволить обернуться, даже когда её к этому принуждает её любопытство и искреннее желание взглянуть на того, кто так горяч по отношению к ней, и это не только потому, что её родословная прослеживается прямо до короля Артура, а просто она леди с крепкими принципами, не позволяющими ей быть отзывчивой, и она вообще, холодна, как лёд, а тёплый воздух в спину ей полезен.

– Что ж, я не гордый. – Молвит барон Александр и бросает на пол перед леди Гамильтон пуговицу. Леди Гамильтон, естественно, заинтригованная отвлекается от своей спины и, наклонив голову, переводит свой взгляд на пол, где вдруг видит неожиданно появившиеся чьи-то ботфорты. Леди Гамильтон медленно поднимает свой взгляд, который перебирается по камзолу, начиная от ботфорт и дальше вверх, и видит перед собой смешливого господина. И хотя леди Гамильтон приятна внешность этого господина и его улыбка располагает к себе, она, как натура, воспитанная в чёрствости своего самовыражения, где для смеха и всякой улыбчивости нет места, только хмурится и с выражением недоумения смотрит на него.

А этот смешливый господин, между тем, и не собирается в ответ хмуриться, а он начинает ей что-то сбивчиво говорить. – Что, не понимаешь меня, дура? – глядя на леди Гамильтон, задаётся вопросом барон Александр, несколько всплыв на леди Гамильтон за такую её привередливость в деле своего знания не тех языков. – У себя дома небось, кичится своими разносторонними знаниями во всех видах наук, и вообще, она натура просвещённая и всё обо всём знает. – Барон Александр принялся распекать леди Гамильтон за её недалёковидность. – Но как видишь, грош цена твоим знаниям, если ты их словесно выразить не можешь. И мой печник, без единого класса образования, – а ты, наверное, закончила институт благородных девиц, – и кроме печного дела ничего не знающий, будет в глазах нашего общества выглядеть куда как эрудированней и умней, чем ты. – На этом барон Александр перестал третировать леди Гамильтон и начал рассуждать по существу вопроса.

– И как же к тебе обращаться? – продолжая улыбаться, вопрошает себя барон Александр, начав судорожно соображать в поиске ответа на этот вопрос. – Да! – осенила догадка барона. – Надо назвать её по имени. – Приходит к решению барон Александр и обращается к леди Гамильтон. – Леди Гамильтон? – делая лёгкий реверанс в её сторону, вопросительно обращается к ней барон Александр. Ну а леди Гамильтон, как всё же в первую очередь леди, а затем уже всё остальное, давно уже чувствуя необходимость выговориться, поняв, что другого случая ей может и не представится, забыв о своих принципах и о той надменности, с которой она смотрела на окружающих, вдруг улыбнулась и, покачав головой, подтвердила это предположение барона: Ес.

Ну а барон Александр скорее догадался о том, что она согласилась с ним, нежели он об этом понял из её ответа. – И о чём её ещё спросить? – воодушевлённый улыбкой леди Гамильтон, – бастионы не выдержали моего напора, – барон Александр, не теряя времени, принялся искать у себя в памяти, о чём любят говорить между собой дамы. – О погоде. – Быстро сообразил барон Александр, но вот как об этом сообщить леди Гамильтон, то это не менее сложная задачка. Но барон Александр, когда дело касается дам и притом привлекательных, никогда не отступает и всегда находит, как довести до их понимания свою мысль.

И барон Александр для начала повторяет это дико для него прозвучавшее слово: «Ес», с рассмешившим леди Гамильтон произношением, что есть ещё одни плюс в его копилку, а затем взявшись руками за локти своих рук, со словами: «Ух», поёживается и вздрагивает, как будто ему холодно. И леди Гамильтон, что удивительно, понимает его и ей самой почему-то становится знобливо. Ну а барон Александр в деле согревания дам большой знаток и он, немедленно заметив, что леди Гамильтон замёрзла, решает предложить ей пройти к столу и согреться. Но как это ей объяснить? Правда на этот раз для барона Александра этот вопрос вообще не вызывает затруднений, и он без лишних трат времени на раздумье, наклоняется чуть в сторону голову и со стороны выгнутой стороны шеи, с многозначительным видом, пальцем руки щёлкает себе по горлу. Чем немало удивляет леди Гамильтон, привыкшую у себя на родине к другому рода щёлканью пальцев рук. Там у неё на родине, в основном принято щёлкать по носу, если уж не удалось за него дёрнуть. Что уж тут можно поделывать, такая у них национальная черта, задирать друг перед другом свои высокомерно мыслящие носы.

– А не кажется ли вам, сэра, что ваш нос слишком много себе позволяет? – столкнувшись носами на узкой дорожке, где и не разойтись, не замочив ноги в луже, – прошёл дождь и вокруг до луж стало слякотно и сухих мест на мостовой до неприличия мало, и за каждое такое сухое место и проход, как в данном случае, идёт своя борьба, – обратится с немедленной претензией к слишком много, и как кажется задавшему этот вопрос сэру, занимательно насчёт себя мыслящему сэру высокой наружности, другой сэра, благопристойной наружности.

– Совсем не кажется, сэра. – Посмотрев сверху на сэра благопристойной наружности, флегматично скажет сэра высокой наружности, после чего добавит. – Как ему на роду, сэров Болинброков, эсквайров, написано, так он и смотрит. И другому не бывать.

– Знавал я одного Болинброка, – многозначительно скажет сэра благопристойной наружности, – так он прошу заметить, не был джентльменом. – На что его оппонент холодеет в лице, но всё же держится в своём хладнокровии, как истинный Болинброк.

– А я в свою очередь знавал выдававших себя за джентльменов не джентльменов, которые всё обо всех знают, но при этом сами не спешат представиться. – Отвечает сэра высокой наружности.

– Сэр Джонсон. – Подняв шляпу, представился сэра благопристойной наружности.

– Сэр Болинброк. – В свою очередь поднял шляпу и представился сэра высокой наружности.

– Как ваши дела, сэра Болинброк? – спрашивает сэра Джонсон.

– Прекрасно. – Заявляет сэра Болинброк и со своей стороны спрашивает сэра Джонсон. –

А как ваши дела, сэра Джонсон.

– Идут с тем же успехом. – Делится своими новостями сэра Джонсон.

– Рад слышать. – Говорит сэра Болинброк.

– А я как рад слышать. – Поддерживает такого, как оказывается прекрасного собеседника и приличного человека, сэра Болинброка, сэра Джонсон.

– Прекрасная погода, не так ли? – спрашивает сэра Болинброк.

– Не могу не согласиться с вами, сэра Болинброк. – Отвечает сэра Джонсон.

– И знаете, на какие мысли навевает такая погода? – прищурился один глаз, спрашивает сэра Болинброк.

– Пойти в ближайшее тёплое местечко и пропустить там по пинте грога. – Делает предположение сэра Джонсон. И как оказывается, он угадал.

– Я не могу не отдать честь вашей проницательности. Вы прямо-таки читаете мои мысли, сэра Джонсон. – С просветленным лицом говорит сэра Болинброк.

– Не стоит, сэра Болинброк, – раскланивается сэра Джонсон, – вы со своей стороны проявили не меньше здравости мысли и я даже скажу больше, вы умеете держать нос по ветру. – А вот это указание сэра Джонсона на нос сэра Болинброка, слегка омрачило мысли сэра Болин-

брока, обладающего прекрасной памятью и ещё не забывшего, с чего началось это его знакомство с прекраснейшим человеком, сэром Джонсоном, который на первых порах не показался сэру Болинброку столь здравомыслящим джентльменом, и если быть с самим собой честным, то сэр Болинброк поначалу счёл его не за джентльмена. Но вроде бы в этом замечании сэра Джонсона не кроется никакого подвоха и оно достойно джентльмена, и сэр Болинброк не спешит менять своего мнения насчёт сэра Джонсона, а косвенно с ним соглашается. – Так же как и ваш, сэр Джонсон. – Против чего сэр Джонсон ничего не имеет против, задрал свой нос также высоко, как и сэр Болинброк.

И сейчас бы их дела ещё лучше пошли, если бы к их полной неожиданности, мимо них не пролетел кэб, что не так трагично, если бы не образовавшая в следствии дождя лужа, вставшая на его пути, а вот это уже было крайне печально для этих джентльменов, облитых с ног до головы свежей водой из лужи.

– Я так это дело не оставлю! – возмутился сэр Болинброк.

– Я тоже! – полностью поддержал сэра Болинброка сэр Джонсон.

– Тогда за мной, в трактир «Весёлый гусь». – Заявляет сэр Болинброк.

– Только после вас. – Проявляет джентльменство сэр Джонсон. Сэр Болинброк со словами: «Мы этому негодяю ещё покажем, на кого он посмел замахнуться, и обязательно призовём к ответу, дёрнув его за его длинный нос!», напрямик идёт по луже. После чего к нему присоединяется и сэр Джонсон, восхищённый храбростью сэра Болинброка.

И здесь для леди Гамильтон, не раз наблюдавшая за тем, как джентльмены меряются своими носами, – не слишком ли вы, сэр, высоко задираете свой напыщенный нос, а вы, сэр, суёте свой нос, куда не следует, – с непременным их дёрганьем, увидев этот поданный ей знак видным незнакомцем, то есть бароном Александром, необъяснимо для её, вдруг расчувствовавшегося сердца, заинтриговалась. И леди Гамильтон, явно заворожённая бароном, иначе и не могла поступить, как полностью отдать себя в руки барону.

– Ес. – Посмотрев на барона томными глазами, тихо говорит леди Гамильтон.

– А леди Гамильтон не такая уж и дура. – Пробормотал себе в усы барон Александр, всегда готовый признать свои ошибки. И леди Гамильтон берётся им за локоть руки и провожается бароном Александром до стола, где он и оказывается в прицеле внимания капитана Закусина, у которого, между прочим, были свои планы насчёт леди Гамильтон, женитьба на которой, единственное, что сможет ему помочь, чтобы избежать возмездия кредиторов. А тут что он видит, леди Гамильтон вместе с бароном Александром, у которого и так в финансовом плане всё в порядке и на свой личный счёт он никогда не жаловался, пользуясь большим успехом у противоположного пола. А это не совсем честно и по большому счёту несправедливо, как это видится капитаном Закусиным, на которого с прискорбием смотрит противоположный пол и главное, его кредиторы.

Так что теперь становится понятно, почему капитан Закусин так сорвался на своего кузена, барона, выступив по отношению к нему с такими невероятными требованиями. Ну а барон Александр, когда дело касается чести дамы, а капитан Закусин, посредством него, несомненно покушался на её честь, – если барон выказал бы себя трусом и значит, бесчестным человеком, то кто тогда его дама, леди Гамильтон, если она находится с ним в не определённых отношениях и сопровождается им, – то он горой за неё встанет и потребует сатисфакции, кем бы не был её обидчик.

И вот барон Александр в сопровождении лакея, в руках которого находится разнос с белоснежными перчатками на нём, подходит к немного струсившему капитану Закусину, затем останавливается напротив него и крепко так на него смотрит. Выдержав небольшую паузу, барон в полной тишине и внимании к себе со стороны всех здесь присутствующих господ, обращается с требованием к капитану Закусину. – Милостивый государь, извольте повто-

рить ваши оскорбляющие моё человеческое достоинство слова. – И тут-то, было потерявшийся капитан Закускин, вдруг понял, почему барон Александр раздул из пустяка этот скандал – он, таким образом, хочет впечатлить леди Гамильтон. – Вот же ловкач. – Капитан Закускин восхитился умением барона найти нужный подход к леди. Правда последующая мысль его опечалила. – И всё за мой счёт. – Огорчился капитан Закускин, впервые в жизни оказавшись со стороны человека оплачивающего чей-то банкет. – А он не думает, что я могу оказаться удачливее. – И только капитан Закускин так подумал, как удар перчаткой ему по носу, дал ему понять, что барон об этом точно не думает, а он скорее склоняется к другому варианту развития этих событий.

Что в итоге и подтвердилось, когда они, придерживаясь конспиративности, переплывали на лодке к тайному месту, выбранному для дуэли, и капитан Закускин, отлично знающий, на что способен и как владеет шпагой барон, когда они оказались на середине реки, вдруг решил не дожидаться начала поединка и, вытащив шпагу из ножен, напал на барона. Но в спешке он споткнулся об край весла и в результате воткнул остриё своей шпаги не в горячее сердце барона, а в верхний край боковины лодки. После чего его шпага соскальзывает в воду и капитан Закускин увлекаемый инерцией и своей злостью, перелетает вместе со шпагой за борт, и как потом сказал барон Александр, как в воду канул.

А леди Гамильтон, которой все обстоятельства этого происшествия на её понимаемый язык всё объяснил её брат, тот тип во всём чёрном, сказать, что была потрясена, мало сказать. Ведь там, откуда она сюда прибыла вместе со своим братом, решившим наладить торговые связи с нашими купцами и вообще, мир посмотреть, на такие пылкие выражения чувств крайне скупы, а тут ещё имело место кровопролитие, так что когда барон Александр прибыл обратно к себе в поместье, то его там ждал не только ветер в комнатах и холодная постель, а там, у ворот, стояла двуколка, из которой ему по его прибытию поманили ручкой. А как только барон Александр, только слегка для виду удивленный прибытием к его дому незваных гостей, подошёл к крытой двуколке, где в её темноте кто-то от него скрывается и его интригует, то он не стал хвататься за шпагу и спрашивать: «Это что ещё за новости?», а он в момент запрыгнул на ножку двуколки и ... А дальше и так всё понятно и без слов».

– Пожалуй, лучше будет слегка сократить. Подробности, я думаю, не всем будут интересны. А то я не уложусь в нормативы. – Сделал вывод я, поняв, что опять увлёкся и отошёл от главной своей цели, написания резюме. – Но всё-таки, откуда и с какого места начать свою историю? – повторно задался вопросом я и почему-то посмотрел вверх. Где увидел не потолок второго этажа, а сурового вида двух мужиков, один из которых был преклонного возраста, но при этом не дряхлого вида, а было видно, что он держит себя в физической форме и, наверное, качается. Тогда как второй был его моложе, на голову его выше и во всём своём виде мощнее и грозней. И, наверное, тоже качается. На что указывает то, что они сидели и крутили педали на велотренажёре.

И если второй грозный тип крутил педали молча и сосредоточено, то первый не мог молчать и всё болтал без умолку, время от времени со смешком подтрунивая над вторым. – И вот скажи мне, Люцифер, что тебе принесла твоя неуживчивость и строптивость, со своими претензии ко мне, зачинателю всего живого, кроме звания первого либерала. Видите ли, я по твоему мнению, должен равно удалить от себя человечество, максимально ослабить государственное регулирование процессов земной жизни и без оглядки на себя, предоставить человечеству полную свободу для своего самовыражения. Мы мол, все творческие личности и как-нибудь без твоего регулирования справимся. Что ж, я услышал тебя и тебе первому предоставил такую свободу. И что же я вижу, – разведя руками, усмехается творец всего и вся, – ты опять недоволен своим свободным положением фрилансера. Где ты теперь вынужден мне пакостить и время от времени получать подряды на работы.

Тут видимо у Люцифера уже не хватает терпения всё это молча переносить и он, отпускает ручки велотренажёра, с гневным видом разворачивается к творцу и ...перебивается мной. – Нет, это я уж слишком далеко заглянул. Лучше немного времени перемотаем и начнём с первобытного времени. – Здорово рассудил я, теребя волосы на макушке. Немного подумал и выдал на гора начальный абзац.

Резюме.

«Прежде чем я начну озвучивать свою значимость для себя и для всех остальных людей, а она, как не трудно догадаться, для меня представляет бесценное значение против малой значимости для всех остальных, чтобы в будущем не возникло разночтений и недопонимания, я хотел бы сделать несколько уточняющих пояснений. И я, как человек сам с собой сама откровенность и честность, не буду кривить душой, и что про себя знаю и думаю, расскажу. Ну а чтобы мне это было сподручней что ли сделать, чтобы мой ясный взор на себя и на свои поступки не затуманила моя чувственная субъективность, то я своё изложение буду вести от чистого сердца, – о чём уже говорилось, но не будет лишним ещё раз напомнить, – и объективности ради, от второго лица.

И это совсем не означает, что я двуличен, а дело в том, что я приношу в жертву своё собственное я. Ведь мне для успеха моего дела придётся рассматривать себя со всех сторон, и не только приличных, пытаться объяснить только мной понятное и при этом, часто не объяснимое и не объясняемое, приводить себя, а не кого-то другого в пример и всё это со всей своей серьёзностью.

Фу, выдохнули. Набрали побольше в лёгкие воздуха и поехали!».

Пожалуй, для начала пойдёт. А то, что слишком длинно выходит, то кто знает, кому в итоге на его небесный стол ляжет моё резюме. А по итогу жизни, оно там обязательно окажется, а это куда важнее всего остального.

Глава 3

Естествознатель

Почему-то первое, что, а вернее кто, приходит на ум, когда обращаешь свой взгляд в глубины веков, в далёкое, далёкое прошлое, то это один видный естествознатель, известный всем по имени Дарвин, со своим происхождением видов и естественным отбором. Что ж, не буду лукавить, а я с ним во многом согласен. В частности в том, что природой в качестве продолжателя рода, путём невероятной борьбы за выживаемость, из миллиона претендентов, был выбран именно я. И при этом, я сам всего достиг, несмотря даже на то, что на тот момент во мне не было ни капли разума, и мною двигала моя жизненная сила. И если Дарвину так хочется, то пусть всё это будет называться естественным отбором.

Правда, право я не понимаю, из кого ещё можно было выбирать, и у меня прямо-таки с языка слетают отборные слова в адрес всё того же Дарвина, если он допустил в своём сочинении некую, неизвестную мне мысль. И что-то мне подсказывает, что и сам Дарвин считал естественным то, что природа остановила свой выбор на нём, таком умном, и оттого он теперь ей дифирамбы поёт. Пресмыкается, в общем. А это говорит о том, что он недалеко от обезьяны эволюционировал (вот почему он, в своих работах столь много внимания обезьянам уделил, близок им, в общем), в отличие от того же меня живорождённого, а не как он из яйца своего понимания жизни вылупившегося.

Да, кстати, о яйце. И ответ на допотопный вопрос о первоочередности появления яйца или курицы, лежит в плоскости понимания вот таких умников, как Дарвин, которые задаются этим вопросом лишь для того, чтобы задаваться им с глубокомысленным видом, и тем самым умника из себя строить и показывать себя крайне занятым человеком. А не будешь демонстрировать занятость, то тебя немедленно за бездельника примут и затем заставят что-нибудь по дому делать. Ведь некоторые вопросы для того только и возникли, чтобы существовать, как некая каверза для человека, указывая ему на то, что он всего лишь человек и выше головы ему не прыгнуть.

– Чарльз, хорош делать вид, что чем-то занят. Иди коров накорми. Сам же говорил, что труд сделал человека из обезьяны, а сам между тем и палец об палец дома не ударил. – Уж и не знает, чем ещё достать Дарвина, его до чего же вредная супруга Эмма. Просто поражая его своим нахальством и откровенным передёргиванием фактов. Как это он палец об палец не ударил. А кто спрашивается, наемни, гвоздь к табуретке прибил (почему к табуретке, так в неё было удобнее), в ответ на очередное её зубоскальство и принижение его мужского достоинства, пока что в части его ничего по дому сделать не допросишься. А вот если бы она, своим, вечно косящимся в непонятную для Дарвина сторону взглядом, на этот раз указывая в сторону спальни, посмела с укоризной и отчасти досадой заикнуться о его, даже не неспособности стать зачинателем рода (там всё в порядке), а подходу к этому делу только с исследовательских позиций, – трепло, а не родоначальник, – то Дарвин на этот раз не стал бы с ней церемониться и показал бы ей, где раки зимуют (это была одна из его новых, так и незаконченных теорий, пришедшей ему в голову во время вот таких домашних свар).

– Да как ты смеешь, так безбожно врать?! – перекосившись в лице, возмутился Дарвин. – Сама же прекрасно знаешь, что это не так, а всё равно так говоришь. Да и, в конце концов, может же человек устать. – С трагизмом в лице добавил Чарльз. Но супруга Чарльза Эмма, к его сожалению, что подтверждается его же теорией, особа дюже крепкая, как физически, так и в диалектическом материализме, и поэтому ему не стоит ожидать от неё послабления. Ведь она не только прошла естественный отбор, – огонь, воду и медные трубы, – но и реализовала саму себя, пройдя жесточайший отбор с видовой стороны. И что интересно, так это то,

что самым крепким препятствием на пути к их счастью, можно не верить, а был сам Чарльз, со своими скорее близорукими, нежели недальновидными взглядами на неё.

В общем, он, как и всякий учёный, с задатками гения, по большей части дня живущий в глубине своих мыслей и размышлений, и оттого незамечающий людей рядом с ним находящихся, в упор не замечал своего счастья в лице Эммы. Так что Эмме пришлось изрядно потрудиться, прежде чем Чарльз её заметил и понял, что без её внимания к нему, – она вовремя подушку под его зад подложит (все самые знаковые гении страдали геморроем, который их и мотивирует к открытиям – этим гениям всё на месте не сидится, как будто в заднице что-то свербит, бытовала ещё такая поговорка) и спичку зажжёт для его трубки, – все его потуги сделать величайшее открытие обречены, если не на провал, то, как минимум, на не успех – его поднимут на смех за это своё открытие, удивившее не только простых людей, но и выдавших виды и всякое слышавших учёных. Что, между тем, отчасти и случилось с открытием Чарльза. А это всё, не раз в пылу горячности Чарльза, наводило его на мысль о самоубийстве своего открытия.

– Как Галилей отрекись, а затем посмотрю, каким путём пойдёт человечество, пренебрёгшее мной и моей мыслью. – Прямо всё внутри Чарльза холодело при одной только такой мысли, обрекавшей человечество на движение, а точнее, застой в свой без эволюционный тупик. – Я-то буду эволюционировать, а ты, человечество, всё будешь топтаться на месте, – здесь Чарльз, конечно, перешёл все грани, перейдя на ты с человечеством, но его можно понять, он сейчас в мыслях эволюционировал, а человечество нет. И Чарльз даже слегка себе позволил вознестись над остановившимся в своём развитии человечестве и снисходительно посмотреть на него сверху вниз, само собой только в его воображении. Ведь каждый не рядовой учёный, а что уж говорить о тех из них, кто чуть ли не гении, обладает феноменальной памятью и воображением, и даже можно сказать больше, от степени воображения и фантазии в его голове, зависит учёная степень учёного. А не будь в голове учёного воображения, то, что тогда его будет мотивировать на исследовательскую деятельность и отчего он будет отталкиваться в своих учёных изысканиях, о которых до настоящего дня никто не имел ни малейшего понятия и даже себе представить не мог, что такое может быть и за всем этим вот такая невероятная вещь скрывается.

А Чарльз между тем, лежит у себя на кровати и ухмыляется при виде того, до чего себя человечество довело и доводит, не прислушавшись к его учёным советам.

– Ну, топчись, топчись человечество на одном месте, – похихикивает себе в усы Чарльз, отчётливо видя, как человечество дальше сапог не ушло, – таким регрессирующим темпом вы в болото застоитесь и скоро перестанете размышлять о смысле и цели жизни. А зачем, когда всё наглядно видно и ясно – главное в жизни устоять на месте и не упасть. И как было тысячу веков назад, так и через тысячу веков будет тоже самое. Как говорили на одном, только самым понятном языке, так и продолжим так браниться. И как подходили к дамам господ с дискриминационных позиций воодушевления и деликатности обхождения, так и будут им руку подавать и пододвигать им стул за столом, нисколько не заботясь об их праве на выбор, и может быть, наличия желания самой подвинуть себе стул. – Чарльз, так рассуждая, явно что-то о будущем знал.

И так бы человечество, а это каждый из нас, кто не приходился близким родственником этому мстительному Чарльзу, прибывало в своей отсталости, в девятнадцатом веке, совершенно не развиваясь, если бы Чарльз не передумал и вскоре не сказал своё: «А оно всё же эволюционирует!». И это всё благодаря его Эмме. Которая не может без того, чтобы за что-нибудь не накричать на него – ей без этого спокойно не спиться.

– А что, без света не думается?! – с порога в спальню завела свою возмущённую шарманку Эмма, указывая на горящую лампу. И Чарльз не успевает ей даже возразить: «Да, так светлее мысли рождаются», как она своим дополнением срезает все его потуги на возраже-

ния. – А мне потом думай, где искать деньги на керосин. – И Чарльз, припёртый к стенке аргументами Эммы, ничего не может возразить и тушит лампу. На чём его унижения не заканчиваются. – А ну подвинься, лодырь, разлѣгся на всю кровать, – из темноты, чуть сбоку от Чарльза, доносится недовольный голос Эммы. И Чарльз вновь не успевает отреагировать, как он уже физически прижат к стенке, массивным толчком Эммы в бок. И Чарльз, прижатый всем собой и главное головой к стене, от безвыходности своего положения, про себя всхлипнул и вдруг понял, что человечество имеет право на прощение, а вот Эмма нет.

Между тем очередной спор между Чарльзом и Эммой в самом разгаре. И Эмма в ответ на его вполне аргументированное заявление, не только не устыдилась своего дерзновенного поведения, в котором она ещё смеет перечить своему мужу-кормильцу, что указывает на то, что она не читала домострой, а она в один момент выпрямляется, – она до этого мыла полы, а Чарльз вносил свою лепту в наведение чистоты тем, что вначале следил, а затем встал посреди комнаты, как истукан и всем своим видом начал выбешивать Эмму, – к похолоданию спины Чарльза скручивает в узел тряпку досуха, и громогласно заявляет. – Ну, ты и подлец! – И вслед за этим так своей головой покачала, что Чарльзу стало до жути страшно, а уж спрашивать о том, почему он подлец, то он об этом и подумать не смел. – Пусть буду подлец, и на этом пусть будет всё. – Молил про себя проведение Чарльз.

Ну а его Эмма на этом естественно не останавливается и ей повода даже не надо, чтобы найти причину наорать на Чарльза. – Интересно, – подбочившись руками, страшной интонацией голоса проговорила Эмма, – а почему это ты не интересуешься, почему я тебя подлецом назвала? Неужто для этого есть все основания? – с глубоким подтекстом задалась вопросом Эмма, вперившись взглядом в него.

А Чарльз, если честно и сам не знает, почему это так вышло, и скорей всего, оттого, что он растерялся. Но разве ему сейчас в этом поверят, если он это скажет, да ни за что. И Чарльз... Да ничего Чарльз не успевает, за него всё скажет и объяснит его благоверная Эмма, с половой тряпкой в руках, которая вскоре, как что-то подсказывает Чарльзу, будет смывать с его лица все следы его живой выразительности. А простыми словами, она так врежет ему тряпкой, что его только видели стоящим на ногах. А вот если посмотреть вниз, на пол, то там можно будет увидеть плачущего Чарльза, сбитого с одного удара тряпкой по лицу.

– Ну и прохиндей ты, Чарльз. – Не сводя своего, насквозь видящего всю подлость души Чарльза взгляда, начала себя заводить Эмма. – Теперь-то я поняла, какой ты на самом деле человек. А я-то всегда думала, что ты всего лишь параноидального типа сноб, – оттого ты столь большое внимание уделяешь человеческому роду, – ан нет, это, как оказывается, всего лишь цветочки. А твоё объяснение: «У меня на роду написано таким быть», есть всего лишь твоя уловка для меня. А если это так, то я хотела бы знать, что мне на роду написано. Ну, – Эмма требовательно посмотрела на Чарльза, – что молчишь?

А что Чарльз может ей сказать такого, чтобы она успокоилась, да ничего. Он отлично знает: чего бы он не говорил, это её не успокоит, если она сама к этому не склонит себя. А для этого нет лучше средства, которое сейчас находится в её руках. Ну а если ему всё равно не отвертеться от тряпки, то к чему все эти его унижения. – Буду прямо в глаза смотреть опасности. – Всё же решил прищуриться Чарльз, продолжая молчать.

Эмма же, видя насколько её Чарльз невыносимо упёртый тип, считающий, что всё должно быть так, как он того хочет, ещё больше на него рассердилась и расстроилась за себя несчастную, вынужденную жить с таким жестоким, бессердечным человеком.

– Хорошо Чарльз, – совершенно неожиданно для Чарльза, вдруг примирительным тоном голоса говорит Эмма. Что не может не напрячь его и по-особенному испугать: Что она ещё придумала? – Давай начистоту, – заговорила Эмма, невольно заставив Чарльза бросить оценивающий взгляд на пол. Что было замечено Эммой, всегда придирчиво относящейся вот к таким взглядам: Вот только попробуй выразить критичность взгляда! – Но Чарльз нем лицом и Эмма

не сбивается со своей мысли. – Ты же знаешь, что я тебя, как облупленного знаю, и поэтому тебе не стоит увиливать от ответа и искать отговорки. Так что я жду от тебя прямого ответа на мой звучащий в единственном экземпляре, прямой вопрос. – Эмма на этом месте сделала кульминационную паузу, для того, чтобы Чарльз осознал всё ею сказанное и даже не думал мухлевать с ответом. А Чарльз об этом и не думал думать, а он в предчувственном напряжении принялся судорожно соображать, пытаюсь нащупать то, о чём она хочет его спросить.

– Неужели подозревает? – похолодев в сердце, спросил себя Чарльз. – Но в чём? – вслед задался вопросом Чарльз, совершенно не понимая, в чём его можно заподозрить таким, за что ему было бы стыдно и неловко. А этого, скорей всего, и добивается Эмма, деструктивный человек, который получает удовольствие от его неловкостей и падений на мокром полу. – Так вот почему, она его так часто моет! – потрясла догадка Чарльза, осознавшего всю полноту коварства Эммы. – Но в чём она меня подозревает и может подозревать? – вновь задался прежним вопросом Чарльз и принялся строить свою логическую цепочку, которая и привела его к единственной мысли: Она, как супруга со стажем, просто обязана подозревать меня в связях на стороне! – И что интересно, то эта мысль несколько порадовала Чарльза, несмотря даже на то, что реальных оснований для таких подозрений Эммы не было. – Нет, так будут. – Торжественно возмутился про себя Чарльз. – Надо срочно завести интрижку. – Пришёл к решению Чарльз и тут же натолкнулся на проблему отсутствия кандидатур на эту роль. – Но с кем? – задался вопросом Чарльз, принявшись вспоминать всех своих знакомых дам, подходящих на эту роль.

Но среди его знакомых дам нет ничего достойного, чтобы можно было рисковать своим безупречным именем и так уж и быть, браком с Эммой, вроде как счастливым. Здесь Чарльз искоса посмотрел на Эмму и вроде как сердцем почувствовал, что она ему дорога. И Чарльз, на волне этого, до удивления редкого чувства, уже собрался пойти на примирение с Эммой, но тут им замечается тряпка в её руках, непередаваемый запах которой ничем не выбивается из его мозгов, и Чарльз закипает в негодовании и решает, что просто обязан подтвердить эти её подозрения.

– Но только обязательно молодую! – Чарльз укрепил себя в решении быть не обоснованно заподозренным.

А Эмма, между тем посчитав, что она достаточно дала времени Чарльзу, чтобы он одумался и понял, что врать ей бессмысленное дело, задаёт свой звучащий в единственном экземпляре вопрос. – Чарльз, – холодным и прямо-таки каким-то замогильным голосом приводит к вниманию Чарльза Эмма. Чарльз взбадривается и, в готовности сломя голову убежать отсюда при случае, с полным вниманием посмотрел на Эмму. Эмма же продолжает, – посмотри на меня внимательно и ответь на мой вопрос. – Чарльз, не сильно понимая, что он там, в ней, такого ещё не видел, всё же не отказывает ей в этом праве и со всем вниманием смотрит на неё. Но в Эмме всё по-прежнему, и Чарльз в полном недоумении по поводу этой выходки Эммы, которой видимо заняться нечем и она, таким дурнейшим образом, себя занимает, начинает выходить из себя.

– И чего спрашивается, она этим добивается? – спросил себя про себя Чарльз. – Хочет сказать, что я ей мало уделяю внимания и совсем в её сторону не смотрю. Право, какая несусветная чушь. – Всё также про себя возмутился Чарльз. – Да практически вчера, я на неё смотрел. И ей тогда ещё не понравилось, как я на неё смотрю. Она ещё начала возмущаться, спрашивая меня: «Чего это ты так на меня смотришь, неужто что-то дурное на мой счёт задумал?». Вот же бабы, что за противоречивый народ. И что им нужно и сами не знают. И посмотришь на них, это у них вызывает вопросы, и не смотришь, то опять вопросы. – Чарльз еле удержался от того, чтобы в негодовании не пожать своими плечами. Что неминуемо вызвало бы раздражение у Эммы: «Вот же паразит, я его ещё ни о чём не спросила, а он уже недоволен и всё отрицает!», со своей новой порцией вопросов.

Но так как Чарльз в очередной раз проявил хладнокровие и выдержку, то Эмма не отвлеклась и задала ему свой долго им ожидаемый вопрос. – Ты, Чарльз, меня точно ни с кем не перепутал? – После чего она прямо-таки вцепилась в него своей внимательной к каждому движению его души и лица хваткой. А Чарльз и не собирается от неё что-либо скрывать, так он удивлён этим её вопросом. – Что это ещё за вопросы такие?!

– Как это? – ничего не понимая, спрашивает вслух Чарльз. А Эмма в своём прежнем, невозмутимом, как будто так и должно быть и никак иначе, репертуаре. – А как это всегда бывает, – с неопишымым в своей самоуверенности выражением лица, даже не говорит, а делает заявление Эмма, – хочешь одного, а получаешь то, что доступнее.

– Это ты на что намекаешь? – продолжая недоумевать, вопрошает Чарльз, в голосе которого начали проскальзывать нотки оскорблённого достоинства.

– На происхождение твоих взглядов на меня и видов понимания. – Выпаливает свой ответ Эмма, сбивая окончательно с толку Чарльза. На которого, между тем, снизошло откровение. – Вот оно, недостающее звено для моей новой работы. – Ахнуло почти много чего внутри Чарльза, не перестающего даже в самых ответственных случаях и разговорах по душам с Эммой, быть учёным с большой философской буквы. А когда он находился на пути к какому-нибудь открытию, то он только одну часть процента своего внимания уделял своему быту и Эмме, подпадающую под эту категорию бытия Чарльза. При этом Чарльз, как и всякий учёный, часто увлекался и переносил на свою семью, не только все заботы и тяготы по своему материальному обеспечению, но бывало, что рассматривал свою семью в качестве подопытного материала. И вполне вероятно, что Эмма сама того не зная, стала жертвой странных и ещё не доказанных теорий, такого скрытного, когда дело касается семьи, Чарльза. Да и как она могла знать, если от неё всё скрывают, объясняя это тем, что узнай она об этом, то ни в какую не даст своего согласия быть объектом эксперимента и наблюдения, и ещё скандал устроит.

– Так её и назову, происхождение видов. – Решил Чарльз, исподлобья поглядывая на Эмму, если быть откровенно честным, то не до конца верующей в его исследовательский гений. А вот если бы она безоговорочно верила ему, то, во-первых, она бы не называла его бездельником и лоботрясом, вечно своим раздражением выводя его дома на улицу погулять, во-вторых, с ехидным видом не интересовалась у него, когда его работы получают признание, и не только у его собутыльников, в этом, так называемом им учёном совете, но и где-нибудь ещё, и самое, наверное, главное, Эмма проявляла бы к нему заботу и во всём его поддерживала, а не противоречила каждому его слову, даже если он соглашался с ней; а она и это воспринимает в штыки.

– Ну так что скажешь? – видимо устав ждать, Эмма вновь задаётся вопросом. Ну а очнувшись от своих дум Чарльзу, сейчас нужно быть как нельзя лучше достоверным и убедительным в своём удивлении. И Чарльз мобилизует все свои артистические таланты, которые в нём тоже имели место (все гении талантливы во всём, особенно в деле обмана времени и если необходимо, то и своих современников) и с выразительным негодованием в лице, начинает демонстрировать непонимание такого подхода к себе со стороны Эммы. – Да с кем я тебя смог спутать? – искренне удивляется Чарльз, – Если ты одна на всём белом свете такая. – А вот здесь Чарльз оставил место для домыслов насчёт Эммы, – какая ещё такая? – и не без оснований не слегка покривил душой. Ведь он считал, что разнообразие форм живого, не столь разнообразно, и имеют место свои совпадения. И значит, что где-то есть ещё точно такой же человек, как Эмма (это правило не относится к таким людям как Чарльз, они выпускаются в единичном экземпляре, а иначе мир их двоих не выдержит).

И Чарльз на этом не остановился и принялся глубоко в себе домысливать. – А если в этом вопросе Эммы есть глубокий подтекст, и она, таким образом, намекает мне на абсолютно идентичную с ней даму? – в том самом волнении, которое охватывает Чарльза в те редкие минуты, когда он вдруг нападает на след какого-нибудь неизвестного доселе открытия, задался

вопросом Чарльз, подспудно чувствуя, что неизвестное открытие где-то рядом. Вслед за этим, Чарльз с новым взглядом первооткрывателя, но при этом придерживаясь осторожности, смотрит на Эмму и пытается в ней отыскать то, что он раньше в ней не видел. Но там, как кажется и видится Чарльзу, ничего вроде бы нет нового, и всё по-прежнему – обращённый на него сверхкритический взгляд Эммы. И Чарльз в один момент даже проявил слабость, и собрался было отступить и прекратить поиски: «Я и с одной Эммой никак не слажу, а что будет, если их будет двое?!», но потом в нём всё-таки взяла верх его учёная сущность, и он взял себя в руки и решил довести это дело до конца, каким бы оно не было.

– Да если я найду вторую Эмму, то это же целая кладёз знаний для любого учёного. – Воодушевил себя Чарльз, принявшись раздумывать над тем, как вытянуть из Эммы имя той, с кем по её мнению, он мог её перепутать. – Но как? – задался очередным вопросом к себе Чарльз. Но он не успел на него ответить, так как тут подоспел вопрос со стороны Эммы.

– Вот только не надо мне врать! – вдруг вознегодовала Эмма, придя в себя после такого неприкрытого посыла Чарльза к её чувствам. Где он посредством комплиментов и лести попытался заморочить ей голову и тем самым оставить её без ответа на свой вопрос. И Эмма, как только поняла, какой негодяй её Чарльз, готовый на что угодно и даже на комплимент ей, лишь бы уйти от ответа за свои осуждаемые ею и, скорей всего, обществом, поступки неприличного характера, не помня себя от обурявшей её ярости, обрушилась на Чарльза с первым же пришедшим ей в голову именем. – А как насчёт леди Сапог?! – уставившись на Чарльза, Эмма своим громогласным голосом чуть было не осыпала с потолка всю штукатурку.

– Что?! – чуть не поперхнулся в ответ Чарльз, потрясённый до глубины своей души таким предположением Эммы. – Где он, без ложной скромности, видный представитель своего класса и пола, и где леди Сапог, с виду и есть сапог. А Эмма, между тем, совсем иначе интерпретирует это замешательство Чарльза. Она в этом видит признание им вины. – Если бы между ними ничего не было, то зачем тогда Чарльз так разнервничался. – Всё прекрасно поняла за Чарльза Эмма, тут же и немедленно указав ему на это.

– А то, что и сейчас, её прозвучавшее имя тебя зацепило. – Эмма своим заявлением прямо-таки ставит в тупик Чарльза, даже и понять не могущего, как так можно думать и что можно на это возразить. А не возразить он не имеет права, ведь тогда Эмма сочтёт, что это действительно так. И ему придётся всю свою жизнь каяться перед ней за эту свою несуществующую связь с леди Сапог, чего он, может быть, и вытерпел бы, но жить в глазах Эммы и всех её кумушек, человеком, не просто преступившим свой долг честного человека, а преступившим его с леди Сапог, – вон посмотрите на этого невероятно паскудного господина в сапогах, всё никак забыть свою не наглядную не могущего, и в память о ней надевающий сапоги, – то такой несправедливости он вынести точно не сможет. И как-нибудь осенним вечером, в самую ненастную погоду, он возьмёт и из принципа не наденет сапоги, чтобы в эту погоду на улице прогуляться и, промолив ноги в туфлях на тоненькой подошве, сляжет с хворобой в кровать, и так никогда больше из неё и не встанет. А Эмма пусть потом всю свою оставшуюся жизнь себя попрекает тем, что так была несправедлива к честнейшему из людей, её Чарльзу, чьим последним словом было, не как все на него напраслину наводили, леди Сапог, а моя дорога Эмма, как ты была не права на мой и леди Сапог счёт.

И хотя противницы Чарльза из числа кумушек Эммы, будут пытаться сопротивляться, заявляя, что Чарльз тот ещё ловкач и, что он всё равно перед смертью вспомнил леди Сапог, Эмма ценой своей жизни уже будет переубеждена в справедливую для Чарльза сторону.

– Но меня всё-таки интересуется, кто всё-таки эта леди Сапог? – в итоге всех этих размышлений и представлений, задался про себя вопросом Чарльз. А искать ответ на этот вопрос, как обычно нет времени, и Чарльз, заметив, что Эмма начинает волноваться за него, скручивая тряпку в руках, вновь прибегает к помощи своего актёрского таланта, и досадливо усмехается в ответ. – Это уже невыносимо и ни в кайке рамки не умещается, Эмма.

– Ладно. – Неожиданно для Чарльза, Эмма соглашается с ним и тут же перенаправляет свой удар на другую, более реальную что ли мишень. – А что насчёт фрейлин Лизы? – задаёт вопрос Эмма, всматриваясь в Чарльза. А Чарльз в ответ и в правду искренне удивлён.

– А это ещё кто? – в недоумении спрашивает Чарльз. Эмма же видя, что Чарльз и в правду не понимает, о ком она спрашивает, приступает к объяснению. – Помнишь тот вечер, когда мы в первый раз были представлены друг другу? – глядя куда-то сквозь Чарльза, спросила его Эмма.

– С трудом. – Про себя ответил Чарльз, вслух сказав противоположное. – Конечно. – А как только произнёс, то к своему удивлению, не только вспомнил тот самый знаковый для себя вечер, а он как будто вновь там оказался и сейчас заново всё переживал.

Вот он, подающий большие надежды учёный, о котором не как это всегда бывает, никто и ничего не слышал, кроме узкого круга специалистов, с кем он по вечерам в баре выпивает, а о нём уже разошлась молва, как о несущем несусветную ересь молодом человеке. И видимо по этой причине, он пользовался повышенным вниманием со стороны представителей знати этого городка, где он прославился своими возмутительными идеями, возмущающими дух местного падре и людей близких к нему и другим идеям, и заодно в качестве интересного человека с новыми мыслями, был часто приглашён в дома первых и всеми уважаемых лиц города.

– Ну и пусть, – догадываясь о причине своей популярности, и почему он в очередной раз приглашён на приём, на этот раз даваемый графом Сельжуком, Чарльз с этим посылом решительно плюнул себе под ноги и, постучав специальным молоточком по двери, дал о себе знать лакею, находящемуся с другой стороны входной двери, ведущей во внутренние апартаменты особняка графа Сельжука.

Дверь немедленно открывается и сверху на Чарльза смотрит под два метра роста лакей. И хотя Чарльз в то время был относительно молодой учёный (у учёных возраст, иначе, чем у простых людей отмеряется и его многоопытность это совсем не та опытность, чем у людей с опытом повседневности) и соответственно своей молодости храбр и горяч, всё же ему вид лакея на воротах совсем не понравился. – Всё, хватит. Не буду я больше на потеху этим бездельникам, ничего не понимающих в науке, рассказывать о моих теориях. – Принял решение Чарльз и всё же не сдержал данное себе у входа слово. А всё потому, что он горяч, когда дело касается науки, и не может смолчать, когда эта, ничего не имеющая общего с науками публика (если только, как потребители), начинает из себя строить больших знатоков наук.

Но, впрочем, у него скорей всего, другого выхода и не было. Ведь как только он вошёл в гостиный зал, то немедленно привлёк всеобщее внимание к себе и был встречен графом Сельжуком, принявшим его представлять, не только как перспективного, с идеями учёного, а того самого учёного (!), – с многозначительным видом это говорил граф Сельжук, – у которого на ваш, герцог Лихтенштейн, и на ваш, баронесса Штоц, счёт, есть потрясающие идеи и выводы.

– Это что ещё за идеи и мысли? – сразу полез в бочку герцог Лихтенштейн, не терпящий свободы и идеи в чужих и вообще головах.

– Те самые. – Многозначительно говорит граф Сельжук, загоня герцога в угол своего и всех вокруг непонимания.

– Да что же это такое?! – Начинает закипать герцог, и граф вынужден раскрыть перед всеми и перед ним в том числе, секрет Чарльза. И граф, выйдя вместе с Чарльзом в центр гостиной, начинает говорить. – Наш молодой учёный не просто выразитель бытующего в учёной среде прогрессивного мнения, а он выразитель всего того отрицания нашего мира, которое заставляет людей становится учёными, заставляя их всё подвергать сомнению. – Граф перевёл дух и добавил. – А если ближе к теме, то он выразил сомнение в началах нашего мира. И по его особому убеждению, всё вокруг и мы в том числе, явились на свет не благодаря божьему соизволению, а вопреки ему, так я это называю. Иными словами, в результате длительного природ-

ного процесса, называемым им эволюцией. – Чарльз со своей стороны озлобился на графа, так безбожно его идеи перевравшего, но ничего ему не сказал и продолжал наблюдать за собравшихся вокруг них гостями, принявших на него с повышенным интересом смотреть и изучать. К тому же среди гостей графа, Чарльзом были замечены весьма и весьма интересные молодые особы, которые не сводили с него своих восхищённых его смелостью взглядов. А это одно стоило того, чтобы выглядеть в глазах графа и других неучёных господ, странным человеком с не менее странными идеями.

– Я ничего не понял. – Развёл руками герцог, искренне ничего не понимая. И Чарльз совсем не в обиде на этого престарелого герцога и он даже рад, что герцог его уже забыл, а вот баронесса Штоц, не смотря даже на её красоту, – а Чарльз себе позволил задержаться взглядом на её красивом, но как сейчас выясняется, не совсем умном лице, – Чарльзом не будет прощена за эту её памятьливую находчивость.

– Так вы тот самый Чарльз?! – на всю гостиную спросила баронесса Штоц и все в один момент догадались, кто этот самый Чарльз. И тут как только все об этом догадались, то вслед за этим, на Чарльза во всех сторон посыпались вопросы. Где самый безобидный был: «А вы, Чарльз, не шутите?», тогда как все остальные, не отличались новизной и своей заезженностью уже осточертели для Чарльза. И хорошо, что все эти вопросы посыпались на него скопом и Чарльз не имел возможности на них отвечать. И так до тех пор, пока слово не берёт хозяин особняка, граф Сельжук, – гостиная мгновенно погружается в тишину, – и, повернувшись к Чарльзу лицом к лицу, обращается к нему. – Вот скажите мне Чарльз, вы, надеюсь, разрешите мне вас так называть, – делает оговорку граф и, получив от Чарльза разрешение, продолжает, – какие ассоциации у вас появляются при виде наших благороднейших и прекрасных дам. – Указав на близстоящих дам, замолкает граф.

– Я, граф, не смею. Да и не мне и кому-либо другому не позволительно это будет делать. – Отвечает Чарльз, в делах этикета и обходительности с дамами тоже учёный.

– Понимаю. – Многозначительно говорит граф Сельжук. – Но этого просят сами леди. И если мне не верите, то сами на них посмотрите. – Граф рукой указывает на собравшихся вокруг дам и Чарльз, последовав взглядом за рукой графа, немедленно попал в ловушку всех этих обращённых на него взглядов дам, с придыханием смотрящих на него и ждущих от него для себя, а лучше для всех остальных, приговора. И первое, что сразу осознал и понял Чарльз, так это то, что ему от этой, столь требовательной и внимательно следящей за каждым движением его души публики, уж точно не отвертеться, и если он хочет хотя бы остаться в их глазах человеком благоразумным и имеющим право на существование в их глазах, то ему нужно как следует постараться, чтобы оформить свои идеи в подходящие для их слуха и чувствительных сердец формулировки. А иначе без обмороков и падений на пол никак не обойтись.

И хотя это будет на руку некоторым молодым офицерам, которые, скорей всего, будучи наслышанными о его успехах на приёмах у других сановников, где немало поразбивало об пол своих затылков разного рода и статуса дам, и подбили графа пригласить его на этот званный вечер, всё же для Чарльза это обязательно в итоге обернётся встречей с тем двухметровым лакеем, который по сигналу графа немедленно сюда прибудет и под белые рученьки его выбросит отсюда (вот почему Чарльз так напрягся, когда его встретил в дверях, он умел заглядывать в будущее, как впрочем, все учёные с именем).

А Чарльз, между прочим, ещё не садился за стол отобедать, – а он как бы на это рассчитывал и не ел весь день, – и поэтому он, хотя бы до приглашения за стол, должен оттянуть эту неминуемую встречу с лакеем. Но с другой стороны, Чарльз ещё не был приучен семейной жизнью, прямо в лицо, безбожно врать дамам, а особенно интересным, даже при помощи комплиментов, а это крайне осложняло создавшуюся ситуацию, где с одной стороны на него давило его голодное естество, а с другой на него так возбуждающе аппетит смотрело столько разноплановых дам, где особенной внимательностью к нему выделялась одна великолепно сло-

женная природой фрейлин. И Чарльз окончательно растерялся, не зная, что делать и с чего начать свой вывод отсюда под белые рученьки.

И хорошо, что рядом с ним стоял граф Сельжук, который, как сейчас выяснилось и сзади на ухо слышалось Чарльзом, имел собственные, полные жестокости взгляды на женский пол, был яростным их противником и при этом большим шутником. – Не тушуйся, Чарльз. Скажи им всё, что ты всегда хотел им сказать. – Прошептал Чарльзу на ухо граф. – У тебя есть такая великолепная возможность, сказать им в лицо, всё, что ты о них думаешь, о которой не может мечтать ни один женатый и просто господин. И не голословно, а всё с позиции науки, аргументируемо фактами и доказательствами. И им, как бы этого не хотелось, а крыть будет нечем.

– Но тогда они меня все возненавидят и откажут мне в праве на общение с собой; и притом повсеместно. – Прошептал в ответ Чарльз.

– Что ж поделать, этот ваш учёный крест, быть не понимаемыми и гонимыми своими современниками. – Сказал граф. – А что насчёт того, что они все тебя возненавидят, то это миф и невозможность. Женское общество никогда не было единым в своих взглядах и даже при полном единодушии, в нём не найти двух одинаковых мнений. Так что на этот счёт не переживай, и среди них обязательно найдётся одна такая, кто тебя как раз оценит за эту твою гонимость и это твоё противопоставление обществу. А что тебе и по большому счёту каждому из нас надо, как только быть по достоинству оценённым той единственной. – С глубокой печалью сказал граф. И как понял Чарльз, то граф имеет все основания быть возмутителем спокойствия и преследователем дам, плюс к этому Чарльз догадался, чем мотивировался граф, приглашая его к себе. Он хотел посредством его и его идей, преотлично провести вечер, посмеявшись над этими степенными, столь серьёзными на свой счёт дамами.

– Говорите, что ваша родословная самая наидревнейшая из всех известных, – с глубоким подтекстом, о наличие которого никто не мог догадаться и предположить, обращался к герцогине Брукеншильдской, граф Сельжук, – что ж, не имею ничего против этого. Посмотрим, что ты, старая карга, скажешь, когда Чарльз, аргументировано и обоснованно подведёт тебя к твоему дальнему родственнику, бабуину. – Уже про себя усмехнулся граф Сельжук, представив эту выразительную картину падения герцогини внутрь своего пышного платья. Куда он вслед заглянет и с серьёзным видом аукнет туда внутрь: «Герцогиня, вы от нас определённно что-то важное утаиваете». После чего все гости разволнуются и всполошатся, начав избегать Чарльза, как прокажённого. Ведь он в один взгляд на них раскроет всю их родословную, и тут приводит, не приводит документальные свидетельства того, что ты прямой потомок самого Вильгельма Великого, всё равно сказанные во всеулышание слова Чарльза, перевесят все эти ваши доказательства.

– Если быть на ваш счёт до скрупулезности откровенным, а по-другому я не могу поступить, когда имеешь дело с такого вида человеком, – прижатый к стенке сэром Ланкастером, в одном лице благородным человеком со связями и отъявленным драчуном, чему потворствует его от рождения крупная мускулатура, Чарльз, как человек разумный и благоразумный в одном лице, не мог ответить ему иначе, когда сэр Ланкастер поинтересовался у него, из какого вида обезьян он выродился (сэр Ланкастер всегда столь прямолинеен и откровенен, когда имеет дело с умными людьми, ну и когда он выпимши).

– Вы, сэр, вылитая горилла. – После небольшой внимательной паузы к сэру Ланкастеру, Чарльз в уме перекрестился (тогда он ещё не смотрел на мир так натуралистически критично) и, зажмурив глаза, всё как есть ему сказал. Сэр Ланкастер, несколько удивлённый такой смелостью Чарльза, только почесал себе затылок и, отпустив Чарльза, отправился искать зеркало, чтобы, так сказать, наяву проверить это утверждение Чарльза.

Но сэр Ланкастер это одно, а вот дамы это несравненно с ним другое, и как им можно такое сказать, когда ты и самые приятные для их ушей слова, не осмелишься им туда прошептать. И Чарльз, толкаемый сзади в бок графом Сельжуком, собрал всю силу воли в кулаки,

в которые он сжал пальцы рук и принялся разглядывать окруживших его с графом полукругом дам, за спинами которых маячили их обеленные сединой и тяготами семейной жизни супруги, а также молодые офицеры, наивно полагающие, что в браке нет ничего плохого, как это утверждают все эти умудрённые семейным опытом благороднейшие мужи.

– Если это так, то почему тогда, все эти мудрецы поголовно женаты? – задавались вот такого рода вопросами молодые офицеры, находясь в поиске и не только истины. – Несомненно, одно, – находили ответ на этот свой вопрос молодые офицеры, – эти господа женатики, за долгое время своего брака осточертели своим молодым супругам занудством и крохоборством. Да и их преклонные года не способствуют взаимопониманию, ему подавай тяжёлую музыку Баха, а она хочет кружиться в вальсе под музыку Штрауса, он надевает тяжеловесные штаны и всё чёрное, а её одежда так порхающее легка и светла, что и не заметна. И они, эти старые хрычи, опасаясь, что их молодость возьмёт своё, видя в нас удачливых соперников, решили нам голову заморочить всеми этими глупейшими выдумками о браке.

Ну а когда присутствует такая разность взглядов на дам, то не трудно догадаться о том, что сейчас думали и как смотрели на своих и не рядом стоящих дам, в призме взгляда на Чарльза, все эти господа. И если молодые офицеры начинали хмуриться, когда взгляд Чарльза останавливал свой взгляд на даме с загадочным лицом и мужем где-то сзади, то супруг этой дамы наполнялся воодушевлением, в ожидании комедии. – Наконец-то, хоть кто-то скажет этой стерве правду. – Одновременно краснел и бледнел в предчувствии развязки, да тот же сэр Дюффри, жалкое ничтожество в глазах его супруги, леди Дюффри, и отъявленный подкаблучник в глазах мужского сообщества. При этом сэр Дюффри даже не задумался о том, что будет после того, как только этот Чарльз запишет леди Дюффри в мааки. А зря. Ведь он можно сказать, единственный из всех, кто прекрасно знает склочный характер леди Дюффри, и на что способна она в гневе (а вот один молодой офицер этого всего не знает и оттого влюблён в неё, ведь она внешне привлекательна).

И только стоило Чарльзу, не задумываясь о последствиях, но при этом максимально смягчая свои слова, сделать предположение, что родословная леди Дюффри несомненно уходила в глубь веков и его далёкие предки, судя по ней, вели активный образ жизни, а этого в итоге показалось мало для леди Дюффри и она потребовала ещё подробностей, а он вдруг не удержался и ляпнул: «Ваши предки леди, предположительно все вышли из мааков», как тут же всё и закурилось вокруг впавшей в истерику леди Дюффри.

Правда, не вот так сразу, а вначале онемевшая леди Дюффри, потрясённая услышанным, выдержала паузу, и как только Чарльз было подумал: «Пронесло», то как разродится криком: Сэр Дюффри! – А сэр Дюффри, оглушённый пониманием своей недалёковидности, от страха присел в коленях и таким образом попытался от своей супруги спрятаться. Но куда там, когда зов леди Дюффри образовал коридор между ею и самим сэром Дюффри, на которого теперь со всех сторон смотрели гости графа и с нетерпением ждали от него возмущённой реакции на это публичное оскорбление его супруги со стороны этого Чарльза. И если насчёт всей этой публики сэр Дюффри вообще не беспокоился, то вот обращённый на себя взгляд со стороны леди Дюффри, он не мог игнорировать. И сэр Дюффри, сглотнув комок страха, виновато посмотрел на леди Дюффри и, явно решив поиздеваться над ней, ещё спрашивает её. – Что случилось, дорогая?

– А ты не знаешь?! – вопрошает леди Дюффри, потрясённая такой не внимательностью к себе со стороны сэра Дюффри, этого эгоиста и собственника, для которого её заботы и волнения никогда не были интересны, когда есть собственное я. И, судя по тому, что сэр Дюффри пожимает плечами, то он решил довести леди Дюффри до белого каления. Что у него с лихвой получилось – леди Дюффри не только побелела, а её чуть ли не начало трясти при виде такого эгоизма сэра Дюффри (как понял к своему сожалению сэр Дюффри и все остальные, то Чарльз был забыт леди Дюффри и сейчас для неё представлял интерес только сэр Дюффри).

– Его супруге прилюдно наносят оскорбление, – вперившись взглядом в сэра Дюффри, начала накручивать себя леди Дюффри, – а он не то что бы не слышит, а его это не касается. Так, сэр Дюффри? – таким холодным тоном голоса это спросила леди Дюффри, что всем вокруг стало страшно за сэра Дюффри, включая его самого. И сейчас бы, наверное, сэру Дюффри прилюдно несдобровать, – леди Дюффри была готова вынести на всеобщее обсуждение свои взаимоотношения с сэром Дюффри, врезав ему по его нахальной физиономии сумочкой, – если бы не граф Сельжук, вовремя вмешавшийся в назревающий конфликт.

– Леди Дюффри, – окликнув леди Дюффри, граф привёл её в чувства, – я, несомненно, уважаю вас и ваше желание быть самой собой, но вы находитесь у меня дома и уж извольте подчиняться установленным мною порядкам и правилам. И я вас убедительнейшее прошу, не спешить с выводами и отложить решение возникших вопросов на потом. – С чем граф оставляет усмирённую леди Дюффри, а сам возвращается к Чарльзу, о котором все временно забыли.

– Ну так что, Чарльз, – обращается к нему граф Сельжук, – на этом остановимся или как? – А Чарльз ничего больше так не хотел, как не начинать этот сеанс откровения (а по дружому его и не назвать, когда обращаешься с прорывными идеями к далёким от науки людям, а они склонны всё упрощать и смотреть на них с позиции обывателя – вот почему и возник этот вопрос о происхождении человека от обезьяны), а уж когда его к этому вынудили, то он только и хотел, чтобы побыстрее закончить этот свой перекрёстный допрос. И Чарльз согласно кивнул графу. И на этом, пожалуй, всё и закончилось бы, но тут вдруг, из этого их дамского окружения, доносится бархатный голос, с первого взгляда очень понравившейся Чарльзу молодой леди, и продолжение вечера, как того желал Чарльз, не сместился в сторону столовой, а получил своё продолжение здесь. Против чего, что удивительно, ничего не имел против Чарльз, ведь этот голос принадлежал, как потом он узнал, той самой фрейлин Лизе (почему фрейлин и что такое фрейлин, когда есть фрейлина, – может это какая-то игра слов и понятий, – то это так и не удалось узнать).

А прекраснейшая из всех фрейлин, фрейлин Лиза, всем поголовно молодым офицерам здесь нравилась, в том числе и благовоспитанным господам, состоящим в супружеских отношениях со своими супругами, и так сказать, к неимоверному возмущению и шушуканью за её спиной всех остальных леди и даже фрейлин, имела на них всех большое влияние. Так что когда она выразила своё недовольство, обратившись к Чарльзу: «Так нечестно», то всем до единого господам в этом зале, в число которых входил и Чарльз, обуреваемых жадой справедливости, немедленно захотелось выяснить у этого подлеца, Чарльза, как он посмел быть нечестным по отношению к фрейлин Лизе.

– Что нечестно? – сурово посмотрев на Чарльза, милейше спросил фрейлин Лизу граф Сержук, когда дело касается женской чести и справедливости, то беспощадный даже к своим друзьям человек. Так что Чарльзу не помешает три раза подумать, прежде чем ему придётся отвечать на ещё не заданный вопрос фрейлин Лизы.

– Я тоже хочу, чтобы господин учёный, – фрейлин Лиза на этом месте так приободряюще посмотрела на Чарльза, что он тут же приобрёл для себя смертельных врагов из числа молодых офицеров и ещё парочка семейных господ решили с ним не знаться и не подавать при встрече руки, – заглянул в прошлое и поискал для меня ... – здесь фрейлин Лиза задумалась и после небольшой паузы добавила, – скажем так, тех, с кем меня могла связывать родственная связь.

Что и говорить, а фрейлин Лиза своим заявлением внесла диссонанс в разумение всех молодых офицеров, части господ из числа обелённых мудростью, и даже самого графа, не знающего, что об этом думать.

– Вы действительно этого хотите, фрейлин Лиза? – спросил Лизу граф.

– Да, хочу. – Глядя на Чарльза, уже потерявшего часть себя под этим её лучезарным взглядом (он дал слабину в коленях и приспустился вниз на них), как капризная девчонка заявила фрейлин Лиза.

– Как хотите. – Чуть было не оплошал в глазах фрейлин Лизы граф, буркнув себе в усы. Но вовремя сообразил, что так говорить нельзя и исправился. – Вы, знаете, фрейлин Лиза, что ваше желание для меня закон, – обратился к фрейлин Лизе граф, – так что все вопросы к нашему учёному. Да, кстати, его зовут Чарльз. – Добавил граф, и с дальним посылом, предупреждая о последствиях, посмотрел на Чарльза. А вот ответ фрейлин Лизы на это представление графом Чарльза, потряс всех до единого.

– Я знаю. – Говорит фрейлин Лиза, выбивая из под ног Чарльза последнюю подпорку, его ноги, которые вслед за закружившейся головой Чарльза, перестали им ощущаться, и если он сейчас не упал на пол, то только благодаря тому, что ногам тоже нужно подать сигнал для их движения. Что же касается всех остальных, то их тоже поверг в смятение этот ответ фрейлин Лизы, как оказывается, только с виду тихони, тогда как на самом деле, та ещё бестия (эта мысль, не трудно догадаться, в чьи головы в основном пришла). А вот молодые офицеры, чуть ли не в полном составе, решили если не немедленно, то после окончания ужина, пригласить этого, как оказывается, большого ловкача, Чарльза, выйти прогуляться на свежий воздух, чтобы выкурить по сигаре, и там его проткнуть шпагой.

– Вначале надо ослепить его зажженной спичкой, а затем шпагу под ребро. – В одно мгновение сообразил, как проучить Чарльза, поручик Томсон, с первого встречи с фрейлин Лизой, увлечённый её красотой и, считающий, что только с ним она сможет обрести для себя счастье. – А если этот негодяй, граф Сельжук, посмеет вскружить ей голову своими заоблачными обещаниями, богатствами и титулом в придачу, то ему лучше не приглашать меня к себе в гости. – Хватаясь за эфес шпаги, поручик Томсон нервно переносил ухаживания графа за фрейлин Лизой.

Между тем граф Сельжук, крайне заинтригованный этим заявлением фрейлин Лизы, с ненавистью и отчасти злобой отворачивается от этого, полного неприятных сюрпризов Чарльза, от которого он совсем не этого ожидал, и обращается к Лизе. – Вы меня не перестаете удивлять, фрейлин Лиза, – с заискивающей улыбкой говорит граф Сельжук, – позвольте поинтересоваться, откуда такая информированность насчёт моего дорогого гостя, Чарльза? – так престранно задаёт этот вопрос граф, что многими молодыми офицерами, в его словах: «дорогого гостя», чувствуется его призыв к их немедленному действию по отношению к Чарльзу. – Не пора ли вам, господа, выкурить по сигаре, – своей интонацией голоса, граф прямо приглашает их пригласить Чарльза выйти и выкурить по сигаре, которые лежат там, у него в прихожей.

А вот ответ фрейлин Лизы, в очередной раз поставил в тупик её понимания графа. – А почему вас это удивляет? – с долей негодования, возмущённо вопрошает фрейлин Лиза. – Или вы считаете, что леди ничего не должна знать и ничем не интересоваться, кроме как интересами своего супруга. Так, граф? – пристально глядя на графа, задалась вопросом к нему фрейлин Лиза, мгновенно перетянув на свою сторону женскую часть общества, вынужденную смириться с данностью Лизы, но они никогда не смиряются со своим подневольным положением, быть всего лишь супругой мужа.

Ну а что касается самого графа, то он, конечно, точь-в-точь, как это сказала фрейлин Лиза, считал, о чём он не раз высказывался на собраниях мужского клуба: «Свободы им захотелось, – как правило, громче всех орал на этом собрании граф Сельжук, – я дам им свободы. Пусть они когда им вздумается, заглядывают мне в рот и считают себя самыми умными. Но только молча. Так они умнее будут выглядеть. – Под всеобщее одобрение закатывался от смеха граф». Но такого сказать вслух даме, граф Сельжук никогда не посмеет. И пока фрейлин Лиза не в его власти и находится для него на недостижимой и из-за своей холодности к нему, неприступной высоте, он будет нем, как рыба. Вот когда она ему на брачном ложе скажет «да», то тогда уж граф от неё ничего не будет скрывать, и всё умалчиваемое за время своего ухаживания за ней откровение, окромя, конечно, ключей от тайных подвалов, с сундуками золота там, прямо в лицо ей и выскажет.

– Вы, фрейлин Лиза, отныне графиня, и лицо полностью подчинённое мне. – С нотками хозяина положения и домашнего деспота, с расстановкой акцентов проговорит граф Сельжук, поглядывая на склонившую перед ним в печали голову, графиню Лизу. – А у меня насчёт графинь строгие правила. – Постукивая по столу пальцем с огромным красным камнем на нём, начнёт озвучивать правила своего домостроя граф, а графиня Лиза тут же догадается, кто, как оказывается, скрывается под именем графа Сельжука – граф Синяя борода. – Вот почему его щёки всегда так гладко выбриты. – Логично рассудит графиня Лиза, решив сегодня же проверить эту свою версию, спрятав все бритвенные принадлежности графа.

Граф же между тем вводит графиню Лизу в курс её дел и обязанностей. – А что насчёт прав, то у вас есть одно право, спрашивать у меня разрешение любить меня. – Откусив яблоко, с полным ртом заржал граф... однозначно Синяя борода.

– Просыпаетесь ни в свет ни заря, и при этом обязательно с радостным на лице настроением. – Граф начал озвучивать список обязанностей графини. – Затем, ещё не выпорхнув из нашего брачного ложа, которое я решил с вами на этот раз разделить, с любовью во всей себе и благодарностью на лице за такое удовольствие, которое я доставил вам нынешним своим посещением, украдкой смотрите на меня, ещё почивающего от усталости. После чего с пожеланиями долгих лет счастья нашему союзу, перекрещиваетесь и можете идти умываться. – Здесь граф Синяя борода глубоко задумался при виде выскользнувшей из под одеяла в неглиже графини – сейчас в графе боролись два одинаковых по силе чувства, его принципиальность в деле отстаивания своего права на деспотизм и его ещё неостывшие чувства к графине со своими желаниями. И на этот раз желание пересилило в графе, и он решил проснуться и сделать паузу в деле перечисления обязанностей графине.

И граф, проснувшись от не такого уж и крепкого сна, вдруг понял, что заодно очнулся от этих своих фантазий, где перед ним находится пока что только фрейлин Лиза, и ждёт от него ответа на свой вопрос. И оттого, как он ответит на этот её каверзный вопрос, будет зависеть, будет ли он поутру просыпаться от шума вступления голых пяток графини на пол, или же по прежнему будет заглушать коньяком своё одиночество в кругу своих собутыльников. И граф Сельжук, будучи ещё под впечатлением этой своей фантазии и таких соблазнительных видов графини, склонился к первому варианту ответа.

– Гра... фрейлин Лиза, это даже не обсуждается. – С негодованием на то, что его могли заподозрить в ином мнении, ответил граф Сельжук. – Вы, несомненно, в своём праве делать всё, что вам пожелается. И если вам хочется заниматься науками, то кто же вам это запретит. – А вот здесь граф еле удержался оттого, чтобы саркастически не ухмыльнуться. – Да вы, дорогая, никому не будете интересны, покорпи вы неделю другую над этими полными непонятных слов и изречений книгами. Ваше одухотворенное свежестью весны личико, наполнившись всеми этими формулами и заумностями, приобретёт, если так можно назвать эту потерю лица, учёную образность, навевающую одну только скуку и больше ничего. А господа и особенно джентльмены, ничего общего иметь не хотят с такого рода и вида дамами, строящих себя за учёных дам, им и самих себя, с виду большого ума людей, достаточно, чтобы не скучать и при случае поговорить по душам.

– Я рада слышать это, граф. – Сказала фрейлин Лиза. – Я всегда знала, что на вас можно положиться. – А вот теперь уже граф Сельжук оказался под перекрёстным огнём молодых офицеров, немедленно решивших, напоить графа в стельку, а затем позвать его на балкон выкурить по сигаре, и когда он спьяну выронит из рук зажигалку и наклонится вниз, чтобы её подобрать, тот тут-то поручик Томсон его подтолкнёт, и граф, перелетев через перила ограждения, неминуемо разобьёт себе голову.

Фрейлин Лиза меж тем переводит свой взгляд на Чарльза и обращается к нему. – Прежде чем вы начнёте свой дискурс в незапамятные времена, то я, чтобы, так сказать, мотивировать вас на честность, – а то вдруг вы, ни с того ни с сего, захотите, если не приукрасить, так сгла-

дить виды очевидности: «Вы, фрейлин Лиза, совсем не похожи на тех обезьян, которые вас окружают» (надо было видеть окружающих фрейлин Лизу дам в этот момент), – скажу, в каком свете я вас вижу. Джентльмен должен выглядеть чуть красивее обезьяны. Вот как-то так. – Глядя на Чарльза, заявила фрейлин Лиза, многозначительно улыбаясь.

– Что это ещё за взгляды такие? – в негодовании удивился Чарльз, своим трудом «Происхождения видов», поставившим в двусмысленное положение не только своих прямых потомков, но и все последующие поколения. Где он откинул покрывала тайн с нашего, как все мы, веруя, думали, божественного происхождения, детализировано указал на нашу приземлённость. И ладно бы он так прошёлся только по тем, кто чуть красивее обезьяны, но он посмел внести свою ясность в происхождение той части человечества, кого мы любим за их загадочность и тайны, а это уже никому непростительно.

– Что это ещё за взгляды такие? – вслед за ним, услышав эту фразу в устах, а вернее во рту, слишком громко разговорчивой тётки с телефоном в руках, которой прежде чем делать такие заявления, не помешало бы на себя в зеркало посмотреть, возмутился я. – Хотя, быть может, она, таким образом, о себе заботилась, подбирая себе достойную пару. – Было догадался я, как до меня из-за спины доносятся чьи-то насмешливые слова. – А вас, я смотрю, зацепили эти слова. – Я, резко оборачиваясь назад, и кого же вижу – ту рыжую из косметического отдела, которая мне в зеркало подмигнула. – Теперь вы понимаете, – продолжает наставлять меня рыжая, – почему ваше замечание вызвало такую негативную реакцию. – Рыжая замолчала, вдумчиво глядя в меня, после чего добавила. – Хотя, наверное, вы ничего такого не имели в виду, когда так жестоко говорили. Вы ведь по своей сути воображала или тот же мечтатель, но только не в том смысле, в котором мы привыкли использовать это слово. А вы умеете по внешнему виду человека, считать с него его представления о своей мечте, – а мечта эта такая субстанция непостижимого, представляющей из себя всю совокупность наших целеустремлений в трудно достижимой перспективе, что её достичь, кажется неосуществимой реальностью, хотя она всегда стоит перед нашими глазами, на расстоянии вытянутой руки, и стоит только вам протянуть руку и вот она, достигнута, – к чему вы и подталкиваете людей, где через эту свою жестокость обращения к ним, добавляете им мотивации в деле преодоления препятствий на их пути к своей мечте. – Рыжая замолчала, ожидая от меня ответной реакции. И она последовала.

– Вот оно значит как. – Немного удивлённый такой её интерпретацией моего поступка, пробормотал я, почесав затылок. – А я так о себе и не думал. Впрочем, мне такой вариант даже больше нравится. – Уже обращаясь к ней, сказал я.

– И как думаете, что меня подтолкнуло так за вас думать? – спросила рыжая.

– Следуя логике, то всего вероятней, то вы также как и я мыслите. – Предположил я, и как выяснилось, не верно.

– А вот в этом вы ошибаетесь. – Сказала она. – Следуя моей логике, а она в отличие от вашей более логична, я как раз не мечтательница, а полная ей противоположность, расчётливая и циничная... – Рыжая сделала многозначительную паузу и добавила, – дальше на ваше усмотрение, – и так пристально уставилась на меня, что у меня внутри всё похолодело от этой её изучающей меня внимательности. Где она пыталась выяснить, до какой похабности я могу пойти в своих мыслях на её счёт, после того как она сама меня к этому так настойчиво и грамотно подвела. Ведь у каждого человека есть рефлекс, как безусловные, так и условные, где первые обязательно подведут его под монастырь, когда на него, а сейчас на меня, так упорно смотрит такая непревзойдённая смотрячка, как эта рыжая, незабываемая в своей красоте девушка. А условные рефлекс, в данном случае с использованием ею приёма с рифмой, – человек, сам того не хотя, действуя на всё тех же рефлексах, обязательно от рифмует напрашивающуюся для этого незаконченную фразу, – закончат вместо меня то, что она не закончила. И вот на этом она и хотела меня поймать.

Но она не знала, с кем имеет дело, и когда это мне крайне нужно, то я могу демонстрировать такую до непробиваемости невозмутимость на своём лице, что реши она меня защекотать, то у неё всё равно ничего не получится. Я буду с тупым выражением лица на неё тормозить.

И видимо рыжая вскоре это для себя уяснила, – вот же непробиваемый тупица, – и она спрашивает меня. – Так как вы считаете, это так? – Я хотел было сказать, что это не так, но сумел сообразить, что в её случае так прямо и бесследно для сердечной памяти не стоит говорить (сердце любит слышать слова в кружевах).

– Я бы немедленно сказал, что о вас думаю, если бы решил с вами расстаться, – сказал я, – но я этого не хочу, и скажу, что прежде ответить на этот ваш вопрос, мне нужно вас как следует узнать. – Теперь уже я со всем своим вниманием посмотрел на неё. И она, как по крайней мере, мне подумалось, оценила, и мои слова, и эту мою настойчивость во взгляде. Что и подтвердилось в её ответе. – Что ж, мне нравится ваш ответ. – Сказала она. – Тогда предлагайте. – Обращается она ко мне. Я, если честно, такого быстрого развития ситуации не ожидал, и скорее не был готов к продолжению этой встречи, нежели готов, так что совсем не удивительно, что её предложение озадачило меня.

– Невероятно сложная задача. – Говорю я ей, в очередной раз почёсывая свой затылок, который уже выражает недовольство такой моей внимательностью к нему (зачесал ты меня уже в конец!). – Тогда в парикмахерскую. – Делаю я ей своё удивительное предложение, вызвав на её лице смесь из искреннего недоумения и удивления.

– В парикмахерскую? – ничего не понимая, округлив глаза в удивлении, переспросила она, добавив. – Но почему?

– Я заметил, что вы постоянно теребите свои волосы, – со всем своим простодушием говорю я ей так, что меня невозможно заподозрить в подковёрных играх с подтекстом, – вот и решил, что они не дадут вам покоя и вам хочется с ними что-то сделать.

– Ах, вот вы о чём. – Выдыхает слова Рыжая, слегка успокоившись и повеселев при виде меня и себя со стороны. – Это, конечно, другое... – пробормотала она свою мысль и уже более отчётливо говорит мне. – Знаете, мне нравится ваше предложение, как и то, что вы умеете замечать. Но прежде чем принять ваше предложение, я должна вас предупредить о том, что сводить девушку в парикмахерскую, а лучше в салон красоты, несравнимо с кафе дорогое удовольствие. Так что скажите? – спрашивает она меня, как будто не понимает, что у меня обратной дороги нет, кроме как принять этот её вызов моим финансовым возможностям.

– Надо было кредитную карту взять с собой. – Быстро сообразив, что рассчитывать мне придётся только на собственные силы, я хотел незамедлительно развеять возможные опасения рыжей на мой счёт, но тут в мою голову вошла новая мысль, оттянувшую эту незамедлительность. – А какое интересно наказание меня ждёт в парикмахерской, если я не оплачу свой заказ? – мои руки невольно потянулись к моей шевелюре, стоило мне только задаться этим вопросом, ответ на который я определённо знал. – Ничего, у меня волосы быстро растут. – Убедив себя, я, наконец-то, даю свой согласный ответ рыжей.

– Вы сами знаете ответ на свой вопрос. – Улыбнувшись, сказал я. – Ведь он очевиден.

– Я люблю убеждаться ушами, а к этапу общения без слов, мы ещё не подошли. – Очень убедительно и обнадеживающе сказала она и я, еле сдержавшись от проявления счастливой глупости на своём лице, сухим голосом проговорил. – Выбирайте на свой вкус любое заведение по этому профилю.

– А денег хватит? – спрашивает она меня, озорно улыбаясь.

– Не знаю. – Осипшим голосом говорю я.

– А вы знаете, что вас ждёт за неоплату оказанных услуг в салоне красоты? – спрашивает она меня.

– Если голову на их плаху не самое жестокое наказание, то вы начинаете меня пугать. – Уже хрипя, проговорил я. А вот теперь я искренне испугался за себя, не понаслышке, а в экране

телевизора не раз видел, кто в этих салонах орудует ножницами и кисточками. А попасть в руки, а вернее в жернова интеллектуальности стилистов и мастеров от визажной кисточки, прямой путь в программу модный приговор. – Ни за что. – Хотел было я уже дать заднюю, но это так двусмысленно прозвучало, что я, исплевавшись, решил идти до конца, само собой с рыжей.

А рыжая, увидев во мне все эти затруднения, какая молодец, взяла и пришла ко мне на выручку. И она, наклонившись ко мне, прищурилась, шепотом говорит. – Не бойтесь, я никому вас не дам в обиду. – Отчего я чуть не упал в её объятия, которые по факту можно было бы назвать моими, если я распустил бы руки, а юридически в её, раз она взяла меня под свою опеку. Правда, я так и не осмелился на это, а может просто не успел, по причине того, что мы выдвинулись в одну из четырёх сторон, на которые делится этот свет и за которым я сейчас не поспеваю, так как находился в очарованном рыжей состоянии и мало чего соображал, следуя по пятам за нею.

И так пока я не был усажен на кресло в светлом и просторном холле, перед журнальным столиком, полным красочного вида, глянцевого журналов, один из которых, со словами: «Надеюсь, ты меня подождёшь», был мне вручён рыжей в руки, а сама она отправилась в один из залов, где творились чудеса с головами посетительниц этого салона.

Совсем не догадываюсь и вообще не знаю, сколько времени ушло со времени её ухода, но спокойная обстановка, где, не бьющаяся об окно муха жужжит, а машинка для стрижки пожукуивает, и так всё вокруг благоприятно благоухает, сделало своё дело, расслабив меня и мои в натяжении нервы. Что позволило мне не делать вид, что я увлечённо разглядываю журнал в руках, а, положив его на стол, приступить к обзору местной местности со своими обитателями. Ну а так как я находился в салоне красоты, ореолом обитания которого считаются в основном представительницы женского пола, а редкие мужские исключения приходят с чёрного хода, то мне было на что посмотреть, к неудовольствию некоторых присутствующих здесь на своих стульчиках дам. Которые, может быть, пришли сюда, чтобы скрыть ту или иную неровность в своём внешнем виде, а тут я сижу, и вскрываю эту страшную бородавку на щеке одной тётки, недовольной моим вниманием к ней.

Но ладно бы эта, изначально критически ко мне и ко всему ненавидимому ею миру настроенная тётка, но как я заметил, то и остальные находящиеся здесь в ожидании тётки и даже совсем ещё не тётки, а просто девушки, не выказывали нейтральности взглядов на меня, а все сплошь были недовольны моим соседством. И как только я всё это обнаружил, то тут же мне захотелось подскочить на ноги и, выйдя в центр холла, обратиться к этому недовольному сообществу с актуальным для них вопросом. – Да чего вы все такие собой недовольные? – И они, застанные врасплох моей импульсивностью, конечно, сразу ничего не смогут ответить, ещё больше углубившись в себя. И тогда я, базируя свои действия на одной древнеримской мудрости, начну разделять и властвовать.

– Вот ты, тётка с бородавкой, – ткнув пальцем в тётку с ещё одной бородавкой на носу, заявлю я, – чего так несносно выглядишь? – И зная, что она не ответит мне, сказав: «Ослеп что ли дурень, на моём лице все основания для такого поведения и смысла жизни отражаются», сам за неё отвечаю. – А всё потому, что не ты эту бородавку на своём носу носишь, а она тебя за собой водит и за тебя твою жизнь определяет. – И тётка не может с этим не согласиться, когда она действительно смотрит на мир через призму своей бородавки, а люди в свою очередь на неё смотрят через всю ту же бородавочную призму и поэтому редко кто хочет на неё смотреть и выдерживает это испытание. Вот отчего она здесь.

– А ты готова? – спрашиваю я её.

– К чему? – ничего не понимая, в ответ спрашивает она.

– Жить без бородавки. Ведь она не только тебе мешала в твоём житие, но она к тому же была для тебя фигуральным другом, который всегда брал на себя всю ответственность за твои

неудачи и стойко держал удар, когда ты обвиняла его во всех своих бедах. А что уж говорить о том, что ты всегда могла спрятаться за неё, когда тебе это было нужно. – Прямо огорошиваю я её своим заявлением. А она, как оказывается, об этом и не думала и никогда не смотрела на эту свою природную выпуклость с этой стороны.

А тут со стороны администратора звучит к ней обращение, мол, вас приглашают. А тётка с бородавкой, ещё с минуту назад столь уверенная в своём решении избавиться от бородавки, теперь и не знает, как быть. – Мне надо посоветоваться. – Говорит администратору тётка с бородавкой и покидает помещение салона. – С бородавкой. – По закрытию за ней дверей, со знанием дела добавляю я, чем немного скрашиваю настроение у этих ожидающих своей очереди посетительниц, окромя только администратора заведения и бородавочных дел мастера, которые по причине моего вмешательства лишились заработка. Но я на их месте ещё больше бы переживал, ведь теперь ко мне со своими проблемами начали обращаться все эти посетительницы, вдруг осознавшие, что им прежде сесть в кресло стилиста или какого другого мастера красоты, необходимо проконсультироваться со мной, однозначно человеком всё знающим. И кто кроме меня знает, что я им тут насоветую. Если, конечно, я преодолею в себе барьер своей скромности и пойду задаваться своими вопросами.

И я быть может и преодолел бы этот барьер, и так уж и быть, открыл затуманенные рекламной глаза на себя всем этим посетительницам, – да вы что все с ума по сходили дуры, разменивая своё природное естество на это всё наносное, – но, что-то мне подсказывает, что у них не только глаза затуманены, но и уши заложены. И они меня не только не будут слушать, а объединятся между собой и затребуют от администратора вывести меня отсюда за белые рученьки. А там, на входе, стоит двухметровый охранник и он с удовольствием это проделает со мной, а то он уже заскучал на этой работе. Где платят вроде и неплохо, но нет таких развлечений, как в клубах, где всегда можно размяться, скрутив в бараний рог очередного развеселившегося посетителя.

– Хм. Что-то знакомое. – Задумался я. – Где-то я уже слышал об этих последствиях. – И я хотел уже было углубиться в изучение этого вопроса, но тут появляется рыжая и я откладываю все свои не дела и, искря глазами, как говорится в таких несознательных случаях, потеряв дар речи, не нахожу слов при виде всего этого совершенства, на которое она пошла ради меня и за мой счёт (всё-таки подлец я, если даже в такие полные фантастизма моменты, не забываю быть расчётливым). И всё это под внимательными взглядами, сидящих в своей стороне посетительниц, которые ещё больше наполнились недовольством и отчасти завистью, при виде наших горящих взглядов друг на друга.

– И эта туда же. – Возмутилась всё та же тётка с бородавкой. – На всё готова, лишь бы её дружок остался доволен. Когда надо жить только для себя и ни для кого больше. Тьфу, смотреть противно. – Перекосилась в негативе тётка с бородавкой, всё также продолжая смотреть на нас и возмущаться.

– Спрашивать не буду, как вам моя причёска, вы всё равно ничего в этом деле не понимаете. – Сказала мне рыжая, а сама тем временем затрагивает рукой эту свою причёску.

– Ага. – Согласился я.

– А знаете, как я себя попросила постричь? – уже по выходу из салона спросила она. Я же, конечно, этого не знаю и говорю: нет.

– Говорю мастеру: «Вон видите того несмышленного типа. Так вот, он у меня мечтатель. Подстригите меня так, чтобы он обо мне только мечтать мог». И знаете, что он мне ответил? – всматриваясь в меня, спросила рыжая. А я и ответить сразу не могу, так я одновременно приятно удивлён и озадачен её словами, содержащим в себе такой волнующий меня беспорядок мыслей, где она даёт мне столько надежд, что аж ноги подгибаются от счастья.

Но отвечать надо и я спрашиваю её: Что?

– Он через зеркало смотрит на тебя и говорит мне: «Вам в таком случае необязательно подстригаться». – Рыжая делает паузу и вслед за этим спрашивает меня. – И ты знаешь, что это значит? – спрашивает она меня. – Сволочь этот твой стилист, вот что это значит. – Вот так знаю я, что это значит, правда только про себя. А вслед за этими знаниями меня вдруг посетило взбудоражившее меня подозрение. – Так она что, не стриглась? И тогда за что с меня слупили столько денег? – в волнении задался я вопросами и тут же получил ответ на них. И не от рыжей, а никогда не догадаетесь, а от того самого стилиста, кто таким возмутительным для меня образом, настраивал рыжую против меня. И понятно, что это мне только вообразилось.

– А за твою неграмотность и слепоту в деле стилистики. – До чего же противным голосом мне ответил этот стилист, явно запавший на рыжую и, решивший расстроить наши отношения. – Я мол, готов бросить ради неё свою стилизованную жизнь мастера причёсок, и даже забыть о своих в обтяжку кожаных штанах, чтобы эту вашу связь, вызывающую у меня диссонанс в голове и штанах, окончательно расстроить. – Прямо возмушал мой дух на ответную откровенность этот стилист. И я теперь не сомневаюсь в том, что за этим, предьявленным мне к оплате счётом, стоял именно этот негодяй, решивший прогнуть меня, записав к оплате такой невероятный счёт.

– Сейчас он увидит эти, ни в какие разумные рамки не укладывающиеся цифры и начнёт возмущаться. – Посмеиваясь себе в подмышку, рассудит на мой счёт этот, полный подлости и коварства стилист. «Как всё это понимать?! Да что это ещё за издевательство такое?! Да я за такие деньги весь салон мог бы купить! С ума сойти. В общем, как хотите, а я платить не буду». – Заявлю я вот так, по мнению стилиста, в результате чего окончательно роняю себя в глазах рыжей, увидевшей меня в своём истинном свете, прижималы и крохобора. А то, что я при первой встрече проявил себя с другой, совсем не с мелочной и отчасти безрассудной стороны, то всё это было притворство, чтобы её ввести на свой счёт в заблуждение.

Ну а стилисту только этого и надо. И он, как бы случайно услышав этот наш разговор на повышенных тонах, подходит к стойке администратора, и так, за между прочим, зевая, интересуется, что здесь произошло. А администратор ему объясняет, что вот этот крохобор и ничтожный из всех кого она видела, даже не человек, а одно название, и ей даже не понятно, как эта прекрасная девушка обратила на него внимание, отказывается оплачивать его работу. Стилист со скучающим и независимым видом смотрит на меня, как будто в первый раз видит и как бы одним своим носом уточняет у администратора: Вот эта амёба, что ли? – А администратор расплывается в улыбке и по особенному соглашается с ним. – А я-то всё не знала, как его назвать, а вы, Вивьен Оскарлович, как всегда в точку заметили.

– Ладно, я заплачу. – С высоты своего великодушия говорит этот Вивьен Оскарлович. – Запишите на мой счёт. – После чего он смотрит на благодарную ему рыжую, которая теперь только поняла, как она была слепа к Вивьену Оскарловичу, а так же ко мне крохобору и последнему негодяю, решившему так её обмануть в своих лучших чувствах. И с этого момента рыжая меня ненавидит всем сердцем, и готова на всё ради этого столь великодушного Вивьена Оскарловича. А бросаться драться на Вивьена Оскарловича мне уже не имеет смысла, рыжая уже бесповоротно вычеркнула меня из своего сердца, да и охранник Лёша уже тут как тут и закручивает меня в морской узел. И у меня от этой своей завязки в узел, перед глазами всё поплыло. Но я всё же из последних сил выворачиваюсь и смотрю на рыжую. А она, что для меня опять неожиданно, смотрит на меня и машет передо мной рукой, и как мне кажется, о чём-то меня спрашивает. Я концентрирую на ней всё своё внимание и вдруг понимаю, о чём она меня спрашивает, и главное, то, что вся эта история с Вивьеном Оскарловичем, не произошла, а была мной прямо сейчас надумана.

– Ты слышал, что я сказала? – вода передо мной рукой, спрашивает меня рыжая.

– Так ты что, не подстригалась? – спрашиваю я её.

– Ай, яй, яй. – С укоризной и лёгкой улыбкой покачала она головой, вот так ответив мне. – Но я не об этом сейчас хотела сказать. – Рыжая вдруг становится серьёзной и с вдумчивым видом переводит разговор на другую тему. – Меня его ответ навёл на мысль о мечте. – Глядя куда-то в незримую даль за моей спиной, заговорила она. – Что всё-таки на самом деле есть мечта и что она в себе несёт и отражает, кроме наших чаяний. Неужели, всего лишь какой-то недостаток в нашем организме? Как, к примеру, какого-нибудь химического соединения, которое и направляет наши мысли в обозначенную этим недостатком сторону. Как-то не хочется в это верить, и чтобы так было, что самое одухотворённо светлое, что движет нас по жизни вперёд и вверх, имело в своём основании какой-то недостаток. – Рыжая, замолчав, замирает в одном созерцательном положении, после чего, как я вижу, взглядом возвращается ко мне, где вдруг обнаруживает меня и моё пристальное внимание к ней, затем улыбается и спрашивает меня:

– Ну так всё-таки, какие у вас мысли на счёт меня? Почему я за вас всё так решила?

– Я же вам говорил, что мне нужно для этого время. – Отвечаю я. Но её это на этот раз не устраивает, и она сообщает мне, как ей кажется, довольно необычную для меня новость.

– А что вы скажите, – обращается с вопросом она ко мне, – если я скажу, что я из будущего? – И как видится мне, начинает в ожидании от нетерпения мучиться. Я же специально, как можно на дольше выдерживаю паузу и когда она уже готова взорваться, флегматично-рассудительным тоном начинаю рассуждать вслух по поводу этого её заявления.

– Для начала я присвистну вот так, – говорю я и по причине отсутствия практики в этом деле, так отвратительно присвистываю, что уже самой рыжей хочется от удивления присвистнуть. А она, как мне уверенно кажется, всё умеет отлично делать, в том числе и свистеть. Но она не присвистнула, и я продолжаю своё толкование её заявления. – А затем скажу, что вы не меньше моего выдумщица и фантазёрка. А если вы, как сейчас нахмуритесь, – а рыжая и вправду нахмурилась, наверное, оттого, что ей не присвистнулось, – то добавлю, что я, как человек разумный, так и должен был вначале сказать, не поверив вам. После чего я немного подумаю и найду для себя объяснение тому, почему вы так решили о себе заявить. А всё дело в том, что у каждой привлекательной молодой особы, должна быть какая-то загадка, и то, что вы про себя сейчас сказали, как раз из той же области. Ничем не страннее и не загадочней, чем то, когда тебе с неземным придыханием, по секрету говорят, что я не с этой планеты. – И только я это сказал, как со стороны рыжей звучит с оттенком злости вопрос:

– Это кто же вам такое говорил?

– Значит, опять вы на вы перешли. – Усмехнулся я про себя, определённо воодушевлённый этим эмоциональным всплеском рыжей. При этом я сохраняю хладнокровие в своём внешнем виде и к её вопросу подхожу обстоятельно и вдумчиво. – Она сказала, что прилетела на нашу планету со специальной миссией, вроде как с Венеры. – Говорю я, искоса поглядывая на рыжую.

– Ты издеваешься? – усмехается рыжая, вновь обретя спокойствие и как результат, мы опять на ты.

– Немного. – Отвечаю я серьёзно.

– Значит, всё-таки не верим мне. – Сказала она.

– Самую малость. – Звучит мой ответ.

– И как я понимаю, нужны доказательства. – Выдвигает предположение она.

– Не помешали бы. – Отвечаю я.

– Хорошо. – Сказала она, глубоко задумавшись. И видно мне было, что она очень серьёзно подошла к этому вопросу. Вон как сгустила краски на лице, изрезав морщинками свой лоб. И глядишь, таким темпом она на моих глазах действительно переместится в будущее, в плане своего старения, а этого я позволить ей не мог. И тогда я решаю прийти ей на помощь, а именно задать ей наводящие вопросы и тем самым показать ей, что я хоть и большой скептик,

но всё же борюсь с этим своим качеством и готов ради неё отойти от этих своих принципов, частично поверив ей.

– Пока вы до своего не додумались, позвольте обратиться к вам с тем самым вопросом, с которым в первую очередь обращаются к людям из будущего. – Говорю я ей. – Какая цель вашего прибытия сюда, в наше время? Что вас там, в будущем, заставило обратить свой взгляд в наше настоящее, а для вас отсталое без всех этих технологий по перемещению во времени прошлое? – Задался я вопросом и как немедленно мной выясняется по вспыхнувшему лицу рыжей, то я её чем-то зацепил, так спросив.

– А с чего это вы взяли, что люди будущего умнее, чем вы? – с режущими слух нотками возмущения задалась вопросом рыжая. И явно не предполагая меня слушать, продолжила свою отповедь в мою сторону. – Из-за того, что ему удалось изобрести что-то прорывное и воплотить в жизнь... нет, не мечту, – сделала она знаковую оговорку, – а эти прорывные разработки. Но в каждом времени людей прорывало на изобретения, и изобретение колеса, куда как значительное изобретение, чем все остальные изобретения, которые в своих технологиях и базируются на этой основе. Ну а человек будущего, всего лишь соответственно своему времени разумен, вот и всё. Разве взгляд из вашего настоящего в прошлое не указывает на это. И глядя в далёкое прошлое, вы подчас в удивлении недоумеваете, насколько умны и разумны были люди в те времена, – не то, что в наше время, – и вашему поколению стоило бы поучиться у них такой здравости мысли. – Рыжая сделала внимательную ко мне паузу, после чего и задала свой всё разъясняющий для меня вопрос. – Надеюсь, я всё понятно объяснила?

Я, конечно, хотел бы ещё позадавать вопросы, – что поделаться, такой уж я вопросительный человек, – но благоразумно решив, что на этом этапе знакомства человек ждёт от тебя больше доверия, чем чего-то другого, сказал, что я хоть и немного туповат, но для начала вполне достаточно.

– Тогда до встречи. – Говорит она, протягивая мне руку для рукопожатия. – Всё же обиделась. – Решил я, беря её руку в свою. После чего мыжимаем руки, внимательно наблюдая друг за другом, и она вдруг решает продемонстрировать передо мной свои сверх способности, которыми должен обладать всякий человек из будущего, как об этом пишут писатели-фантасты, показывают в кино, а мы, простые обыватели, одурманенные всей этой пропагандой, даже и не сомневаемся в этом – как минимум, все в будущем полукиборги.

– Я не обиделась. – Говорит рыжая, прямо-таки читая мои мысли. – Читать мысли, эта её сверх способность. – Мгновенно догадался я, посчитав разумным, пока ни о чём больше не думать. Но куда там, и как только приходишь к такому здравому решению, хотя бы перед сном, то тебя в момент оглушает осознание того, как ты слаб перед своей и чужой природой – в твою голову начинают лезть мысли со всех всевозможных сторон и при этом ни одной умной, а все как на подбор, бесполезного характера.

– Интересно, а если я сейчас подумаю, что хочу её поцеловать, то она решится вслух это озвучить? – спросил я себя, загадочно посмотрев на рыжую. А рыжая и не тушуетесь, и озорно смехнувшись, говорит мне. – Никак опять про меня всякую глупость надумали.

– Да как так?! – я прямо потрясён тем, что мои догадки на её счёт получили своё подтверждение. – И тогда что? – спросил я себя. И побоявшись озвучить для себя очевидный ответ на тот вопрос, решаю, что всё-таки этого недостаточно, чтобы делать итоговые выводы, и нужно ещё о чём-то таком, о чём она не смогла бы догадаться, спросить. И только я так подумал, как рыжая своим обращением ко мне, окончательно сбивает меня с толку. – Вы ещё о чём-то хотели меня спросить? – спрашивает она меня и так хитро улыбается при этом, что будь я вдвойне туп, чем есть на самом деле, то и тогда я не смог бы не понять этого её посыла.

– Я всё, всё про тебя знаю и каждую твою мысль читаю. – Прямо читалось в этом её взгляде. – И я, конечно, впал в ступор от такой близости к ней, ведь стоит мне только подумать о ней в неофициальном (я уже себя начал сдерживать и не выражаться неоднозначно понима-

емыми словами) качестве, то уже голова кружится оттого, куда может привести эта моя дурная мысль. И тут она, как мне показалось, знаково моргнула мне одним глазом. Да так для меня понятно, что я вдруг понял, что это на самом деле было – она, не знаю почему, но догадываться никто не запрещал, поделилась со мной частичкой своих сверх способностей.

И вот что я прочитал в этом её взгляде. – Если ты меня понимаешь без слов, то тупой ты в самый подходящий для меня раз. И теперь я настроила свою тактовую частоту по передаче тебе сигнала в соответствии с твоей тактовой частотой, которую отражает твоя тупизна. И с этого момента мы будем постоянно находиться на связи. – И хотя её язык передачи сигнала, местами не отчётливо передавал слова, определённо искажая в этих местах смысл, – это как в азбуке Морзе, не там поставишь точку и всё, подслушивающий эту передачу секретных сведений противник, просто обескуражен такими подробностями переписки между агентами: «Ну что, попал? В самую запятую! Чёрт, что всё это извращение значит?», – всё же общий посыл меня порадовал.

– Да, кстати, насчёт её вопроса. – Вдруг спохватился я, прямо-таки чувствуя её волнительное ожидание настоящего вопроса. А вот это уже вопрос из вопросов. – И о чём же её спросить? – принялся судорожно соображать я, отлично понимая, что я буду запомнен ею именно по этому моему к ней обращению. И она, ложась вечером в постель, будет меня вспоминать в том самом последнем, представшем перед ней образе, когда я задавал этот свой знаковый вопрос. И возможно даже, что только благодаря ему, она и передумает встретиться с одним, давно уже зовущим её под венец миллиардером, Григорием Машковым, первым когда-то красавцем и вообще человеком с большой артистической буквы (это значит, что с ним не соскучишься), и решит встретиться со мной, в кармане у которого только одна мелочь, после посещения салона красоты. Где я себя всё же проявил стойко и не закатил истерику, когда мне преподнесли счёт.

И тут-то я догадался, о чём её спросить. – Спрашиваешь, о чём я хотел тебя спросить. – Для кульминации момента я повторяю её вопрос и, не ожидая её ответа, задаю свой знаковый вопрос. – Так как тебя, рыжая, всё-таки зовут? – И только я задал этот свой вопрос, как вдруг обалдел от понимания того, что на самом деле сказал. – Вот чёрт! – ахнул я про себя, осознав, что вслух назвал её рыжей, как до этого про себя её называл для удобства – видимо за привычкой так её называть про себя, я и не заметил, как это имя у меня с языка слетело. И теперь я, весь сжавшись в комок, ждал для себя расплаты, как минимум, она меня назовёт человеком без фантазии, если ничего более умного и придумать не смог.

Ну а рыжая видимо и сама сразу не сообразила, что я к ней так фамильярно обратился, – её, скорей всего, так в детстве и прозывали, и она восприняла это моё к ней обращение, как само собой разумеющееся.

– Разве не странно об этом спрашивать сейчас, в конце свидания? – несколько удивлённая, но не тем, чего я опасался, спрашивает меня рыжая. – И разве я тебе этого не говорила? – вслед посылает ещё один вопрос она.

– Да вроде бы нет. – Опять обратившись к затылку за помощью, неуверенно, но немного облегчённо ответил я, внутренне понимая, что где-то ещё допустил ошибку, но вот где, то никакого представления об этом не имел.

– Тогда будет ещё одна причина сразу не засыпать. – Сказала рыжая, усмехнувшись, затем чуть приблизилась ко мне лицом, чтобы, так сказать, получше меня разглядеть, и опять хитро так спрашивает. – А хоть одна причина сразу не спать, есть?

– Не знаю, о чём это вы говорите, – сам не знаю почему, начал я дурака валять, – но теперь я точно сразу не усну, думая над этой вашей загадкой. А я между тем, всегда отлично спал и засыпал, стоит мне только занять горизонтальное положение в кровати.

– Давайте только без интимных подробностей, – со строгим выражением лица предупредила она меня. – А то я натура впечатлительная, и могу и сама не заснуть, буду всё пережи-

вать, как вам там, на жёстком полу не спится. – Добавила она, отнимая свою руку. После чего она как будто на что-то памятно наталкивается, что вызывает у неё усмешку, с которой она, глядя на меня, с укоризной покачала головой и сказала. – А рыжей меня уже давно не зовут. Но вы, тем не менее, частично оказались правы. Так что можете, пока не отгадаете моё настоящее имя, так меня звать. Я ведь действительно рыжая и меня это красит, как и вас то, о чём я вам сейчас не скажу. – Затем она приподымает руку, одними пальцами машет мне и, сказав: «Бай-бай», – это она типа желает мне сегодня хорошего сна (издевается, в общем), – разворачивается и начинается удаляться по мостовой. А мне ничего другого не остаётся делать, как смотреть ей вслед и задаваться волнующими меня вопросами.

– И о чём интересно ты сейчас думаешь? – спросил я себя и отчасти её, наблюдая за ней. И как подспудно ожидалось мной, она мне ответила, пожав своими плечами, поёжившись на ветру. Но это не промозглый ветер подвинул её к такой ответной реакции, а я-то отлично знаю, что она умеет читать мысли – а ветер всего лишь выступил в качестве прикрытия. – Наверное, идёшь и прокручиваешь в уме нашу встречу, радуясь тому, как оказывается, легко было вскрыжить мне голову. «И он даже готов был поверить в любую фантазию и нелепицу, выдуманную мной, и всё потому, что о ней говорила ему я», – посмеивалась рыжая, порываясь обернуться и посмотреть на меня, чтобы ещё разок убедиться в моём полном подчинении ей. «Вот сейчас обернусь, улыбнусь и махну ему рукой, и он весь мой, с улыбкой до ушей», – как была права рыжая в своём весёлом размышлении, от которого её походка приобрела летучесть. «Так повернись и улыбнись!», – немедленно потребовал я, посылая ей в спину зрительные сигналы. Но она, явно решив со мной ещё поиграть, не обернулась и продолжила игнорировать меня своей спиной. А я в свою очередь переключился на другие мысли.

– А если я всё-таки на долю процента поверю во всё тобою рассказанное, то ответь мне, с какой целью ты сюда тогда прибыла? – задался вопросом я, вглядываясь в неё. И рыжая вновь отреагировала на мой вопрос. Она вдруг остановилась и, наклонившись вниз, как я понял, принялась завязывать развязавшийся шнурок на кроссовке. – Что это может значить? – задался вопросом я, пытаюсь разгадать этот, определённо поданный ею сигнал мне (на самом деле кроссовок не развязался). – Её миссия заключается в том, чтобы навести порядок в своей зоне ответственности и завязать развязавшееся. И что тогда со мной не так? – посмотрев вниз, себе на обувь, задался вопросом я, будучи уверенным, что главная цель рыжей это я. Убедившись же в том, что у меня ничего внизу не развязано и не растёгнуто, – ботинки без шнурков, а замком я не пользуюсь из-за его заедания, – я поднимаю взгляд и задаю последний свой вопрос:

– И сколько ещё раз, вот так я буду смотреть ей вслед?

– Как можно чаще. – Следует мой ответ.

Глава 4

Закон подлости и его постулаты

Если не все, то большая часть человечества живёт коллективно, в своём социуме, что в свою очередь налагает свою печать на действующие в том или ином обществе правила и законы – они, эти правила и законы, в своей основе заключают обобщения и там нет места субъективным частностям, если бы они действовали по отношению к одному лицу, выбравшего для себя странную жизнь отшельника и вообще он человек нелюбимый... тьфу ты, нелюбимый. И в его случае действуют, например, вот такие правила и законы: До него не докричаться, он сам себе на уме, ведь он есть глас вопиющего в пустыне.

А в пустынях в основном селятся самые экстремальные, с амбициями отшельники – они крайне рациональны и расчётливы: вот сорок дней поизнываю в этом пекле без кусочка хлеба, – а в рот кроме воды ничего и не лезет, – и мне место там, наверху, обеспечено. А почему я так в этом уверен, так это, я в это верю. А вот не было бы во мне веры, то разве я бы высидел в этом пекле, с голой задницей на песке, ничего не делая.

Когда же этому нелюдиму надоедает так себя мучить, а этот момент позже или раньше обязательно настаёт, то он в своём удручающем, с наводящим на вопросы виде, предстаёт перед людьми, не склонными даже ради истины дурака валять в пустыне (это одно из своей последовательности правил существования и жизни в миру отшельников, которое в один из моментов берёт в них своё социальное начало и они предстают перед обществом). И отшельник, за время своего отшельничества отучившись вести себя культурно в обществе, начинает навязывать обществу свои взгляды на него. – Мол, со стороны виднее, – до чего же самоуверенным голосом заявит это сей отшельник, что местные мерила истины и её эквивалента, денег, первосвященники, сразу почувствовав в нём конкурента, поперхнуться в злости, отлично понимая, откуда и куда ветер дует, – а я специально для этих целей и уходил в пустыню, чтобы со всей объективностью выявить и проанализировать все пороки общества, и найти путь по их избавлению, на который и укажет моё слово.

И понятно, что общество его не понимает и начинает с опаской, а местами с большой не любовью на него смотреть. – Ему, судя по его отчаянному виду, терять нечего, да и взять с него нечего, так что нужно подальше от него держать свою торговлю. – Быстро соображают и считают в уме торгаши и менялы на базаре, куда со всех городских мест стекаются люди и мысли в их головах. Где идёт не только торговля товаром, но и как без торговли умами, которые привыкли мыслить категориями: «товар – деньги – товар», а тут этот охламон в тряпье сбивает их с панталыки новой формулой расчётов, уж больно привлекательной для таких же нищих людишек, как он, которые по его заверению, блаженны, а не как люди уважаемые и с деньгами утверждают, голытьба.

– Нет ценности без человеческого убеждения, и ценно лишь то, во что человек верит. – Вот прямо так, выйдя в центр рынка, во всеуслышание заявляет этот тип, неприглядной наружности, но с горящими глазами.

– Немедленно надо что-то придумать. – Перекосившись в лицах и, скрутившись в животях, до этого момента не знающих недостатка ни в чём и почувствовавших неладное, будущий недостаток в себе и связанное с ним пустое созвучие, начали переглядываться между собой и соображать первосвященники. И тут на глаза им попадает близкий им по духу стяжательства и довольства жизнью, сборщик податей Савл. – За зря что ли мы ему отдаём на откуп самые лучшие для сбора налогов области. – В момент сообразили первосвященники, что нужно делать, через толчок в бок Савла, обратив его внимание на эти возмутительные для духа всякого человека при деньгах речи, и не пойми кто такого.

– Это как это? – закусывая выручку финиками, спрашивает этого типа в лохмотьях торгаш из торгашей, построивший свой бизнес с нуля на налоговом откупе, Савл. Ну, а зная род его профессии (его ещё называют сборщиком податей), и с помощью каких механизмов добиваются в ней успеха, не трудно догадаться, как мускулисто выглядел Савл. Ведь ему нужно найти убедительное слово для налогоплательщика, чтобы тот уплатил налог по хорошему, а не как часто получается, с нервотрёпкой. Правда годы берут своё и Савл уже не столь крепок в кулаках, и поэтому он находится в поиске новых, более щадящих и одновременно более убедительных методов убеждения налогоплательщика заплатить подати. Так что вполне понятен интерес Савла к услышанному от этого странного типа.

Ну а отшельнического вида тип в лохмотьях, услышав такое к себе обращение со стороны Савла, не долго думая, подходит к нему и, протянув к нему руку, обращается к нему. – Савл дай мне финик. – Савл, скорее всего, что-то подобное ожидал услышать от этого, только на словах живущего божьим соизволением и его духом, человека отшельника. А как только дело доходит до общения с ним, с человеком на ком крепятся основы государственности, то он уже стоит перед ним с протянутой рукой. – Хочет меня устыдить в моей жадности. – Догадался Савл. – А наплевать. – Выразительно усмехнулся в глаза отшельнику Савл. – Я и только я, определяю здесь, что допустимо, а что незаконно. Впрочем, от одного финика я не обедею, а он будет у меня в долгу. – Решил Савл, протягивая финик отшельнику. Тот берёт его, зажимает в кулак и протягивает Савлу вторую руку.

– А теперь что? – в нехорошем недоумении спрашивает Савл отшельника, который как и предполагал Савл, дай только ему палец, то он руку откусит.

– Можешь ограничиться лептой. – Отвечает отшельник. – А он торговаться умеет. – Усмехнулся Савл, ожидая от того завышенных требований, того же сребреника, которых у Савла всего лишь тридцать на чёрный день, и с ними, а тем более с золотыми, он расставаться не намерен. – Точно! – вдруг осенила догадка Савла. И он, посмотрев по сторонам, что никогда не будет лишним, когда дело имеешь с наличными деньгами и в особенности со своими, удивившись в том, что рядом нет подозрительных личностей, а отшельника он держит под контролем, Савл полез себе за пояс, откуда вскоре им вынимается сжатый кулак и в таком своём значении протягивается к протянутой отшельником руке. Где по достижению его ладони, кулак Савла раскрывается и на ладонь руки отшельника падает золотой.

Савл с улыбкой смотрит на отшельника и говорит ему. – Пожалуйста сдачу с лепты. – Отшельник смотрит на монету в своей ладони, затем переводит свой взгляд на Савла и спрашивает его. – А ты, давая мне золотой, в чём был уверен? Найду я тебе сдачу или нет?

– Ты же выдаёшь себя за пророка, вот и скажи. – Усмехается в ответ Савл, но руки то у него при этом дрожат.

– Так тебе чего бы хотелось, чтобы я был пророком или же оказался лжепророком? – спрашивает отшельник Савла, заставив его задуматься. – Если он и в правду пророк, то он более чем, наверняка, знал, что я ему дам золотой и был к этому подготовлен, а иначе бы не подошёл ко мне в ответ на мой вопрос. – Начал строить свою логическую цепочку Савл, пустившись в размышления. И как им выяснилось, то она совсем не коротка, как он мог подумать, и вслед за одним звеном следует другое. – А ещё раньше, он бы не завёл все эти возмутительные речи о без ценности всего земного и бесценности духа. Вот же чёрт! – ахнул про себя, передёрнувшись в лице Савл, вдруг обнаружив, какая игра значений и изменения смыслов фраз получается при употреблении одних и тех слов. – А много ещё раньше, он отправился в пустыню, чтобы познавать себя, и всё это, возможно, лишь для того, чтобы подойти ко мне и предоставить мне возможность переосмыслить свою жизнь вымогателя и кровопийцы. – Савл обомлел от такого своего понимания сделанного своего вывода насчёт отшельника.

– Не может быть такого! – всё ему, сборщику податей, дорогое внутри Савла возмутилось и тут же осело под ударом другого вопрошания, исходящего от всего в нём бесценного,

дорогого его человеческому я. – А может, может? – Здесь Савлу понадобилась передышка и он зажмурил изо всех сил свои глаза. После чего он, резко их открыв, по новому посмотрел перед собой, но там ничего не изменилось, и перед ним всё по прежнему стоял этот странный человек, с его золотым в руках и улыбкой на своих устах. – Да чего он меня собственно хочет? – спросил себя Савл и к своему потрясению, как будто услышал ответ, незримо прозвучавший в устах этого отшельника. – Чтобы ты через меня познал себя, а познав себя, смог познать меня.

– Да кто ты, собственно, такой?! – опять всё возмутилось в Савле.

– А это тебе решать. – Последовал ответ. – С позиции выгоды или без неё. – На что Савл поспешно хотел уже было задаться вопросом: «Это как?», но на подходе к этому вопросу он вдруг понял, на какой вопрос он должен ответить, чтобы решить для себя этот вопрос своего понимания: пророк он или лжепророк? – И Савл со всей своей расчётливой обстоятельностью взялся за фигуральные весы, которые всегда с ним, и принялся за своё взвешивание. – Если он пророк, – начал размышлять Савл, – то он определённо предвидел этот мой поступок и заготовил для меня такой ответ, что мне, хочешь, не хочешь, а придётся расстаться с золотым. И я ещё ему скажу спасибо за то, что он с меня взял только один золотой, а не больше, как он бы спокойно мог. Нет, этот вариант мне не выгоден. – Подвёл итог Савл, никогда не выпускающий из своей крепкой хватки и меньшего достатка. – А если он лжепророк, то тогда он полностью в моей власти и вряд ли что может мне противопоставить, когда на моей стороне закон, сила и вся власть. И получается, что этот вариант мне больше выгоден. – Рассудил Савл. И он хотел было уже остановиться на этом, полностью его устраивавшем варианте, но что-то ему не даёт во всём этом деле и виде человека в лохмотьях покоя, и он никак не может на это решиться. И он со злостью вопрошает себя: Но тогда чего он добивается?! И так ли мой выбор верен?

– Только не обесцень себя. – Из откуда-то из неведомого, вдруг доносится до Савла голос, и Савл замирает в одном положении, глядя куда-то в неведомое пространство. И так до тех пор, пока отшельник, прокашлявшись, не приводит его в чувства. А как только Савл приходит в себя, то он его спрашивает: Так что ты решил?

– По поводу чего? – переспрашивает Савл.

– По поводу моего первого вопроса. – Говорит отшельник.

– И много будет вопросов? – спрашивает Савл.

– Для ровности счёта ровно дюжина. – Отвечает отшельник.

– А я значит, самый первый, кто должен отвечать? – спрашивает Савл.

– За большую отдачу и воздаётся по той же мере. – Туманно для мастера точности счёта и мерила веса, каким был Савл, отвечает отшельник.

– Тогда у меня к тебе последний вопрос. – Немного подумав, сказал Савл.

– Говори. – Говорит отшельник.

– А зачем тебе понадобился финик? – спрашивает Савл, вызвав радость на лице отшельника. – Ты, Савл, сумел отделить зёрна от плевел, сделав для себя верный выбор. – Говорит отшельник, затем раскрывает кулак с фиником и, сказав: «Я проголодался», закидывает его в рот и, глядя на Савла, начинает, улыбаясь, жевать.

– Я, пожалуй, присоединюсь к тебе. – После недолгого наблюдения за отшельником, с улыбкой говорит отшельнику Савл, закидывая в рот финик.

– Да, как бы ты не был крепко настроен на одиночество своего существования, а общественное начало берёт своё. – Повторил я чей-то, а может быть и свой тезис, закрывая книгу комментариев и интерполяций к первоисточнику обветшавших истин. После чего объёмным зрением посмотрел на своё одинокое положение в этом мире, – на свои географические частности, голые стены и полы квартиры, я уже насмотрелся до осточертения, – и давно уже догадавшись, что и мне никуда не деться от самого себя, хоть отчасти требующего общения, начал понемногу собираться на выход из квартиры, навстречу человеческому общению.

Ну а когда человек относительно долго находится в одиноком состоянии, то на него, кроме, конечно, всех касающихся законов физического воздействия, плюс супер гравитация, в своём приоритете начинают действовать, так называемые, законы подлости, или кому больше нравится, близко стоящие к его сущности закономерности. И первое, что сразу вдруг человеком выясняется, так это то, что эти законы, как оказываются, стоят на защите общества, в противопоставлении к которому, ты вышел со своим одиночеством. А всё дело в том, что закон подлости в воздействии на тебя выбирает коллективный подход. И как говорится в простонародье, пришла беда, то есть на твой счёт включено судебное делопроизводство, открывай ворота. И теперь только и успевай подставлять свой лоб для летящих со всех сторон неприятностей.

– Кредит, конечно, я взял не сегодня и не вчера, – взявшись за инвентаризацию навалившихся на меня проблем со времени моего, если не судьбоносного, то определённо изменившегося моё расписание жизни, разговора со своим отныне бывшим начальником, Валерианом Никифоровичем, принялся рассуждать я, – но особенно себя прочувствовать он дал мне сейчас, когда я потерял основной источник своих доходов. И что теперь? Продавать купленную в кредит машину? – задался я глупым вопросом, на который имелся свой, более разумный ответ. – Да кто же её купит, если она взяла и сломалась. А вот это уже определённо знак. – Всё отлично понял я за коллективную составляющую, начавших действовать на меня законов подлости, которые только на начальном этапе никогда не понимаются, к чему они попавшего под их действие ведут. А уж только потом и никак не раньше, как только ты намыкаешься, набьёшь шишек и временами наплачешься, то тогда ты поймёшь, в каких целях была проведена эта воспитательная работа с тобой – вернись к своим корням, своему социуму, и попроси у него или части его о помощи. И оно никогда тебя не проигнорирует и хотя бы тем же советом: «Сам заварил эту кашу, сам и расхлёбывай», тебе поможет.

Ну а я, как только машина так непредсказуемо для меня, но вполне отвечающе сложившемуся моменту себя повела, и не заметил, как вышел из себя, а затем из машины, с чем меня сигналами клаксона поздравили пролетающие мимо автомобили. А всё дело в том, что это произошло со мной на оживлённой автомобилями автостраде, по которой я даже не спешил, а спокойно себе ехал с работы, после знакового разговора с Валерианом Никифоровичем.

И я, ещё садясь в автомобиль, как сейчас, но не тогда помню, усмехнулся: ну а теперь для полного комплекта не хватало, чтобы автомобиль в дороге сломался. – Вот такой я не бывалый оптимист на счёт себя. – Как опять сейчас помню, засмеялся я, вставляя ключ зажигания. А ведь эта моя заявка на собственный оптимизм и была первым основанием для начала действий в отношении меня, а точнее, против меня, всех этих законов, даже не подлости, а неизбежности.

Хотя, по мне так, это несколько спорно, и как я думаю, то всё началось несколько раньше, когда я решил пострадать за правду, а на самом деле, сам того не понимая, выступил инструментом для озвучивания принципа Питера, действующего в коллективной связке с этим подлым законом. В канонической форме он звучит так: «В иерархической системе любой работник поднимается до уровня своей некомпетентности», тогда как я его озвучил более всем понятным языком: «Вы, Валериан Никифорович, дурак дураком». И как какой-то первооткрыватель, который идёт против общего мнения, как тот же Джордано Бруно, со своими мыслями о строении вселенной, – а я коснулся своим вниманием, а если точнее, то подверг сомнению не менее сложную конструкцию, принцип построения иерархической вертикали власти, – стал гоним и должен был пострадать.

Когда же я записал себя в оптимисты, то там, наверху, как будто услышали это моё пожелание и немедленно его реализовали на практике. Наверное, у них в этом момент образовалось окно незанятости, а так от них никогда не дождёшься ответа, когда очень просишь для себя крайне необходимого. В общем, работают по остаточному принципу, подбрасывая время от времени то, что ни кому и даром не нужно.

И вот когда я с разведёнными руками (за голову я уже нахватался) от непонимания того, как так можно со мной поступать и почему именно сейчас, оказался перед фактом своей избранности судьбой злодейкой, то я ничего лучшего не придумал, – а как сейчас я это понимаю, всё это было закономерно, – как начать выплёскивать всю свою злость на не могущей мне ответить машине. Но как оказывается, и в этом я заблуждался, и мой автомобиль так мне ответил, что я до сих пор хромаю. В общем, я захотел со всей силы пнуть по колесу автомобиля, – оно помягче и не оставляет на себе вмятин, – ну и не рассчитал удара, а может автомобиль применил против меня один из принципов дзюдо: «Поддаться, чтобы победить», и как результат, я прыгаю на одной ноге вокруг автомобиля, а проезжающие мимо автомобили с неравнодушными гражданами в них, подбадривают меня всё тем же способом, сигналами клаксонов.

И теперь понятно, что мне уже не до автомобиля, когда самому требуется медицинская помощь. И я вызываю эвакуатор для автомобиля и такси для себя, которое и доставляет меня в приёмное отделение одного из ближайших травпунктов, где как я, сидя в очереди, понял, всегда полно народу, шумно и временами страшно смотреть на что способен человек и его организм, испытывающий на себе невероятные фантазии своего обладателя.

Но вот очередь доходит и до меня, и меня на пороге приёмной встречает жизнерадостного и массивного вида врач, которому смешно на меня смотреть, а может быть, он, таким образом, подбадривает нас, людей, споткнувшихся на своей судьбоносной подножке. И не успел я переступить порог, как он уже за мной всё подмечает. – Цвет лица хороший. – Говорит доктор Бублик, как написано на его халате. – А это уже внушает оптимизм. – Расплывается в улыбке он. А я бы ему сказал, что как раз причиной моего здесь появления, стал мой чрезмерный оптимизм насчёт себя, но не сказал.

А всё потому, что догадывался, что врачи не сильно любят, когда к ним в руки попадают большие умники, которые начитались в интернетах всего что только можно о болезнях, а теперь подвергают сомнению все действия врача. И врач, испытывая крайне противоречивые чувства по отношению к этому всё знающему пациенту, – с одной стороны он давал клятву Гиппократу и обязан оказывать врачебную помощь своему ближнему, а с другой стороны, ему прибить хочется этого умника, – вынужден идти на крайне болезненный для пациента шаг. Он так делает больно этому не закрывающему свой рот пациенту, что тот прикусывает свой язык от боли, ну а дальше лечение идёт в полной тишине и как по маслу.

Ну а мне плюс ко всем моим неприятностям, растущим, как снежный ком, ещё прокусанного языка не хватало. Вот я благоразумно и молчу в ответ на все действия доктора Бублика. Хотя во мне всё порывается его спросить о его фамилии: Не часто ли у вас интересуются о сложности ношения такой хлебобулочной фамилии? – Но ответ на этот мой вопрос, пожалуй, предсказуем. Доктор Бублик многозначительно улыбнётся и скажет медсестре: «Верочка, с обезболивающим не торопитесь. Здесь не сложный случай. И наш пациент потерпит. Тем более ему некуда деваться», заржёт доктор Бублик, доставая, только от одного вида хочется потерять сознание, что за страшный инструмент.

Но как всегда бывает в таких случаях, когда на тебя ополчился весь мир, так тебе кажется, а на самом деле ты попал в ту полосу, ещё называемой чёрной, где по отношению к тебе действуют все эти законы подлости, то если ты не задаёшься вопросами, то вопросами задаются к тебе. И доктор Бублик, видя мой хмурый и неразговорчивый характер, где я только тупо взглядом реагирую на его пожелания мне помощи, начинает мне задавать вопросы: «Какими судьбами? Паркурщик что ли? Так ты и головой ещё что ли стукнулся, если ничего не понимаешь?». Но не получив на них ответа, решает изменить ко мне подход.

– Я вижу, что тебе прямо-таки необходимо посетить мои курсы по после травматической, психологической реабилитации. А она тебе, несомненно, необходима. – Говорит он, вызвав у меня некоторую заинтересованность своей заботой. – Там по выходу из приёмной висит стенд, – добавляет доктор Бублик, – на нём можешь ознакомиться со всей информацией. –

Да у меня вроде случай лёгкий. – На этот раз я уже не имел права смолчать (к чему это он всё клонит?) и ответил ему. Ну а доктор Бублик делает незаинтересованный вид и говорит мне. – Я ни коим образом не настаиваю на этом и не давлю, хотя вы тем самым оказали бы мне неоценимую услугу в деле моего повышения уровня понимания пациентов, – мне край нужна практика по психологии, – и это дело добровольное, – здесь доктор Бублик приближается ко мне в плотную и шепотом добавляет самое важное, что, по его мнению, убедит меня прийти на его курсы. – А вы знаете, что пациенты, замеченные мною в употреблении спиртосодержащих жидкостей, могут и не рассчитывать на больничный? – спрашивает меня доктор Бублик.

А я и возразить толком ничего не могу на эту его каверзу. Ведь только ему в итоге решать, чему верить: тому, что я в профилактических целях и для обезболивания влил в себя некоторое количество спиртосодержащей жидкости, – а это, между прочим, позволило ему с экономить на своих обезболивающих, – или же я вначале усугубил, а затем уже подпал под воздействие этого своего усугубления.

– Я приду. И не потому, что вы меня к этому принуждаете, а потому, что вы меня в этом заинтересовали. – Еле ворочая языком, сказал я, чувствуя, что перестарался по дороге сюда в такси с обезболивающим.

– Вы с порога мне понравились. – Сказал доктор Бублик. – И я, увидев вас, сразу себе сказал: вот кто не откажется от моего приглашения на лекцию, а всё потому, что он сразу поймёт, что она ему нужна. – А я дурак вдруг расчувствовался, – однозначно с обезболивающим переборщил, вот оно и начало так предсказуемо действовать, – и сам того не заметил, как задал тот самый, провоцирующий доктора Бублика на категоричность его отношения к пациенту вопрос. – А зачем вам всё это? – предваряя свой главный вопрос, спрашиваю я доктора Бублика.

– На одной улыбке, как оказывается, не уйдёшь от всего этого. – Кивает мне на ногу доктор Бублик. – И мне необходима психологическая разрядка, которую и дают мне эти курсы. – Говорит доктор Бублик. – Так вон оно что! – всё за этого прижималу и жмота понял я. – За посещение психиатра платить не хочет, а решил сам организовать такие курсы, чтобы и самому психологически восстановиться и не удивлюсь, что он захочет на этом заработать, в конце занятия объявив, что только первое занятие бесплатно. А мы, добровольно-принудительно загнанные на его курсы пациенты, все со своими сложными и ноющими проблемами во всех костях и даже у некоторых они отсутствовали в голове, и плюнули бы на этот развод, но доктор Бублик, как выясняется, предусмотрительный гад. И он подошёл к этому делу не как дилетант, а он всё продумал и предусмотрел, в том числе наше не желание растрачивать себя и содержимое своих кошельков на весь курс лекций, и для совместного ведения привлёк к этому делу настоящего психолога и заодно сногшибательную докторшу психологических и философских наук, Домникию Ивановну. А уж на Домникию Ивановну без слюноотделения и его сглатывания не посмотришь, а она этим вовсю свою Ивановскую породу пользуется, будучи с доктором Бубликом заодно, чей курс введения в психологию, после встречи с Домникией Ивановной, пользуется у всех её видевших неизменным успехом.

И тут для меня и доктора Бублика настаёт момент истины. – А вам ваша фамилия не доставляет неудобства? – спрашиваю я его. И как выясняется, то нет. – Скорей моему пациенту, – со знанием дела говорит доктор Бублик, – когда представляешь одно, при виде фамилии на дверях кабинета, а когда заходишь внутрь, видишь такое противоречие, что не всегда с собой справляешься. И приходится вправлять челюсть особенно впечатлительным пациентам. – И на этом всё, мой приём закончился.

И вот я иду на эту лекцию, и не потому, что доктор Бублик, таким образом, меня убедил, а потому, что мне будет полезно подышать свежим воздухом и общение с людьми не будет лишним; и уже на последнем месте стоит следующий приём у доктора Бублика для перевязки моего растяжения. Правда подышать свежим воздухом мне удаётся только из кабины такси,

которое меня довозит до клиники, затем я всё больше отдышиваюсь, упираясь на палочку во время своего движения до входных дверей, после меня не гостеприимно ждут лестничные проёмы, которые я обманул, на первом же этаже свернув в сторону лифта. А там уже легче и на самом высоком этаже, мне осталось выйти и преодолеть по коридору расстояние разделявшее лифт и обозначенный кабинет. Где уже народу было под завязку. И аудитория так полнѐхонько набилась теми, кто не первый раз пришѐл на лекцию, а так сказать, был в курсе того, кто кроме доктора Бублика здесь будет присутствовать – вот они заблаговременно и позанимались все самые первые места, чтобы быть ближе к Домникие Ивановне.

Но так как я не был в курсе существования Домникии Ивановны, то я удивился такой наполненности аудитории, по тому же своему незнанию отдав должное организаторским способностям доктора Бублика, всего вероятнее обладающего не только даром убеждения, но и ораторским талантом, раз народ так и валит на его лекции. И только тогда, когда я увидел Домникию Ивановну, я понял, до чего же коварен и изобретателен этот доктор Бублик, сумевший так всех нас провести. И я даже сгоряча задался было глупым вопросом:

– И зачем тогда спрашивается, доктору Бублику нужно организовывать все эти курсы, когда одной Домникии Ивановны достаточно, для психологической разгрузки? – Но быстро проанализировав все действия доктора Бублика, понял, что он не мог поступить иначе, когда он так отъявленно корыстен, да и Домникия Ивановна, при её красоте, требует больших в неё вложений. Что при одном окладе доктора Бублика, чрезвычайно затратное дело. Вот и приходится ему пускаться в разные схемы, чтобы Домникия Ивановна была всегда довольна и не попрекала его не возможностью осуществить все её желания.

– И тогда получается, что доктор Бублик не такая уж и корыстная сволочь. – Рассудил я. – И у него для всего этого своего поведения есть все основания. – Вот такому, безответному выводу я пришѐл, когда Домникия Ивановна явилась пред нами всеми, но каждому казалось, что она предстала только перед ним – умеет Домникия Ивановна эффектно себя подать и оказать психологическое воздействие на аудиторию. А ведь ещё пять минут назад, до её прихода, аудиторией называлось только само помещение, а теперь вся её внутренняя составляющая, состоящая из людей, обмерев при виде неё, трансформировалась и уже сама стала неотделимой частью этого помещения. И теперь Домникия Ивановна может полностью располагать ею и делать с ней всё, что только захочет.

Но до этого ещё время не пришло и я, ничего такого не подозревая, занимаю самое дальнее место в аудитории, чтобы мне ничего не мешало слушать лекцию. А слушать я люблю, склонивши голову к себе на руки и непременно при этом с закрытыми глазами. Что я немедленно проделал, как только удобно устроился, а вслед за этим и не заметил, как увлѐкся слушанием этого особенного фона, который возникает в таких местах при скоплении в них людей, жаждущих знаний, и прохлопал появление доктора Бублика со своей со ведущей.

А так как я не ожидал от доктора Бублика такой предприимчивости с Домникией Ивановной, и как в итоге мной выяснится, коварности, то я не стал отрывать голову от парты и продолжил присутствовать и слушать лекцию в таком, наиболее для себя удобном положении.

А доктор Бублик, между тем, не тушуетя и своего рода проявляет ораторский талант, вызывая у меня заинтересованность.

– Не буду долго вас мучить и сразу приступлю к делу. – Заявляет доктор Бублик и тут же всех нас интригует своим вопросом. – А теперь вопрос, а вернее два вопроса. – Говорит доктор Бублик. – По какому медицинскому профилю работает сказавший это врач, и какой ваш прогноз за лечение? – задаѐт вопрос доктор Бублик, и я погружаюсь в размышления, в поисках ответа на его вопросы. Но мне не удалось далеко углубиться в свои размышления, а всё потому, что со стороны трибуны, где всего вероятней находился доктор Бублик, вновь донѐлся его голос.

– Эти вопросы не требуют немедленного ответа, вы ответ на них дадите в конце лекции, а сейчас вопрос на смекалку. – Говорит доктор Бублик, затем, как я понимаю, выдерживает паузу и озвучивает свой вопрос на смекалку. – А теперь недолго думая, назовите самый страшный вопрос, который может прозвучать в устах вашего лечащего врача. – И не успел я обратиться к памяти, а туда в основном обращаются за ответами на возникшие вопросы (здесь, конечно, не без своих претендентов на оригинальность, и кто-то ищет ответы на все вопросы на потолке, кто-то выковыряв из носа его содержимое, пытается высмотреть в этой субстанции нужные для себя ответы, а кто-то погружает себя на дно бутылки, чтобы уже там отыскать для себя всё, что нужно), как заёрзали задницы, теребя стулья, а вслед за этим зашумели ответы.

– У вас родственники есть? – кричит свой вопрос, судя по кряхтящему голосу, человек таких возрастов, что ответ на этот его вопрос есть констатация факта и очевидность.

– А вы не видели моих кожаных перчаток? Вчера, перед вашей операцией положил их на стол, и они как будто испарились. – Озвучивает свои опасения с истеричным голосом какой-то нытик, а не совсем фаталист. Коим должен быть каждый пациент, с перспективами на своё выздоровление смотрящий. А этот тип явно не из этой категории отважных людей, коих не только потерей хирургом перчаток не испугаешь, да у них такое крепкое пищеварение, что забудь хирург в их желудке свою шляпу, то они, несмотря на свою язву, если это надо будет хирургу, – друг выручай, жена дома съест, если я сегодня задержусь на повторную операцию и не пойду с ней в ресторан на ужин, – из одной только мужской солидарности переварят эту шляпу и не подавятся. – А этой своей стерве закажи сегодня креветок. – Пожмёт руку хирургу отважный, со шляпой внутри себя пациент, сделав это удивительное предложение.

– Зачем? – не совсем поняв, спрашивает его хирург.

– Это для меня. – С созерцательным видом скажет отважный пациент. И хирург по его виду всё понял, ему так легче будет переваривать шляпу. – Может к креветкам пива? – спрашивает отважного пациента хирург.

– Лучше водочки. – Причмокивая губами, мечтательно говорит отважный пациент. И хирург, несмотря на то, что собирался рекомендовать отважному пациенту полностью отказаться от злоупотребления крепкими напитками, на сегодня решает сделать для этого, отныне его любимого пациента, исключение. – Сколько? – спрашивает хирург, по себе зная, что в этом деле нужна чёткость и точный учёт. Отсутствие чего, всегда ведёт его к неожиданным последствиям. Ну а отважный пациент и сам придерживается таких же взглядов на крепкие напитки, что и хирург. Не зря что ли он заработал язву желудка, употребляя всё это дело на скорую руку, совсем без закуски.

– Для начала графинчик. – Мечтательно говорит отважный пациент, при виде которого у хирурга уже потекли слюнки. Уж больно он аппетитно делает заказ.

– Как вам будет угодно. – Заверяет хирург отважного пациента в том, что всё будет чин чинном и, уже не имея сил терпеть, бегом бросается на выход из палаты, затем из больницы и дальше на такси домой. Долетев же на всех порах к себе домой, хирург, как всполошенный врывается домой и что он там к своему потрясению видит. А видит он полную неготовность своей супруги. А ведь она всё утро его пилила, с требованием сегодня не задерживаться и быть во время, а то я тебя знаю, обязательно что-нибудь там забудешь, и опять мы с тобой никуда неходим. Но как сейчас хирургом выясняется, то она стерва, как верно заметил его любимый пациент, даже и не думала собираться, стоя в прихожей с одной сушкой во рту, которую она, причмокивая, посасывает.

– Да сла бы ты Саса по шоссе дальше, сосать свою сушку. – Хирург в сердцах хотел было уже махнуть рукой на свою супругу, но тут ему вспомнился его любимый пациент, который ради него там сейчас лежит и на сухую переваривает его шляпу, а эту стерву только одни свои заботы заботят. И хирургу так вдруг стало невыносимо больно и обидно за своего любимого пациента, что он... – Значит, вы ещё не готовы? – до обледенения холодным голосом спраши-

вает свою недалёковидную супругу хирург. Отчего она даже в ознобе поёжилась и, не понимая, что случилось, недовольно спрашивает его. – А в чём, собственно, дело?

– Тогда встречаемся в ресторане. – Сказал, как отрезал хирург, до сотрясения потолка и подкашивания в ногах своей супруги захлопывая дверь за собой. После чего супруга в полнейшей растерянности и недоумении садится на пуфик, пытается понять, что случилось такого и что ей теперь делать: ехать в ресторан или нет? И что-то ей крайне убедительно подсказывает внутри, что ей сегодня лучше со своим Колюней не спорить, он будет крайне жесток и требователен к ней в отстаивании своей точки зрения на неё, паскуду. И как сегодня же вечером выяснилось супругой хирурга, Колюни, то интуиция её не подвела. И как только она в спешке неприбранная в мыслях и одежде прибыла в ресторан, то с первого взгляда на Колюню, однозначно преуспевшего в деле наполнения себя храброй водой, она поняла, что сегодняшняя вечер будет для неё незабываем. А вот насчёт Колюни, у которого глаза в кучу и взгляд осоловелый, такого уже не скажешь.

И не успела супруга Колюни занять своё место за столом, – а повернуть назад она не успела, вдруг громко замеченная Колюней, в очередной раз потрясшего её основы стояния на ногах, выкрикнув на весь зал: «Чё встала лохудра, я здесь!», – как Колюня ввергает её в остолбенение очередным своим опусом. – А ты не знаешь, дорогая, где моя шляпа? – задаётся вопросом Колюня, уставившись мутным взглядом на шляпу своей супруги. А что в ответ может сказать дорогая Колюни, если она не знает и никогда этого не знала. При этом по интонации голоса Колюни она догадывается, что этот вопрос задан ей не просто так и он с глубоким подтекстом – Колюня преотлично знает, где его шляпа, но ему почему-то хочется, чтобы об этом знала и она.

– Я не знаю, Колюня. – Таким, до предательства жалобным голосом, совсем на себя не похожим, ответила дорогая Колюни, что ей самой стало жалко себя, так угнетённую, как оказывается, тираном и деспотом Колюней. А Колюню естественно такой её ответ не устраивает, и он до пробирания мурашками дорогую, так злобно на неё посмотрел, а затем ткнув в неё пальцем руки, и вовсе чуть не уронил её физически на пол (перед всеми вокруг сидящими гостями, он её уже давно уронил в их глазах). При этом дорогая Колюни и подумать не осмелится, сделать ему замечание: «Колюня, вы себя слишком вызывающе ведёте, так что не тычьте в меня своим пальцем», а что уж говорить о том, чтобы сказать ему что-то против. И дорогая Колюни замерла в страхе и ожидании того, что на её счёт решит Колюня.

А Колюня задумал вот чего. – Снимай шляпу. – Тонем не терпящим возражения, заявляет Колюня и его дорогая вынуждена подчиниться, снимая шляпу и вручая её в протянутую Колюней руку. После чего Колюня забывает о своей дорогой и полностью концентрирует своё внимание на её шляпе, которую он к очередному потрясению его дорогой, кладёт перед собой на тарелку, затем берёт в левую руку вилку, а в правую нож и начинает отрезать от неё кусочек за кусочком. – Да что ж это такое?! – округляя глаза и хватаясь руками за подбородок, чтобы в исступлении не закричать (а Колюня может в своём недовольстве этими шумами и кулаком это хлебало заткнуть – так он выражается в минуты своего бесконтрольного поведения), в голове дорогой Колюни всё мутится от этого представившегося ей фантазмагорического зрелища. Где Колюня, укрепив своё сознание полноценной рюмкой крепкого напитка, нанизав на вилку кусочек отрезанной шляпы, принялся ею закусывать.

– Чё смотришь, дура, присоединяйся, – вдруг заметив свою дорогую, обращается к ней Колюня. И его дорогая присоединяется, соскользнув с каблуков и с грохотом упав на пол.

– Да, этот вопрос не плох. – Сделал вывод я, прокрутив в своей голове этот видеоряд, сопроводивший озвученный ранее вопрос. Который между тем, был не самый последний и за ним следуют другие.

– Что-то ваше лицо мне кажется знакомым. Мы с вами ранее не встречались? – озвучивает свой вопрос следующий мозговитый слушатель, однозначно человек не публичный, но всеми фибрами души стремящийся к ней, параноик.

– Не кажется ли вам, что вы здесь подзадержались? И главное гад, совсем не намекает на выписку из палаты! – возмущается какой-то нервный тип, который после такого заявления своего лечащего врача, чуть в сердечном приступе не отъехал в другие области существования человека. И на этом доктор Бублик решил ограничить волеизъявление всех этих людей, так близко к сердцу принимающих всё сказанное врачами, которые быть может, ничего такого особенного на их счёт не имели, а их так неудачно интерпретировали. О чём, а именно о взаимопонимании между врачебным персоналом и пациентом, видимо и хотел сегодня поговорить доктор Бублик, и сам не раз из-за неверности своего понимания и не точной интерпретации им сказанного пациентом, становившийся участником разбирательств и скандалов.

Правда, сделал он это так неудачно, что своим призывным заявлением: «Может быть, на этом закончим?», непонятно к чему призывающим, смутил рассудки всех здесь присутствующих слушателей. А среди них люди всё больше знающие и не раз и не два в больницах лежащие, и они прекрасно понимают, что всё это значит. Они не раз становились свидетелями разведения в сторону рук доктора, которые сопровождалась вот таким заявлением.

– Может быть, на этом закончим... (а дальше на усмотрение врача и потрясённого такой расчётливостью и цинизмом врачей больного: лечение, бесполезную трату моего и вашего времени, спать с моей дочерью) – многозначительно говорит врач, хитро поглядывая на пациента исподлобья. Так что вполне объяснимо, что это заявление доктора Бублика, вызвало такой переполох в головах его слушателей, кроме разве что меня.

А всё по причине того, что меня между тем и у самого в голове вспомнился, а может и созрел такого рода вопрос, который бы я не хотел услышать в устах моего лечащего врача. И который бы он озвучил не во весь голос, а на стульчике придвинувшись ко мне лежащему на кровати и наклонившись к самому моему уху. – Прости меня, но я не понимаю, что происходит. – И спрашивается, как мне после такого откровения жить, когда даже моему лечащему врачу не хватает всей его медицинской квалификации и разумения, чтобы ответить на этот, как выясняется, летальный для меня вопрос.

– Пока ещё есть время, нужно подумать о хорошем. – Как правило, в такого рода неизбежных случаях, к такому волевому решению прибегаю я, и немедленно погружаюсь в это хорошее. А сегодня это хорошее для меня предстало в виде Рыжей, еле ковыляющей по тротуару навстречу мне, спотыкаясь и не раз находясь на грани падения с этих своих туфель на высоченных каблуках. Что, несомненно, меня повеселило, да так, что я и тогда, на назначенной мне ею встрече, не смог удержаться от улыбки на весь рот до самого её подхода ко мне.

Ну а Рыжая, всё это видя на моём лице, понимая, что злиться на это не имеет никакого смысла, виновато и немножко побито улыбается мне, отчего мне становится не совсем уютно находиться при своей радости, и говорит мне. – Да, да, я немного неловко и неуклюже выгляжу, – усмехается она, – но я рада, что смогла вызвать у вас улыбку. Но что поделаешь, если для нас такая обувь непривычна. Мы ведь привыкли носить удобную обувь, и наш подход к её выбору, руководствуется рациональностью.

– Тогда зачем было надевать эти туфли? – решил удивиться я, тогда как сам знал ответ на этот вопрос. Рыжая со своей стороны тоже догадывалась, что скрывается под этим моим вопросом, – моя крайняя насчёт себя и её самоуверенность, – ведь она, если кто-то не забыл, а я видимо запомнил, умеет читать мысли. А это я ещё вчера за неё так догадался. Так что она в момент с ориентировалась и нашла для меня подходящий ответ.

– Всё имеет своё значение и цель. – Воодушевляюще для меня начала говорить Рыжая. – И это только на первый взгляд, кажется, что эти туфли несут в себе только одну функцию, увеличивать объёмность и длину видов ног. – С чем я не мог не согласиться, и заодно удержаться

от того, чтобы в живую не удостовериться в этом. На что и времени потрачено было самое мгновение, – я, моргнув, покосился вниз, – но к своему удивлению, как только я отморгнулся, то навстречу мне уже летит от Рыжей вопрос. – Ну как, убедились?

Но я сохраняю невозмутимость своего взгляда на неё и с бесстрастным выражением лица и таким же голосом говорю ей. – Я полностью поддерживаю ваше предположение насчёт туфель. А что вы там ещё хотели о них сказать? – прищурился один глаз, спрашиваю я её. И Рыжая вынуждена вернуться к тому, с чего она начала. – Мастера по изготовлению туфель, при изготовлении их высотных платформ, стремились достичь сразу нескольких целей, одну из которых я уже обозначила, подчеркнуть красоту носительницы туфель. Также в них заложена возможность их применения, как смертельного оружия по отношению к посягателям на суверенность пребывания в них их носительницы, при необходимости они могут быть использованы в качестве сосуда для питья, и главная их функция заключается в том, что они придают рост даме. Но повышенный рост даме нужен совсем не для тех целей, о каких вы в первую очередь подумали. – Сделала оговорку Рыжая, в очередной раз подчеркнув для меня, как я отлично ею читаем. – Лучше уж помолчи в локоть, чем так меня разочаровывать. – Вот с таким посылом, Рыжая сдунула чёлку у себя, посмотрев на меня снисходительно.

– А всё дело в том, что во времена галантности, чего совершенно не наблюдается в современности, когда люди были все сплошь рыцари, они не боялись быть поднятыми на смех своими закосневшими в разврате и одичании от холостяцкой жизни, товарищами по оружию в виде кубка вина, и преклоняли в почтении голову перед дамами своего сердца. И этот ритуал не просто есть выражение почтения перед дамой, а в нём есть глубочайший смысл: он открывает избраннице сердца рыцаря врата к своему пониманию. Она по его затылку может многое для себя и для своего рыцаря прочесть и понять. – Рыжая перевела дух и продолжила. – Вот если посмотреть на свою или какую другую макушку головы, в центре схождения и одновременно разветвления волос, то создаётся такое ощущение, что перед нами предстаёт в фигуральном виде завихрённая в своё мироздание вселенная. А если перенести это вселенское завихрение ближе к человеку, то его можно обозначить, как вихрь мыслей человеческой вселенной, со своей бесконечной наполненностью и неизвестностью.

– И вот дамы, видя всё это, – Рыжая в этот момент так посмотрела на меня, как будто она действительно сейчас смотрела на представившийся на её усмотрение затылок (и я даже догадывался, на чью макушку она смотрела), – сами того не осознавая, попадают в орбиту притяжения этой вселенной, подспудно приходя к пониманию того, что включает в себя эта вселенная и что им ждать от неё. – Здесь Рыжая замолчала, с созерцательным видом смотря сквозь меня, в представившуюся ей вселенную. И я ей не мешал, ведь я догадывался о том, чья вселенная её затягивает, и шаг за шагом поглощает. А я человек открытый для людей ко мне внимательных, так что пусть сколько влезет смотрят на меня.

Правда, когда всё это дело стало затягиваться, а я вдруг подумал, что и сам себя ещё толком не знаю, а там во мне, как и во всякой вселенной, вполне возможно, что водятся чёрные дыры, – а они и затянуть в себя могут, и тогда как нам с Рыжей ужиться в одной вселенной, если мы ещё так мало друг о друге знаем; и что-то мне подсказывает, что она будет перетягивать на себя одеяло, а мне значит спать с открытыми ногами, – то я решил её потревожить и тем самым вывести из орбиты своего влияния.

– А хотите, я сам вам покажу свою макушку? – обращаюсь я к ней со своим вопросом, тем самым пробуждая Рыжую от своего углубления в свои мысли. Рыжая же, очнувшись, смотрит на меня и наконец, приходит к пониманию, где она находится, а затем уже до неё доходит смысл мною сказанного. – Нет, – отрицательно качает она головой, – тогда ничего не выйдет. Ведь ты будешь готов к этому, и твой мысленный вихрь соберётся в единую образность, и не будет представлять свободную волю.

– Тогда ... – но на этом всё и Рыжая не даёт мне возможности договорить и опомниться, вдруг резко выкинув руку и, положив мне её на макушку головы. А я от такой неожиданности и немного от испуга, даже слегка подогнулся в коленях и, обмерев в одном, очень для меня неудобном положении, уставившись на Рыжую, теперь старался не дышать, ощущая тепло от её ладони. И в таком до удивления со стороны положении, мы стоим и каждый о своём думаем. Хотя она, судя по её, что-то там в уме считающему виду, скорей всего, ничего не думала, представив это занятие для того, кто до этого момента мало думал, а сейчас уже никуда не денется, а придётся о себе и своём будущем подумать, когда о тебе решили подумать, то есть мне.

И вот я, скрючившись в самое для себя неудобное и как мне это видится со стороны, до смешливости неловкое положение, стою в упор близко, напротив Рыжей, которая благодаря своим туфлям и каблукам на них, теперь вровень ростом со мной и мы к приятности моих ощущений, лишь слегка не касаемся своим носами (и только от меня зависит, потрёмся мы носами или нет, а это моё всевластие несколько сглаживает неудобство моего положения) и, ощущая лёгкую теплоту её руки на мой макушке, скорее пребываю в самом себе, чем о чём-то думаю, как того может быть хотела рыжая. И за всем этим я, пожалуй, мог бы и уснуть, несмотря даже на всё это моё неудобство стояния, но тут, с прежней неожиданностью, Рыжая убирает руку и говорит мне:

– Всё, можете расслабиться. – А как спрашивается, я могу расслабиться, если я до этого момента уже находился в этом состоянии. И само собой, я не расслабляюсь, а наоборот, напрягаюсь, хоть и вытягиваюсь в нормальное положение. Откуда смотрю на Рыжую, и даже не сомневаюсь, что она от меня что-то важное для меня скрывает.

– И что вы там, во мне, увидели? – спрашиваю я её. А она так многозначительно, да ещё иронично улыбается и с таким интригующим на любопытство посылом говорит мне: «Много чего», что у меня ещё больше разыгрывается интерес к себе и к тому, что она там во мне увидела. – А что конкретно? – спрашиваю я её уже настойчиво. А ей бы хоть бы хны на моё волнение и заинтригованность. – Много будешь знать, скоро облысеешь. – Рыжая прямо-таки срезает своей дальновидностью и знаниями моих слабых мест. Отчего я чуть было, невольно не потянулся руками к своим волосам, чтобы удостовериться, что там всё на месте и не осыпалось, оголив один из участков моей головы. А всё дело в том, что меня в последнее время беспокоит прореживание моей головы после расчёсывания массажной расчёской, на которой к моему потрясению остаются волосы, тогда как их прямое место на голове.

– Да таким макаром я все свои волосы вычешу. – Ахнул я и, решив отложить в дальний ящик массажную расчёску, этот инструмент подавления во мне анархического духа (вызывающая вопросы причёска, как один из элементов этого духа), взялся за голову руками, которым с этого момента, только и позволено прикасаться к моей голове в плане поглаживания и расчёсывания. О чём выходит, Рыжая узнала, приложив к моей макушке свою руку – волосы обогреть теплотой и мягкостью её руки, которая им с первого прикосновения к ним пришлась по душе, естественно подпали под её обаяние и всё, всё, в жалостливой манере, о себе и обо мне ей рассказали (это чтобы она их пожалела и погладила). А она взяла и использовала эти знания против меня.

И я ей бы сказал, что я на всё это думаю, с крайней жестокостью посмотрев на её волосы, которыми она явно гордилась и всегда хвасталась, но не успел, так как она, сместив акценты в своей тональности голоса, обратилась ко мне. – Я вот что подумала, – так серьёзно она сказала, что мне немножко в себе испугалось от того, что она могла у себя там надумать. – Надеюсь, не ту глупость, – в один момент во мне всё в мыслях восстало, запустив свою логическую цепочку предположений, – которую я себе сейчас надумал:

«Мы не можем больше встречаться. – Скажет она мне без всякой надежды голосом.

– Но почему? – еле сдерживая в себе эмоции, спрошу я.

– Я дала слово другому. – Почему-то ожидаемо мной именно вот это скажет она, блеснув в глазах слезой.

– Это ещё кому и что ещё за слово? – возмущившись на такую глупость, на которую вечно попадают самые привлекательные героини рыцарских романов, сурово спрошу я её. – Ты его не знаешь, он из моего будущего. – Скажет печально Рыжая. Что меня ещё больше заводит: «Она что, решила его защитить, раз так о нём отзывается. Нет уж, мне нужно имя и адрес этого ловкача, да по подробней».

– Так что за слово? – спрашиваю я её для начала, чтобы так сказать, ослабить её контроль над именем того ловкача, а как только она забудется, то через неожиданный вопрос: «Не задумываясь, прямо сейчас говори, кого ты любишь?», выманить имя этого негодяя и похитителя её сердца. – А если она назовёт моё имя? – с потеплевшим сердцем спросил я себя. – Тогда знать имя того негодяя не обязательно. – Успокою я себя. Но сейчас я жду от неё ответа на другой свой вопрос.

– Я ему обещала не влюбляться в человека из прошлого. Ведь это неразумно. – С такой печалью это сказала она, что у меня в сердце затеплилась надежда, а в горле почему-то пересохло (наверное, тепло в сердце просушило горло). И я, прокашлявшись для смазки горла, исподлобья глядя на неё, спрашиваю её. – Так вы нарушили слово?

– Но ведь это неразумно. – Отвечает она и я счастлив, а имя того типа, кто всегда за расчётливые и разумные отношения, мне неинтересно, хотя я догадываюсь, как его звать: Наум Наумыч Разумович».

И я, вдохновленный этим своим разумием, смотрю на Рыжую, а она в ответ с укором качает головой, показывая мне, что всю эту требовательную к ней историю во мне прочитала, и ей хоть и приятны некоторые детали из представившегося мне разговора, но всё же я, по её мнению, слишком самонадеян и вопросительно требователен к ней. – Нет, не эту глупость. – Незримо, но мне доступно для понимания, озвучивает она свою мысль и добавляет. – Но ладно, я так уж и быть, тебя прощаю. А теперь слушай то, о чём я на самом деле подумала. Я всё-таки должна дать тебе некоторые подтверждения того, о чём я тебе говорила. – Уже вслух добавила она.

– Ты это о чём? – играю непонимающего я.

– Ты знаешь, о чём я. – Прищурившись, сказала она.

– А мне не нужны доказательства, – говорю я, – я вчера не мог долго заснуть, как ты того и добивалась, всё перематывая в голове нашу встречу, останавливаясь не по разу на самых волнующих и интересных моментах («На каких? – так и порывалась Рыжая спросить, но удержалась»), чтобы внимательно их рассмотреть.

– И что ты увидел? – всё-таки Рыжая не выдержала и спросила.

– Что я тебе могу полностью доверять. – Сказал я. Рыжая внимательно смотрит на меня и после небольшой паузы спрашивает. – А ты справишься? Ведь быть в чём-то уверенным, а тем более в человеке, это ой как не простая задача.

– Вот как. А что-то об этом не подумал. – Деланно озадачился я, опять начав тербить свой затылок, в результате чего меня осенила истина: так я сам, таким образом, вычёсываю из себя волосы! – Надо немедленно это прекратить! – мгновенно среагировал я, убрав от затылка руки и, успокоив Рыжую. – Я постараюсь.

– А вот в это я верю. – Улыбнулась она. – Ну а теперь моя очередь сводить тебя куда-нибудь, ведь у меня перед тобой должок. – Откинув головой назад волосы, сказала она и так на меня многозначительно посмотрела, что мне было впору задуматься о том, на что это она намекает. Но отвлечённый этим манёвром её волос, я не придал особого значения этому её предложению с дальним посылом, – хочет меня отблагодарить за эту красоту на своей голове, – и дал ей своё согласие. – Идёт. – Говорю я ей. – Но ей видимо хочется видеть меня заинтригованным, и она, прищурившись, спрашивает меня. – И не спрашиваешь, куда?

– С тобой куда угодно. – Несколько самонадеянно и развязно отвечаю я.

– А не страшно, зная какая я мстительная натура? – спрашивает она, делая вид, что она на самом деле такая. А я вот что-то в этом совсем не уверен, и я скорее склонен поверить всему тому, чего она про себя наговорила, – то, что она имеет некоторое отношение к будущему, – в чём я ей и признался, чем этому её наговору на себя. Хотя, как мне помнится, она это логично обосновывала. – Что-то мне подсказывает, что это не её слова, а за этим её насчёт себя мнением стоял и в этом её убедил, чтобы, так сказать, она держалась в этих ограничениях и была под контролем, хитрейший из людей будущего, Наум Наумыч Разумович. – Осенила меня очень верная догадка.

Между тем Рыжая ждёт ответа и я его ей даю. – Немного.

– Осторожным быть разумно. – Усмехается она и, повернувшись в обратную от меня сторону, откуда она, в общем, и пришла, – мы стояли, если не посредине тополиной аллеи, то в одной из её частей, рядом с одной из ряда лавочек, которыми украшаются такого рода аллеи, – начинает с осторожностью набирать ход. А я, догадавшись, под чьим влиянием она это сказала, – сумел же этот Наум Наумович так заморочить ей голову, – выдвигаюсь вслед за ней.

И не прошли мы... скажем так, двух переходов от одной лавочки до следующей, как я понял, насколько я был недалёковидным простаком, не придававшему значение сквозившему в словах Рыжей предупреждению. Она ведь ясно дала мне понять, что от неё можно ожидать всякой неожиданности, а я почему-то не поверил и счёл это за игру слов, шутку. И как сейчас же выяснилось, то зря.

Так на нашем пути, расположившись на одной из лавочек, явно не случайно, а как было задумано, а может и того больше, заготовлено Рыжей, чтобы так сказать, убедиться на мой счёт в чём-то своём и соответствии её ожиданиям (а вот какие были эти ожидания, то это большой секрет), оказалась задумчиво смотрящая на нас компания, всё сплошь состоящая из парней мускулистого вида. И совсем не трудно мне было догадаться, о чём они все до единого и каждый в отдельности думали, глядя на нас с Рыжей. Где на рыжую было любо дорого посмотреть, тогда как на меня совсем не так – вот они и смотрели на меня именно так. И как мне кажется даже очень не так. И скорей всего, стоит только мне каким-нибудь образом дать им повод вмешаться, – да хотя бы споткнуться на ровном месте, – то они и задумываться не будут, а сразу перегордят мне путь, и вон тот здоровый лоб, с татуированными плечами, ещё раз окинет меня презрительным взглядом сверху и так досадно для меня усмехнётся и обратится по поводу моей никчёмности к своим корешам.

– А не кажется вам, парни, что кто-то замахнулся на не подъёмное для себя. – Даже не вопросительно, а утверждающе заявит этот лоб с татуировками. И, конечно, всем этим парням это кажется.

– И что будем делать? – так, для проформы, вопрошает этот тип, когда на самом деле он знает, что делать, – вдарить мне, как следует, сверху своим кулаком-молотом и всё, – в общем, обманщик и совсем неподходящий для Рыжей человек.

И он бы немедленно приступил к реализации своего плана по моему укрощению, если бы в их компании у него не было конкурентов, а в частности, не менее бронебойно выглядящий тип, гориллообразной наружности, выступивший с более щадящим для меня предложением (но для типа с татуировками это был вызов).

– Сдаётся мне, что мы тут и щелбаном обойдёмся. – Выдвигает своё предложение гориллообразный тип, демонстративно для всех разминая пальцы на своей руке, от вида которых мне уже стало темно в глазах. Тип в татуировках, однозначно восприняв эти показательные пальцевые движения гориллообразного типа, как вызов его авторитету, напрямую не идёт на обострение конфликта, а действует умно, используя меня.

– Мне, кажется, что мы должны дать шанс этому охламону. – Указывая на меня, говорит тип в татуировках.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает его соперник.

– Пусть он первый поставит тебе щелбан. – Озвучивает своё предложение тип в татуировках. Гориллообразный тип бросает на меня взгляд и, вроде не заметив во мне ничего скрытного, что могло бы его неприятно удивить, сбитого с ног щелбаном, даёт своё согласие. Но у меня, как вдруг мной выяснилось, есть чем его и неожиданно себя удивить. У меня во внутреннем кармане пиджака, как мной сейчас обнаруживается, находится молоток. Но его вид в моих руках только вызывает смех у всей этой компании и особенно у этого гориллообразного типа, как сейчас выясняется, зовущегося в этой компании Лбом (домашние, скорей всего, его так не звали).

– Ну, Лоб, держись. – Принялись закатываться от смеха приятели Лба, указывая на молоток в моих руках, вынудив меня с подозрением посмотреть на молоток и даже рукой пощупать его на предмет настоящего. Лоб же отсмеявшись, приближается ко мне и, уперевшись взглядом в меня, до печёнок пронизывающим голосом говорит. – Смотри не промахнись. – Что вызывает новый всплеск веселья у остальной компании, тогда как мы со Лбом остаёмся серьёзными. – И ещё одно, – добавляет он, – знай, что это только укрепит мою уверенность добиться своего. – И так жутко на меня с молотком в руках смотрит, что мне становится жалко молоток, а затем самого себя, чья судьба уже predetermined в глазах Лба – я займу место выбитой ручки молотка; и он все свои силы приложит, чтобы меня вбить вместо ручки в его голову.

И так бы вскоре случилось, но тут к нашей со Любом полной неожиданности, между нами влезает Рыжая, и в один незаметный для меня момент перехватывает у меня из рук молоток. После чего она с такой безжалостной целеустремлённостью смотрит в глаза Лба, что он не выдерживает и, дрогнув, идёт на попятную.

– На держи! – возвращает мне молоток Рыжая и, усмехнувшись, со словами: «Наша сила в слабости», идёт дальше. А я значит, вслед за ней. Когда же мы минуем эту мускулистую компанию, так и не нашедшую подходящее слово, чтобы зацепив меня, остановить (что поделать, со словами у них большой напруг), а я не собирался им помогать и не дал повода, то я говорю Рыжей, как мне думается, внимательно за мной следившей и анализирувавшей каждый мой, совсем чуть, чуть сбивающийся шаг. – Они оттого привлекают к себе внимание, что такие как они, не обыденность, а не часто встречающаяся достижимость. И если бы все так мускулисто выглядели, то никто бы этого не замечал. А так как природой в нас такое развитие, изначально, как данность не заложена, то нужно попытаться в спортзалах, чтобы добиться такого результата. Вот парни и стараются, чтобы выделиться из толпы. – Рыжая на этом месте останавливается, поворачивается ко мне лицом, демонстративно обдаёт меня взглядом и говорит. – Интересное обоснование своей не компетенции в физическом плане, а простыми словами, хилости.

– Ну, не такой уж я и дохляк. – Сказал я, немного раздасованный её не объективностью. Правда я понимаю, почему она так рассудила – всё из-за этих качков, относительно которых я не так предпочтительно выглядел. – А, впрочем, у каждого есть свои отличительные характеристики. И я такой, какой есть. – Утверждающе заявляю я. А вот это моё указание на отличительные особенности человека, вызывает заинтересованность у Рыжей. – Вот как, – говорит она, вслед задав свой вопрос, – и какие у меня?

Я же, честно сказать, уже давно за ней заметил некоторые отличительные особенности, но я этого ей не скажу сейчас и даже вида не покажу. А я изучающе на неё посмотрел, – а она видно волнуется, вдруг я что-то такое в ней сейчас усмотрю, что она перед зеркалом столько времени пыталась спрятать, тот же прыщ, и, не делая ей поблажки, укажу на него: «У тебя прыщ!», – и как будто только сейчас заметил, кивая в сторону её уха, говорю. – Твоя серёжка.

– А что в ней не так? – рефлекторно ухватившись рукой за мочку уха и серёжку на ней, спросила она.

– Она одна. – Говорю я. – И своей асимметрией невольно привлекает к тебе внимание встреченных тобой на пути людей. Ведь мир создан и живёт в симметрии, а всякое отклонение от неё, как в твоём случае, не может не привлечь внимания.

– А ты, я смотрю, приметливый. – Сказала она. – Надо с тобой быть начеку. – Добавила она. – А мне больше нравится фраза «глаз да глаз за тобой нужен». – Не могу сдержаться я.

– И чем она лучше? – спрашивает Рыжая.

– Всегда буду в поле зрения твоих глаз. Разве это плохо? – со всем вниманием к ней сказал я.

– Ладно, посмотрим. – Усмехнулась она, выдвинувшись дальше. Но я её посыл отлично понял (зря что ли она наделила меня этим своим пониманием, да налаженную прямую связь между нами не нужно сбрасывать со счетов) – будет не только смотреть на меня, как миленькая, а будет к тому же присматривать за мной.

– Ну так ты идёшь? – до меня доносится голос Рыжей, уже достаточно ушедшей от меня, задумавшегося над её словами, а может решившего удостовериться на практике, как она держит слово. И как выясняется, то я был на сто процентов прав, когда сделал предположение, что она будет за мной присматривать – вон стоит, обернувшись ко мне, и нетерпеливо смотрит на меня. – Иду! – откликаюсь я и скорым шагом следую к ней. Она же не дожидается меня и, повернувшись, следует дальше. Ну а я сразу сообразил, что она хочет поиграть со мной в игру под названием передача мыслей на расстоянии. И я, сократив с ней расстояние до трёх, четырёх метров, перейдя на шаг, пошёл вслед за ней шаг в шаг.

Ну а Рыжая, как мне, смотрящему ей в спину, увиделось, вначале не сообразила, почему я там так долго её догнать не могу, хотя сама и подбила меня на эту игру, и оттого напряглась в спине, так и порываясь оглянуться назад. Но она уже раз оборачивалась назад и второй раз она этого не может себе позволить (почему, то кто знает, откуда берутся все эти предубеждения и суеверия). Так что она идёт и пытается сообразить, где я и что я там задумал. А так как я это сумел по ней прочесть, то одно очко в свой адрес я могу без сожаления записать.

Впрочем, Рыжая быстро собирается со своим разумением насчёт меня и начинает прислушиваться к исходящим из-за её спины звукам – она стала мягче вступать на землю, что в её случае было делом весьма нелёгким. А оттуда, как бы я вслед за ней мягко не начал вступать на асфальт, всё равно какие-то звуки да доносятся. Что Рыжей легко считывается, – вон какие у неё большие локаторы в виде ушей по бокам, – и она, коварно улынувшись (не знаю, как я это смог прочесть по её спине, но у меня не было никакого сомнения в том, что она именно вот так сейчас улынулась), принялась разрабатывать план, как меня сбить с прямого пути.

– Значит, предпочитаете заходить к девушке с тылу? – с провокационнейшего вопроса начала своё наступление на меня Рыжая, чуть не сбив у меня дыхание от возмущения. Но я вынужден признать, что я нахожусь не в том пространственном положении, чтобы отрицать очевидность. – Я не вижу в этом ничего плохого. А вам и вовсе грех жаловаться. – Защищаюсь я.

– Это вы про что? – спрашивает Рыжая.

– Оказаться на вашем месте, посчитала бы за счастье любая девушка, кто со своими тылами заодно. – Как-то уж совсем заговорился я. Что немедленно было замечено Рыжей, посчитавшей, что я себе слишком много позволяю. – А вот вы и раскрыли своё истинное лицо похабника, которое вы тщательно скрывали от меня. Но всё тайное всегда становится явным, и чему как раз и способствует вот такое скрытное поведение в тылах. Ты думаешь, что тебя из-за спины никто не видит и начинаешь позволять себе такое, что никогда бы не позволил на людях, и это как раз и выдаёт тебя, похабника, со всеми твоими потрохами. – Тут Рыжая резко останавливается и, развернувшись ко мне, задаёт вопрос: Верно, я говорю?

Я же, чуть не наткнувшись на неё, всё же сообразил не соглашаться с ней, к тому же и соглашаться не с чем было, и говорю: Нет.

– А вот это мы сейчас же и выясним. – Таким тоном, как будто мне есть что-то скрывать и я это тщательно скрываю, а она всё равно обо мне это знает и даже больше, говорит мне Рыжая. После чего переводит свой взгляд чуть в сторону от меня и говорит: «Нам туда». Я перевожу свой взгляд по направлению её взгляда и вижу прежде всего самое обыкновенное здание, а затем вывеску предваряющую вход в помещение на первом этаже, отведённое под разного рода предпринимательскую деятельность. И в нашем случае, предприимчивость этих людей не знала границ и их деятельность, судя по вывеске, где на тебя смотрел ствол револьвера, а из него бездонная дисперсия ока, с названием «Окольт», была связана чёрт те знает с чем. Но у меня были свои предположения – с оккультными науками, а простыми словами, они там гадали.

– Туда? – не просто так переспрашиваю я Рыжую, а я призываю её опомниться. Но куда там, Рыжая на своей волне. – У тебя, – говорит она, – как я думаю, всё равно есть крупницы сомнения в том, что я тебе сказала. И чтобы их окончательно развеять, а также объективности ради, мы сюда и зайдём.

– Ну, если объективности ради, то я не против. – Говорю я, и мы направляем наш ход напрямик в эту обитель недовольных собой, жизнью и главное своей любимой людей. Но мне кажется, что им всё-таки движет не это, а они по своей сути азартные люди и им нравится делать ставки на то или иное событие, вот они и спускают последние деньги, ставя на ту или иную карту. Ну а в прибыли, как бы это не неожиданно не прозвучало, всегда остаётся владелец этого фигурального казино, работающего по тем же принципам, что и настоящее казино, со ставками наудачу и холодным расчётом крупье.

– Так что же мне делать, крупье? – взмокнув весь от волнения, где прилипшие ко лбу волосы есть только самое видное внешнее проявление игрока по жизни, а так у него и рубашка прилипла к спине, носки сползли к пяткам, а в голове один сумбур, вопрошает крупье из этого судьбоносного салона очередной клиент, гоняющийся за недостижимым. – Кого мне выбрать? – Ну а заданный им вопрос не нов, все отчаявшиеся игроки, делают ставки, либо на чёрное, либо на красное, а в случае с этим клиентом, на блондинку или брюнетку.

– Как карта ляжет. – Взамен фразы «куда шарик упадёт», с непроницаемым лицом говорит хозяйка заведения и по совместительству крупье или потомственная ворожея, а, по мнению некоторых несознательных граждан, у которых ни к чему и ни к кому доверия нету, потомственная врунья и по крови ближайшая родственница самому чёрту, леди Соня (честно сказать, до чего же страшная тётка, так что уснуть в первую ночь не сможешь, после посещения её салона). Пока же леди Соня тасует колоду карт, а всё это она делает в соответствующей для такого рода занятий обстановке таинственности, с приглушённым светом («На всём гадина экономит, – полны скептицизма на её счёт всё те же несознательные граждане, – да и там, откуда она родом (из ада), не любят лишний свет»), нервно себя ведущий клиент, решил отдать откуп пальцам своей руки свою и судьбу этих знакомых ему дам. Он принялся загибать пальцы руки, выискивая плюсы и минусы у объектов его спорного внимания.

– Анжела слишком красива, а это меня беспокоит. – Пробубнил себе в нос нервный клиент, покосившись на свои часы на руке, где своё отражение совсем его не порадовало. И он даже нащупал ответ на то, что его может беспокоить насчёт Анжелы. – Либо она близорука в глазах, либо слишком на мой счёт дальновидна. – Сделал вывод нервный клиент, отогнув обратно палец руки, который был согнут в плюс Анжеле, когда она была клиентом вспомнена в своём красивом качестве, и к тому же она блондинка. – Ну а что же Катерина. – Хмыкнул нервный клиент. – Она неприхотлива, послушна, – начиная с мизинца, начал загибать пальцы нервный клиент, – смирна, – здесь он в запарке сбил порядок загиба пальцев и вместо указательного загнул большой, – полезна. – Добавив, загнул указательный палец нервный клиент, и так у него это получилось концептуально, что на это стоило посмотреть, где на нервного

клиента смотрела фигура из трёх пальцев. – А не есть ли это знак с небес? – спросил нервный клиент, потрясённый увиденным предзнаменованием. А тут ещё и карты подоспели.

– Карта трэф. – Озвучивает итоговое решение ворожея и лгунья, по мнению несознательных и когда выпьют, то не дисциплинированных граждан, леди Соня.

– И что это значит? – вопрошает нервный клиент, глядя на карту.

– Не дрейфь. – Подталкивает к решению нервного клиента леди Соня, а меня Рыжая, кольнув пальцем в бок. Ну а я и не собирался таким способом дрейфовать (в этом случае вроде бы так склоняется слово не дрейфь), а так же не собирался выказывать почтение хозяевам шарлатанам этого заведения и поэтому мой весь вид выражал и выказывал сомнение в их роде деятельности. – Я мол, не единому вашему слову не верю и не поверю, сколько бы вы меня в этом не убеждали. А если вы спросите меня, почему я тогда сюда пришёл, то, во-первых, какие из вас ясновидящие, если вы этого не знаете, и, во-вторых, то я вам так уж и быть это скажу: по воле независящих от меня обстоятельств. – Вот примерно такую заготовку я приготовил в ответ этим шарлатанам, если они захотят выказать мне претензии. Типа мы для тебя тут стараемся, шары судьбы крутим, карты в пасьянсы раскладываем, а ты морду кирпичом сделал, и никак не реагируешь.

И вот с таким ярким предубеждением против этого бесовского племени и сомнением во всём себе и особенно отчётливо оно было видно на моём лице, я захожу в эту обитель, полную шарлатанов и игроков на нашем доверии, где нас отчего-то приветливо (это я уже потом догадался о причине её столь приветливости, Рыжая ей хорошо приплатила) встречает та самая леди Соня, страшная как чёрт.

– А я вас, знаете, ждала. – Явно намекая на подтекст своего заявления, типа я это уже предвидела, раскидав карты, говорит леди Соня. Но кого она решила дурить, чертовка. Разве по моему каменному лицу не видно, что меня на такие уловки не поймаешь. – Тьфу, на тебя леди Соня. Ни одному твоему слову не поверю. – Своей непробиваемостью отнёс я все посылы леди Сони обаять меня своим гостеприимством. – Ты, леди Соня, лучше не тычь в меня свой, как у бабы-яги, длинный нос, и вообще на меня не смотри. – С жёстким посылом я смотрю на леди Соню, которая к моему нарастающему беспокойству, вдруг взялась за дурную привычку смотреть на меня и обращаться только ко мне. – Ты, леди Соня, смотри, чего там себе не надумай на мой счёт. Я человек крепких, без всяких там, суеверных убеждений, на которые ты ссылаешься, глядя на мир, и меня вот так просто не сглазить. – А эта леди Соня, а по мне так первая ведьма и баба-яга в своей сути и во плоти, в общем, я близок к мнению тех несознательных граждан, видящих эту ведьму леди Соню в её настоящем свете, в ответ на мой независимый от её карточных манипуляций взгляд на неё, в упор упирается в меня своим мутным глазом и с видимой только мне усмешкой, – Рыжая пока отвлекалась, взяв в руки прозрачный шар, внутри которого осыпаются снежинки, – начинает посылать мне прямо в мозг сигналы.

– А ты, милочка, слишком не важничай и не ерпенься, – мерзопакостно и кровожадно ухмыляясь, еле заметно кивая головой, мол, всё именно так, как ты понял, одними своими мутными глазами говорит леди Соня, – ты сейчас полностью в моей власти. И что я захочу, то и будет. – С чем я кардинально не согласен, что я ей, хмыкнув, и даю понять. – Видал я ещё и не таких страшил, как ты, – хотя тебе надо отдать должное, ты занимаешь в их ряду особенно противное место, – кто слишком много думал и важничал на свой счёт. И знаешь, где они теперь? – через ухмылку задаю я свой вопрос.

– Где? – определённо заинтересовавшись, спрашивает меня баба-яга, леди Соня.

– А я думал, ты всё знаешь о своих поганых родственниках. – В удивлении пожимаю я плечами. Что выводит из себя леди Соню, и она, сорвавшись на гнев, приступает к угрозам. – Ты, как я вижу, ещё не понял, где находишься и с кем связался. – В злобном оскале озвучила эту свою мысль, гнилая в зубах леди Соня. – А стоит мне только захотеть, а я уже начинаю в себе чувствовать нестерпимый зуд и уже хочу, то ты будешь на веки мой. Как собачонка будешь

бегать за мной, в ожидании подачи. – Меня в один момент в отвращении передёрнуло, когда леди Соня сладко облизнулась на мой счёт, а когда озвучила свои намерения сделать из меня цепного даже не пса, а собачонку, то я её уже был готов прибить. Правда, на пути к этому имелись свои, практически непреодолимые осложнения, в виде, что за ужас, физиономии леди Сони. А тут ещё леди Соня начинает свои провоцирующие на дрожь во всём себе нападки.

– А общем, я уже решила, и ты скоро будешь моим. – Нахально так, до чего же самоуверенно заявляет она, глядя на меня вожделенным взглядом. И от такого непревзойдённого по своей наглости нахальства и прямо-таки убеждённости в себе, я даже на время теряюсь и неуверенно вопрошаю. – А как же судьба, разве она допустит такой произвол с вашей стороны? – А леди Соню моя неуверенность только распаляет и она с дьявольской ухмылкой говорит мне. – Ничего, я с ней договорюсь. Она у меня в долгу по некоторым делам, так что в твоём случае, ты можешь не переживать, она пойдёт мне навстречу. И ты теперь хорошенько подумай, прежде чем мне сказать что-либо против, и с этого момента каждое твоё слово будет инициировано мною к воплощению в реализацию. И как ты понимаешь, в зависимости от того, как я решу твои слова интерпретировать.

– Да откуда ты такие невозможные слова-то знаешь, нахалка?! – чуть было не вырвалось из меня, но я удержался, – сейчас злить леди Соню, не разобравшись в её возможностях, было бы неразумно и глупо, – и, сжав, что есть силы зубы, принялся судорожно соображать над создавшейся ситуацией. А леди Соня, меж тем, не даёт мне сосредоточиться на своих мыслях, сбивая меня с толку своими провокационными заявлениями.

– Ну так что скажешь, милок, в ответ на моё лестное предложение, быть моей ручной собачкой? А превращу я тебя в болонку и буду звать Фунтик. – Похихикивает от своего кровожадного удовольствия эта, до какой же невозможности настырная провокаторша и гадина в одном бабы-яги лице, леди Соня, уже потирая руки, в которых зачесалась колода карт. Но я креплюсь, догадываясь, чего она в итоге добивается – моей однозначно и моих друзей прицепом гибели. И теперь я не имею права разбрасываться словами, не подумавши, ведь от моего ей ответа будет зависеть судьба многих людей.

– Но что же ей ответить? – размышляя, нахмурил лоб я, при этом отлично понимая, что моё молчание будет ей воспринято, как знак согласия. И что-то мне подсказывает, что леди Соня захочет этот свой успех отметить не тихо, в узком кругу своих родственников из числа вампиров и вурдалаков, а непременно пожелает с размахом закатить дьявольский пир, пригласив на него, не только всех своих знакомых шарлатанов и жуликов всех мастей, а она не посчитается с расходами и выпишет из-за границ местных мистификаторов, престижитаторов, а по-нашему самых обычных проходимцев, но с иностранными и из-за акцента громко звучащими именами. – И всё как бы за мой счёт. Нет уж, я не доставлю тебе такого удовольствия! – переполнившись возмущением на такую подлость леди Сони, с ещё с большим рвением принялся я соображать над тем, как разрушить эти грандиозные планы леди Сони, отъявленной бабы-яги, обязательно пожелавшей похвастаться мной перед кощеем, самым главным шарлатаном и мистификатором, и пригласить его на этот праздник её души.

– А если ей сказать просто нет? – сделал предположение я.

– А почему? – звучно протягивая слова, поинтересуется у меня леди Соня.

– Это моё дело. – Как отрежу, скажу я.

– Тогда моё дело, как хотеть понимать этот твой ответ. – С явной угрозой, хрипло проговорила леди Соня и, давая мне понять, как она может понять этот мой отказ отвечать на поставленный ею вопрос, плотоядно посмотрит на ничего не подозревающую Рыжую. – Вот посмотри на неё в последний раз, – так и говорили её бесовским огнём горящие глаза, – скоро ты её больше не увидишь, а всё по причине твоей не сговорчивости. – И так картами при этом в руках обошлась, что у меня и сомнений не возникло в том, что она сумеет что-нибудь подобное устроить.

– Тогда я не должен ей так отвечать. – Отмёл напрочь первый вариант ответа я. – А я должен её с толку сбить, атаковав её. – Решил я и мысленно применил против неё другой ответ. – А ты на себя-то смотрела, чтобы предлагать мне такие варианты? – с долей презрения и собственной значимостью заявлю я. И как мне покажется, то мой напор мысли достиг своей цели – леди Соня вдруг вся поникнет, опустив свою голову вниз вслед за своими плечами и начнёт перебирать руками на себе свою драную и всю в пятнах одежду, в поисках и не пойми чего. Правда вскоре ею отыскивается искомое и это, как и предполагалось мной (я иногда очень догадлив), было замызанное зеркальце, с потрескавшимся окном в мир себя. При этом леди Соня не сразу лезет в него заглядываться всей своей невозможностью наличия какой-нибудь красоты, а она смачивает пальцы своей свободной руки, в общем, смачно в неё плюёт, и затем ими наводит лоск на своей голове, после чего рукавом вытирает с лица крошки и какие-то странные жировые наслоённости и только после того, как концентрирует на своём лице внимание к себе, заглядывает в зеркало. Откуда на неё, надо заметить и подчеркнуть, не смотрит ничего нового, а всё тоже самое, что и в прошлые разы смотрело, как впрочем, всегда и с каждым из нас случается.

Ну а ответная реакция на своё изображение в зеркало, как правило, зависит и находится в компетенции нашего оптимизма насчёт себя. И если вы не большой насчёт себя оптимист, то вы можете и покачать головой, глядя на это обычное недовольство собой, а можете и плюнуть в лицо всё тому же невероятно нервному лицу, ну а если в деле оптимизма вы преуспели, то можете, как это сделала леди Соня, баба-яга местного разлива, напугать ещё больше зеркало своей расплывшейся улыбкой и, подмигнув мне в отражение зеркала, отчего я пошатнулся в ногах и чуть было не сбрендил в мыслях, приторно сладко обратиться ко мне.

– А ты что думаешь, я не в курсе того, какое впечатление я произвожу на не оперившихся духом юнцов, в которых ходит большая часть людей в штанах. – Омрачает мой ум своей ядовитой приторностью слов леди Соня. – Но дело ведь в том, – с такой безнадежностью говорит это леди Соня, что у меня от нехорошего предчувствия внутри всё похолодело, – что не мне с моего лица воду пить ... – леди Соня на этом месте специально делает кульминационную паузу и вдруг обрушивает на меня такое, что я и слов не могу найти, как это безумие назвать. – А тебе! – с языком наружу на выдохе, ором заявляет это леди Соня, дьявол в драных юбках и квинтэссенция всех моих страхов и ужасов в одном лице.

И я, покачнувшись на ногах, в оторопи от неё, только одно и смог, как вымолвить не в полном составе знаковую фразу: Твою ма...

Когда же я пришёл в себя, то я немедленно отмёл все словесные варианты ответов: «Ни за что я при таких условиях пить не буду, если вообще когда-нибудь захочу пить!», которые все вели к такому страшному для меня итогу. – Но что же тогда делать? – уже весь вспотев, спросил я самого близкого к себе человека, то есть самого себя. После чего я, покосившись, смотрю на такую беззаботную и так увлечённую собой Рыжую, с чьего лица бы пил бы и пил, и мне вдруг в страшном предчувствии, на которое наводит невероятное коварство и подлость леди Сони, стало до невероятного опасно боязно и страшно за Рыжую, такую беззащитную перед вызовами современности в лице той же леди Сони, – а там, в будущем, откуда Рыжая, уже победили всю эту коррупцию и ржавчину человеческой души и опасность представляют только полукиборги и роботы, с кем ведётся беспощадный бой; ну и расчётливые недобитки типа Наум Наумыча.

– А эта гримза, леди Соня, – в момент окатило меня понимание стратегических планов леди Сони, – если на прямую от меня ничего не добьётся, то обязательно возьмёт Рыжую в заложники и начнёт посредством неё на меня давить. – Леди Соня со своей стороны видимо уловила это моё понимание её коварных планов насчёт Рыжей, и раз все карты раскрыты, обращается ко мне.

– Ну и что теперь ты скажешь? – пока что фигурально держа Рыжую в заложниках, вопрошает меня леди Соня.

– Тогда может быть, пройдем к столу. – Уже вслух озвучиваю своё решение я. – Почему бы и нет. – Многозначительно посмотрев на меня, сказала леди Соня, приглашая нас с Рыжей за стол. После чего мы все занимаем свои места за столом, – леди Соня с одной стороны, а мы друг напротив друга по левую и правую руку от этой ведьмы, – и каждый по своему начинаем свои приготовления к тому, для чего мы все здесь собрались. И если я и леди Соня, в общем-то, уже внутренне приготовились к будущему противостоянию и нам нужно-то было, всего лишь устроиться поудобней и переглянуться между собой, то находящаяся в беспечной неизвестности Рыжая, на всё смотрела с открытыми глазами и не спешила занимать своё место на стульчике, по пути к нему разглядывая всякую всячину, развешанную на стенах этой гадальной комнаты.

Когда же она, наконец-то, заняла своё место за столом и с озорным видом, под нашими хмурыми взглядами выложила перед собой свои ручки на стол и начала их, сбивая нас с мыслей, крутить, то леди Соня, явно завидуя, даже не молодости и красоте Рыжей, а той её беззаботности, с которой она смотрит на окружающий мир и на неё в том числе, чего ей никогда не достичь, а смотреть на всё это и на то, что она на неё смотрит без предубеждения на её ведьмовской вид, у неё нет больше сил, обращается ко мне с вопросом. – Ну так что?

– Ну так что? – делая непонимающий вид, переспрашиваю я её. Леди Соня с раздражением смотрит на меня и детализирует свой вопрос. – Так с чего начнём? – спрашивает она.

– А какие у вас есть предложения? – спрашиваю я её, хотя отлично зная, что она может предложить – один только обман и себя в качестве основного приза. Где первым она постарается накормить Рыжую, а вот главный приз предназначен для меня. С чем я категорически не согласен и мне придётся напрячь все свои силы, чтобы оставить леди Соню со своим собственным огромным носом. Ведь ввести в заблуждение клиента насчёт его носа, есть одновременно цель и инструмент воздействия у всей этой шарлатанской публики. А когда знаешь алгоритм работы этого шарлатанского инструмента, то есть шанс, как минимум, не быть обведённым вокруг собственного носа.

Между тем леди Соня нагоняет на себя загадочности, что право лишне при её близком к вурдалакам виде, и начинает озвучивать те области запредельного, с какими она имеет прямую, косвенную и другого рода (как я понял, через кошек) связь, а также с кем она может работать – здесь она уж дала волю своему тщеславию и по секрету нам сообщила, что может быть близка с самыми известными мужчинами из прошлого. – И если вы мне не верите, – играя возмущение на нашу публику, выказала негодование леди Соня, – то я готова прямо сейчас вызвать в качестве свидетеля Казанову.

– Мы вам верим. – Заранее предупреждая желание Рыжей пойти на поводу своего любопытства, за которое её хочет подловить леди Соня, срезаю я Рыжую на подходе к своему согласию. Леди же Соня, видно мне, еле сдерживается от эмоционального всплеска, до которого я её довёл своим отказом и, блеснув в мою сторону взглядом: «Ничего, я тебе ещё отомщу!», прокашливается и, с трудом удерживая спокойный тон, озвучивает способы гадания, к которым можно прибегнуть с помощью карт.

– А вот это нам подходит. – На этот раз вставляет своё слово Рыжая, когда леди Соня в своём перечислении способов и на что можно погадать, останавливается на мужских мыслях. Я бы, конечно, предпочёл другой вариант, противоположный этому и даже нашёл подходящие для объяснения слова: «Разве они что-то значат, когда последнее слово всегда за вами», но сейчас я запросто могу быть не правильно понят Рыжей, а леди Соня обязательно подбросит своих дровишек в огонь её сомнений, и я с беспечным видом соглашаюсь. – А почему бы и нет. – А все этому только и рады. И я даже не знаю, кто больше, Рыжая или леди Соня, у которой уже руки зачесались, и она принялась колоду тасовать.

– Ну теперь, милоч, у тебя нет шансов. – Глядя на меня с таким зрительным посылом, леди Соня принялась, как мне виделось, кровожадно и достаточно ловко манипулировать картами в руках. После чего она откладывает эту колоду карт в сторону и достаёт из выдвижного ящика не такого и простого стола, запечатанную пачку карт. Которая в раз ею разрывается и она приступает к новому тасованию (любит она это дело, догадался я). Когда же карты растасованы по своим судьбоносным для себя и меня местам, в общем, находятся в своей логической неизвестности, леди Соня кладёт колоду перед собой на стол и своим внимательным взглядом на меня, переводит внимание всех сейчас находящихся за столом людей в ту же самую точку, то есть на меня.

Я же со стороны посмотрев на себя несколько неважно выглядящего и кто-то, а я знаю кто эта паршивка, может сказать, что испуганного, перевожу свой взгляд вначале на колоду карт, которая у меня сразу же вызывает сомнения и подозрения в некой нечестности и наличии подвоха со стороны леди Сони (как минимум краплёные), после чего смотрю на ухмыляющуюся леди Соню и спрашиваю её. – И что от меня требуется?

– Всего лишь сдвинуть. – Таким небесным голоском говорит мне это леди Соня, что мне последнее, что хочется сейчас сделать, так это собственной рукой сдвинуть себе приговор. Но у меня, видимо, нет другого выхода, и мне придётся сдвинуть карты. Но только после того, как она мне объяснит правила её игры с нами, названной ею гаданием.

– И в чём суть? – спрашиваю я её. Леди Соня ничего не имеет против того, чтобы ею приговорённый клиент знал, каким изошрённым способом его будут линчевать и она без всякого сожаления, рассудительно и со знанием дела, начинает вводить нас с Рыжей в курс моего будущего приговора.

– Всё на самом деле очень просто, – начала своё объяснение леди Соня, и в этом я ей поверил, для леди Сони вынести приговор человеку раз плюнуть, – раздаётся по порядку шесть карт. Первая карта покажет нам, что у него на уме, – кивнув на меня, сказала леди Соня, вызвав во мне ответную, полную негатива реакцию: «Ах ты, сволочь, в голову ко мне залезть хочешь! Чтобы значит переформировать мой мозг и я сам, без всяких подсказок с твоей стороны, пришёл к решению бросить Рыжую и остаться с тобой. А это ты видела!», – в собственном запале я и не сообразил, что я её фигуральным образом показал, но по тому, как она округлила глаза, было понятно, что я её сумел ошарашить. «А без карт слабо сказать, что я про тебя сейчас думаю», – добавляю я. И видимо леди Соня не такая могущественная ведьма, и вообще, она только с виду такая страшная и бесстрашная, тогда как на самом деле, она страшная трусиха и оттого она не осмелилась всё это мне вслух сказать. И ей даже сглотнулось, когда я мысленно озвучил то, что я о ней сейчас подумал (чтобы она своими картами подавилась).

Тем временем леди Соня, не совсем поняв, почему ей вдруг икнулось, – какая сволочь ещё меня вспоминает, – продолжает свой ликбез. – Вторая карта объясняет, что есть на сердце человека нас интересующего. Третья карта предсказывает ближайшее будущее. Четвёртая – исполнение желания. Пятая – имеющиеся опасения. И Шестая – указывает на настоящее. Надеюсь, я всё доступно объяснила? – по оконцовке спросила леди Соня, на этот раз обращаясь к Рыжей. Когда надо было спрашивать меня, так как этот карточный расклад касался меня. Хотя я уловил, почему она так пренебрегла мной и моим мнением – она, таким образом, показала мне, что я всего лишь объект для изучения, подопытная мышь, чьё мнение никого не волнует, и все решения на мой счёт будут принимать они.

– Так я и знал, что эта стерва, леди Соня, что-нибудь такое выкинет. А ведь она ещё не начала раздавать карты, где она всё обязательно на мой счёт переверёт и выставит перед Рыжей в самом жутком свете. – Догадался я.

– Он не просто человек с бесчисленным количеством недостатков, – как уверенно представилось мне, даже не по секрету скажет, а раскроет на меня глаза Рыжей, леди Соня, – что

может и терпимо, а у него есть один такой недостаток, который все недостатки перекрывает, и вы с ним, я уверена, не сможете сжиться.

– Что же это такое?! – в крайнем волнении, с придыханием тихо спросил Рыжая. Леди Соня посмотрит по сторонам и, никого там не заметив, – а меня она с этого момента в упор не видит, – сглотнув набежавшую слюну, сообщает Рыжей эту страшную новость. – Он женат и при этом без права на развод. – Рыжая, услышав эту до глубины души потрясшую её новость (а мне вот, совсем не понятно, с чего такое удивление, если она у меня об этом не интересовалась, а то, что у них в будущем не принято общаться между собой людям с разным семейным положением, то это их проблемы, о которых я тоже не знал), вся бледнеет и в головокружении начинает хватать ртом воздух. Но затем всё-таки собирается с силами и спрашивает леди Соню. – А как это понимать, без права на развод?

– А это ты его спроси, почему он не хочет разводиться. – Переводит стрелки на меня эта подлейшая из леди, леди Соня. Рыжая разворачивается в мою сторону, хотя она и до этого не сводила с меня бокового взгляда и держала меня в поле своего зрения, и с полными надежд глазами (они, было видно, набухли слезами и готовы были в любой момент, приход которого зависит от меня, вместе с надеждами начать расплёскиваться) смотрит на меня, ожидая для себя решения всей её жизни. А я, как это бывает в таких заводных случаях, когда тебе и одуматься не дают, нажимая на твои самолюбивые болезненные точки, и ты готов идти на рожон безрассудства лишь бы не идти на поводу своего противника, а он как раз этого и добивается и ты, в общем, идёшь на его провокационном поводе, хочу прямо-таки отвергать очевидность. При этом, я сколько себя помню, ни с кем не был связан такими суровыми обязательствами, а потому что не готов и безответственен, – и я, отталкиваясь от данностей, которые мне приписала леди Соня, – я нашедший себя в семье однолюб, – желаю опровергнуть все эти её голословные утверждения о моей несамостоятельности.

– Это правда? – еле сдерживаясь от своего умопомрачения, с замершим на мгновение сердцем, спрашивает меня Рыжая. А я раззадоренный леди Соней, которая специально не перестаёт на меня смотреть, чтобы держать меня на взводе, уже готов уронить её в слёзы, заявив даже не ей, а этой подлюке, леди Соне, что это всё так и я не боюсь в этом признаться, но в самый последний момент, когда эти жестокие к чувствам Рыжей слова, уже приготовились сорваться с моего языка, я вдруг замечаю руки Рыжей, которые своими пальцами вцепились в стол и только благодаря им Рыжая ещё удерживается на своём месте, и это всё решает для меня.

– Это не так. – Ровным голосом говорю я и баба-яга, леди Соня, повержена, а Рыжая, что за рёва, всё же разревелась, но это были слёзы радости. Я же не расслабляюсь, зная какую огромную опасность представляет из себя леди Соня, и пока Рыжая наполняется радостью, обливаясь слезами в платок, я бросаю вызов леди Соне через свой знаковый взгляд.

– Я понял, – говорит этот мой категоричный взгляд, – что значит этот ваш карточный расклад. Это есть ряд испытаний со своими уровнями сложностями, которые ты, баба-яга, а не какая-то там леди Соня, со своим подельником, кощем, а на самом деле его зовут Наум Наумыч, – здесь леди Соня дёрнулась в глазу, чем признала мою правоту, – от скучности своего существования в бессмертии, и придумали для меня. И пройдя которые, я в итоге освобожу из ваших рук свою Рыжую принцессу. Всё так, ведьма?! – устремив на леди Соню свой принципиальный взгляд, я, таким образом, спросил её.

– Всё именно так. – Усмехается леди Соня. – И если уж тебе знаком Наум Наумыч, то знай, что он о тебе, ничтожный человек, думает: Я о нём и думать не собираюсь, так он мне своим ничтожеством противен. – Что и говорить, а сумела леди Соня меня опять завести этой своей провокацией, нацеленной на то, чтобы я всю свою злость перевёл на Наум Наумыча, а её, если уж так получится, что я пройду все испытания, пожалел. В общем, страхуется ведьма.

– Надо будет сыграть на их дьявольских противоречиях. – Под прикрытием своей рассерженности на Наум Наумыча, не такого уж разумного человека, как он мне представлялся, рассудил я про себя.

– Что ж, приступим. – До меня вдруг доносится голос леди Сони, и я, будучи на своей волне, согласно киваю головой и сдвигаю колоду карт, подняв часть колоды и, отложив её в сторону. После чего в карточный расклад вступает леди Соня, беря из первой пачки карт сверху по карте и называя её значение: «Что у него на уме», кладя в ряд перед собой рубашкой верх. Когда шесть карт занимают свои места на столе, ровно в ряд, леди Соня кладёт руки перед собой на стол и в ожидании решения Рыжей, смотрит на неё. Рыжая со своей стороны пристально смотрит на карты и что-то там у себя в уме соображает, и как мне видится, совсем не берёт меня в расчёт. А меня, между прочим, весь этот расклад в первую очередь касается (я уже вроде по этому поводу возмущался).

– И что теперь? – спрашивает Рыжая леди Сою.

– Раскрывать карты и читать их значения. – Сказала леди Соня.

– Я хочу внести небольшое изменение. – Сказала Рыжая. И по тому, что леди Соня не стала возражать, я понял, что она была в стоворе с Рыжей. И тогда спрашивается, какой во всём этом смысл, если всё подстроено заранее и в карточный расклад не заложен элемент случайности, который только и делает его легитимным. Хотя вполне возможно, что здесь не всё так просто. И не есть ли это первое испытание для меня, придуманное однозначно Наум Наумычем. – Этот неразумный человек ещё до первого карточного испытания будет повержен. Вот так я его обведу вокруг своего носа этой хитростью. Ставлю на такой исход дела щепотку своего лучшего нюхательного табака. – Вот так этот Наум Наумыч не во что меня не ставит, а щепотку табаку он поставил, чтобы окончательно унижить меня и от смеха обчихаться, когда будет занюхивать свой выигрыш в пари. – Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, Наум Наумыч. – Жёстко послал я этот зрительный сигнал через леди Сою Наум Наумычу, как мне пришлось, наблюдающим за всем этим процессом расклада карт за столом, через мутный глаз леди Сони.

Между тем Рыжая достаёт из сумочки жирный маркер, – Ещё одна заготовка, догадался я, – и, приподнявшись со своего места, пододвинувшись к разложенным на столе картам, принялась согласно их очередности раздачи, ставить маркером на них цифры. – Вот теперь не перепутаем и будем знать, с чем каждую из них связывать. – Вернувшись обратно к себе на место и, убирая маркер, сказала Рыжая. Леди Соня меж тем ничего не предпринимает, а ждёт команды от Рыжей. И она следует. – Давайте начнём с последней карты, – говорит Рыжая, – она, если я не ошибаюсь, рассказывает о настоящем. А это наиболее нам сейчас ближе. – Сказала Рыжая, знаково посмотрев на меня.

– Вы не ошибаетесь. – Говорит леди Соня и под нашими взглядами берёт карту с цифрой шесть на ней и переворачивает её лицевой стороной. Откуда на нас смотрит шестёрка пик. Леди Соня на этот раз бросает говорящий взгляд на меня: «Что я и говорила, никуда ты не денешься от нас. И всё идёт по плану», после чего смотрит на Рыжую и даёт свою расшифровку этой карте. – Карта указывает на то, что вы находитесь в пути и вас ждёт дальняя поездка. – Что не может устроить Рыжую, как и любую другую девушку на её месте, и ей нужны подробности. Как будто она не понимает, что в таком деле как гадание, подробности если и добавляются, то они ничего не имеют общего с реальностью и ещё более усложняют понимание нагаданного. Но разве ей сейчас до понимания всего этого. Нет, конечно. И Рыжая начинает задаваться вопросами.

– И что это за поездка? – с нахмуренным взглядом посмотрев на меня, как будто я чего-то недоговариваю или даже скрываю от неё, спрашивает Рыжая леди Сою, как по моему мнению, то специально спровоцировавшая этот между нами разлад, указав на какую-то там поездку, о которой я знать не знаю и вообще я домосед.

– Единственное, что могу сказать, – сказала леди Сони, начав смотреть на карту, как будто в ней что-то новое появилось, – она совсем скоро состоится. – Добавляет леди Соня и бросает на меня смешливый взгляд. – На чистом глазу врёт, ведьма! – всё во мне возмущается на такой поклёп с её стороны. Правда в моё это утверждение закрадывается неточность – у леди Сони в глазах всё мутно – и оттого я не могу её в этом обвинить. А тут ещё Рыжая живо так ко мне обернулась и не моргающим взглядом на меня смотрит, пытаюсь рассмотреть во мне то, что я от неё скрыл о своей очень скорой поездке, и она даже догадывается к кому – к моей, неизвестной никому, кроме леди Сони, супруге.

И у Рыжей, явно впопыхах, не подумавши о наделении их разумностью, один за одним начинают рождаться вопросы, которые она пока что не озвучивает вслух, но мной они легко читаются по её глазам. – Далеко, надолго и вообще, ждать ли мне тебя, если ты, подлец, не собираешься из этой своей поездки возвращаться, оставшись там, со своей женой?

– Да какая к чёрту поездка?! – всё во мне переворачивается от таких невозможных подзрений на мой счёт. Но я, что есть силы храню на своём лице хладнокровие, зная, чего от меня добивается леди Сони. Я сейчас всплыву и сам пошлю Рыжую по тому же направлению, а ей только этого и надо, чтобы остаться тут со мной. – Никуда от тебя я не уеду. – Даю я понять Рыжей и она мне верит к раздражению леди Сони. И Рыжая, ободрённая моим ответом, возвращается к леди Соне, бросает на неё странный взгляд, затем смотрит на оставшиеся в ряду карты, и со словами: «На сегодня достаточно», начинает их складывать в свою отдельную колоду.

Когда карты оказываются сложенными в одну, она протягивает их мне и говорит. – Пусть будут у тебя. – Что ж, я не против, и я протягиваю руку к картам. Но мне они сразу не даются, а Рыжая, задержав карты в руке, с внимательной настойчивостью глядя на меня, наставительно говорит мне. – Я надеюсь на твою честность. Ты понимаешь, о чём это я. – И я, конечно, мог бы схитрить, сославшись на то, что не так её понял, но мне самому этого не хотелось делать и даже претило, и я искренне кивнул ей, давая согласие на то, что даже в минуты особой расхлябанности и безответственности не буду заглядывать под карточную рубашку. Что я и продемонстрировал, когда убирал в карман карты, даже краем глаза не взглянув на нижнюю карту, посмотреть на которую было само собой разумеющимся движением глаз.

Рыжая, проводив карты в мой карман, переводит свой взгляд на леди Соню и спрашивает её. – И с какого момента начинает действовать предсказание?

– С первого шага по выходу из дверей моего заведения. – Даёт ответ леди Соня.

– Что ж, всё понятно. – Сказала Рыжая, приподымаясь со своего места. – На первый раз, я думаю, с нас достаточно. – Добавила Рыжая, и уже было собралась окончательно выйти из-за стола, но тут её взгляд останавливается на сдвинутой мной колоде карт и её, как мне думается, осеняет некая взбудоражившая её мысль.

– А мне можно одну карту для сердца? – спрашивает леди Соню Рыжая. И по мне так, она могла бы и не спрашивать, если ответ очевиден, леди Соня на всё готова расстараться, чтобы внести раскол в наши отношения с Рыжей. – Берите. – Говорит леди Соня, пододвигая к Рыжей снятую мной колоду карт. Рыжая задерживает свой взгляд на верхней карте, – она, скорей всего, представляет себе, что там от неё скрывается, – и с выдохом протягивает к ней руку и скрытно от всех берёт карту – она пальцами руки сдвигает её с колоды на стол и катит к себе по его поверхности. Когда же карта оказывается у края стола, то лишь тогда она берёт её в руки и подносит к своему лицу. После чего она, сохраняя на своём лице полную невозмутимость, смотрит на карту, затем приподнимает взгляд и смотрит на меня. И мне от её холодного взгляда, если честно, то не очень по себе. – И что она такого ещё там увидела?! – всё во мне вопросило в сторону леди Сони, единственная, кто был заинтересован в таком взгляде Рыжей на меня и кто мог всё это подстроить с помощью карт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.